

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо

Предисловие.

В следующем десятилетии человечество столкнется с двумя важнейшими проблемами: во-первых, с оздоровлением окружающей среды и, во-вторых, с исцелением духа. Первая проблема рассматривается в книге «Земная Грэза» Томаса Берри. Книга Клаудио Наранхо посвящена второй проблеме.

Я знаком с доктором Клаудио Наранхо уже двадцать пять лет. Своими скромными познаниями в области суфизма, мистического аспекта ислама, я обязан ему. Тейяр де Шарден сказал: «Исследование – это высшая форма обожания» Клаудио Наранхо – исследователь духа. Он пребывает в состоянии покоя и безмолвия и в то же время погружается все дальше и дальше в глубины духа. Его мышление и опыт всегда носили межкультурный, междисциплинарный и межрелигиозный характер. Высококвалифицированный врач, психиатр и терапевт, в более глубоком смысле он остается шаманом, Человеком, охваченным Святостью, Умозрением, Mysterious Tre-mendum.

Вопросы, поставленные в книге Клаудио Наранхо, располагаются в широком диапазоне: от профессионализма до духовного ведения, от легализма до движения духа, от трансцендентности до имманентности, от Апокалипсиса до Метаморфозы, от священника до одержимого шамана.

Папа римский Иоанн однажды сказал: «Содержание древних россыпей веры – одно дело, а способ их изложения – другое». Стоя на плечах Фрейда и Маркса, Клаудио обладает и периферийным зрением. С ясным знанием и пониманием окидывает он взглядом прошлое и в то же время интуитивно постигает будущее, взирая на «тот дальний Свет». Для его языка характерны рециркулирование и ослабление биологической тональности. Он берет старые слова, понятия и способы мышления и привносит в них новизну и свежесть. Если мы открыты для новой истины, мы обретаем просветление. Ведь мы не термиты, поедающие землю, и не гусеницы, превращающиеся в бабочек путем метаморфозы. Мы – люди, созданные по образу и подобию Бога и наделенные генетическим потенциалом актуализации своей истинной природы. В этой книге содержится проект тех «имагинальных клеток», благодаря которым мы придем к «Царству трех»: Отца, Матери и Ребенка. То, что вверху, то и внизу.

Джон Вивер, бывший архиакон Собора Господней Благодати, бывший член правления Римского Клуба в США.

Блажен читающий и слушающий слова Пророчества сего и
соблюдающий написанное в нем: ибо время близко.
ОТКРОВЕНИЕ Святого Иоанна Богослова (1:3)

Но ведь одного спасения мира недостаточно.
Мы должны также трудиться над построением
общества озаренных людей.

О нашем времени и для нашего времени.
В этой книге рассматриваются четыре взаимосвязанных вопроса: социальная патология, «Царство Божие», колективная трансформация и забытые ресурсы, которыми мы можем воспользоваться в наше кризисное время.
Что касается корня «макропроблемы», которая вызывает у нас непрестанную тревогу, я предлагаю выйти за пределы таких частных ответов, как технократия, капитализм, рационализм, индустрIALIZМ и т.д. и искать его в области, предданной забвению, но, изначально присущей всем высшим цивилизациям патриархальной структуры общества и сознания человека.

Здоровое общество, которое, по-моему, является единственной возможной альтернативой нашему самоуничтожению, может состоять только из эмоционально здоровых индивидов, причем внутриличностное и межличностное здоровье должно заключаться в пронизанной любовью сбалансированности взаимоотношений между отцом, матерью и ребенком (как в семье, так и в душе человека).

Относительно изменений, происходящих вокруг нас, я предлагаю оптимистическую интерпретацию, поскольку рассматриваю ее как интегративное смещение акцента на материнский и сыновний (дочерний) компоненты нашего бытия в период патриархального кризиса.

При рассмотрении ресурсов я выделяю все, что способствует психическому и духовному созреванию людей, придавая особое значение потенциальному холистического образования. Рассматривая ресурсы, которыми мы располагаем для «воспитания цельной личности для всего мира», я особо подчеркиваю

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
исключительную перспективность и целесообразность метода, который до сих пор не был опробован в школах: так называемый «процесс квадринити».

В книге содержатся эссе, в которых рассматривается происходящее в данный момент вокруг нас и в нас самих (гл. 1 и 4), а также эссе, в которых разбирается то, что мы можем сделать для ускорения нашей индивидуальной и коллективной трансформации (гл. 2 и 3). Вместе с тем, все четыре части книги можно назвать «холистическими» в том смысле, что в них варьируется одна мысль – результат трансформативного изменения, который достигается путем реинтеграции тройственности.

На протяжении всей книги проявление упомянутой тройственности рассматривается с разных точек зрения. Так, например, в первой и третьей главах исследуется тройственность «отец», «мать» и «ребенок», причем в первой главе выделяется социально-культурная сфера, а в третьей – внутренняя психодинамическая сфера и семья. После рассмотрения целостности человека как равновесия суб-персоналий, членов семьи и культурных ценностей, соотнесенных с мужским, женским и детским принципами, во второй главе целостность рассматривается как сбалансированное взаимодействие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер. Рассмотрение во второй главе четверичности тела, чувств, интеллекта и духа не противоречит троичности, поскольку, рассматривая их, я понимаю дух как то, что объединяет и трансцендирует физическую аффективную и ментальную сферы. (Соотношение трех и четырех можно понимать в свете метафоры трех букв, которые составляют четверичное имя Бога (Тетраграмматон) в Ветхом Завете, или как соотношение трехстороннего основания тетраэдра и его вершины. Эта тема рассматривается и в четвертой главе, посвященной неошаманизму, где особое внимание уделяется триединству мозга человека. (на основе термина Маклина «триединый мозг» я получил термин «триединое общество») [[2]The Triune Brain in Evolution, by Paul D. MacLean, Plenum Press, New York, 1990.] .

Следует отметить, что, говоря о трансформации, я имею в виду не просто изменение. В тех случаях, когда речь идет об индивидуальной трансформации, подразумевается не только изменение, но и процесс внутреннего умирания и возрождения, который всегда рассматривался как возможность существования людей (мы можем рассматривать этот процесс как присущую нашей природе потенциальную возможность постепенного развития). Что касается коллективной сферы, то я предпочитаю сохранить термин «трансформация» (в отличие от «изменения») для обозначения явления, которое соответствует процессу индивидуальной трансформации, то есть коллективной эволюции, включающей аспекты «смерти» и «возрождения». Очевидно, что в сфере коллективной трансформации подлинный результат этого процесса остается пока неизвестным. С учетом такого понимания представляется замечательным, что, хотя выражение «коллективная трансформация» употребляют все чаще, мы упускаем из виду то, что у нас до сих пор нет представления о трансформированном обществе – и это несмотря на нашу погруженность в процесс глубинной трансформации.

В своем монументальном исследовании истории Арнольд Тайнби полвека назад показал [[3]A Study of History, by Arnold J. Toynbee, Oxford University Press, London, 1935, 1961.], что цивилизации являются коллективными организациями, которые рождаются и умирают. Он на примерах продемонстрировал, как одни из них погибают в результате поглощения другими. Несмотря на то, что нам известен этот исторический феномен рождения и смерти цивилизаций, мы не вправе утверждать, что мы знаем хотя бы одну возрожденную цивилизацию. Европейский Ренессанс, который более других примеров заслуживает этого названия, есть новое начало (начало трансформации, в которой мы продолжаем участвовать), а вовсе не смерть и возрождение определенной культуры. Иудео-христианская и греко-римская культуры считаются соответственно отцом и матерью нашего западного мира. Точно так же можно утверждать, что во времена Ренессанса из этих двух потоков возник плод, который не только интегрировал их, но и проявил индивидуальность, сознаваемую нами как наша собственная.

Как свидетельствуют духовные традиции мира, процесс индивидуальной трансформации включает в себя не одно, а два рождения (рождение от «воды» и рождение от «духа», рождение при крещении в начале духовной жизни и огненное крещение, венчающее ее окончание). Сходным образом можно полагать, что благодаря изоморфизму между индивидуальным и коллективным трансформация общества включает не только первый ренессанс (наш Европейский Ренессанс), но и потенциальную возможность того, что в христианской традиции называется

В первой и последней части этой книги я рассматриваю трансформацию, исходя из подразумеваемой перспективы нашей эпохи: впервые за всю историю нами движет процесс культурной смерти, который одновременно является инкубационным периодом; мы надеемся, что достигнем не просто постиндустриального периода, а состояния, существенно отличающегося от всего того, что нам известно за время существования нашей цивилизации и классических цивилизаций.

Сейчас нередко повторяют, что переживаемый нами кризис – прекрасная возможность, причем многие убеждены, что мы вступаем в новую эпоху, «Эпоху Водолея», когда, как ожидали Шри Ауробиндо и Тейяр де Шарден, произойдет высшая реализация рода человеческого. Я разделяю мнение тех, кто полагает, что единственной альтернативой самоуничтожению является радикальное изменение, для осуществления которого у нас осталось совсем немного времени. Эссе, составившие книгу, написаны в этом контексте с целью углубления понимания происходящего в нас и вокруг нас, а также для понимания того, что можно сделать для ускорения хода нашего развития с позиций сознательной эволюции.

Последние два десятилетия мне приходилось больше преподавать и читать лекции, чем писать статьи и книги. Вполне естественно, что написанное мною созревало в течение этих десятилетий устного общения, и поэтому я чувствую признательность различным слушателям, которые помогли мне оформить и отточить мысли.

Изложить идеи Тотилы Альберта (развитие которых приведено в гл. 1) побудило меня приглашение Ассоциации гуманистической психологии участвовать в специальном ежегодном собрании, посвященном двухсотлетию Американской революции. Последним и весьма впечатляющим поводом для разъяснения центральной части первой главы послужила конференция, проведенная на открытом воздухе по инициативе Института гештальт-психологии в Сантьяго (Чили). Впечатляющим было не только присутствие многочисленной аудитории, собравшейся к концу дня во внутреннем дворике «Сентро Эль Аррайан», но и переживание особого момента в истории Чили: несмотря на то, что генерал Пиночет все еще находился у власти, плебисцит продемонстрировал желание страны вернуться к демократии. После экспериментов с крайне правой и крайне левой формой правления в Чили чувствовалось стремление к новой ориентации и упование на нее. Присутствие в аудитории кандидата в президенты и особое ощущение, что аудитория состояла не просто из людей ищущих (которые обычно присутствовали на моих беседах в течение последних лет), а из людей, способных оказать влияние на будущее страны, придали нашей беседе прескриптивную тональность, и потому я обращался не к отдельным личностям, а к правительствам, а точнее – к «мудрому» правительству. В этой книге я придерживаюсь той же тональности, как это делал Макиавелли в своем «Государе», хотя и в противоположном ему духе.

Я должен выразить свою благодарность Ассоциации холистического здоровья и образования за приглашение продолжить свои размышления об образовании после издания «Одного поиска». [[4]The One Quest, by Claudio Naranjo, Viking Press, New York, 1972.] После конференции, проведенной Ассоциацией в 1981 году в Санта-Барбаре, меня все больше беспокоила актуальность реформы образования, и я стремился оказать влияние на практику образования как на местном, так и на международном уровне. Поэтому во второй главе книги, посвященной холистическому образованию, развивается тема, заявленная в первой главе (посвященной отживающей патриархальной ментальности). Сходным образом в третьей главе (в которой рассматривается процесс квадринити) развивается тема ресурсов образования, к которой я стремился привлечь внимание, когда писал о педагогике любви. Несколько лет назад в предисловии к работе Роберта Хоффмана «Никто не виноват» [[5]No One is to Blame: Getting a Loving Divorce from Mom and Dad, by Robert Hoffman, Science and Behavior Books, Inc., Palo Alto, CA, 1979.] я писал, что чувствую себя своего рода Иоанном Крестителем его работы (которая называлась тогда Процесс Фишера-Хоффмана). Мне довелось первым заняться прикладным аспектом его идей о групповой терапии и разрабатывать интенсивную форму процесса – нечто вроде стержня метода, известного во многих странах мира. Надеюсь, что эта книга привлечет внимание школ к применению этого метода при обучении подростков.

Я собирался начать книгу с того, чем ее закончил, то есть с последней
Страница 3

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org главы, в которой наше культурное движение рассматривается как нечто, центрирующееся на новой форме шаманизма. Излагается в ней и мысль о том, что современные «ученики чародеев» составят в недалеком будущем необходимый людской ресурс для удачного исхода нашей трансформации. Когда я впервые заговорил о неошаманизме, этот термин еще не был в употреблении. Однако в настоящее время мы наблюдаем настоящий всплеск интереса к шаманизму, и многие на Западе отождествляют себя с шаманами. Я употребляю выражение «новый шаманизм», имея в виду не столько заимствованный шаманизм антропологов и терапевтов, которые прошли обучение у традиционных шаманов, сколько шаманизм одновременно транскультурный и западный: нетрадиционный шаманизм, в котором, по-моему, достигает высшей точки наиболее типичный аспект этого явления, а именно преобладание индивидуального творчества над традицией и главное передачи самого сознания – вне рамок идей, ритуалов и других содержаний сознания.

Несмотря на то, что в последние годы появился ряд книг, посвященных нашей «поворотной точке» (если воспользоваться удачным выражением Капры [[6]The Turning Point: Science and the Rising Culture, by Fritjof Capra, Simon and Schuster, New York, 1982.]), настоящее собрание эссе выделяет не интеллектуальные, а эмоциональные факторы трансформации людей и содержит немало нового и стимулирующего к действию материала. Поэтому я с удовольствием даю разрешение на издание этой книги.

Надеюсь, что пересмотренная интерпретация вопросов, о которых я говорил в течение многих лет, и дальше будут способствовать инициативе, позволяющей нам совершить переход к «земле обетованной» здоровья и полноты, к которой мы всегда стремились, но которую искали, следя ложными путями и используя неподходящие средства.

Процесс, благодаря которому разбросанные неолитические деревни превратились в сельские общины, затем в урбанистические центры и, наконец, в государства, называют «урбанистической революцией» или «началом цивилизации». Во всем мире этот процесс возникает в разное время и в разных местах: сначала возле больших рек и в прибрежных долинах Китая, Месопотамии, Египта, Индии и Малайзии. Архаические государства везде характеризуются возникновением класса собственников и иерархий, товарным производством с высокой степенью специализации и организованной торговлей в удаленных районах, урбанизмом, появлением и консолидацией военных элит, монархий, установлением рабства.

...

Рабство – первая институционализированная форма иерархического господства в истории человечества; оно связано с установлением рыночной экономики, иерархий и государства.

Герда Лернер [[7]The Creation of the Patriarchy, by Gerda Lerner, Oxford University Press, London, 1986.]

для освобождения сознания понадобится чудо, ибо цепи преимущественно волшебные. Мы находимся в рабстве у внешнего авторитета...

Норман О.Браун [[8]Apocalypse And/Or Metamorphosis, by Norman O. Brown, University of California Press, CA, 1991.]

Первое и, возможно, самое глубокое изменение было вызвано медленным и трудным, но неизбежным упадком патриархата.

Фритьоф Капра [[9] Capra, op. cit.]

Патриархат сам по себе является господствующей религией на всей планете; его суть заключается в некрофилии.

Мери Дейли [[10] Naranjo, op. cit.]

Глава первая

В начале 60-х годов по предложению издательской программы Вайкинг Эсален я писал книгу (изданную впоследствии под названием «Один поиск») на основе сообщения о ресурсах развития человечества, составленного для Исследовательского центра образовательной политики при SRI. В процессе работы над книгой мне понадобилось предварить само сообщение замечанием о происходящем в мире, а именно о смерти одной культуры и рождении другой.

Я писал под впечатлением того, что происходило вокруг меня. За несколько лет до этого я приехал в Калифорнию и обнаружил там подъем, для обозначения которого впоследствии стали употреблять выражения: «революция сознания», «Новый Век», «движение за развитие человеческого потенциала» и т.д. В то время проблема рождения или возрождения культуры занимала меня больше, чем проблема смерти культуры (хотя последняя проблема приобрела зримые очертания после издания «Заката Европы» Шпенглера [[11]The Decline of the West, by Oswald Spengler, Modern Library, New York, 1965.].

Самым замечательным для человека, приехавшего в Калифорнию в начале 60-х годов, была своеобразная революция – «тихая революция» – прекратившая бунт против вещей. Революция была настолько глубокой, что некоторые ценности оказались преданы забвению; она носила скорее внутренний, чем внешний характер и вместе с тем отличалась такой радикальностью, что Теодор Рошак [[12]The Making of a Counter Culture; Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition, by Theodore Roszak, Doubleday 6, Garden City, NY, 1969.] вполне заслуженно охарактеризовал ее как возникновение «контркультуры». Она свела вместе людей, которые, покинув пределы традиционного разделения на правых и левых, обратили внимание на «свои личные проблемы». Они стали куда менее предвзято относиться к проблемам и вопросам, которые считались ранее заслуживающими внимания как в области общепринятых институтов, так и в сфере идеологий. После отказа от шаблонных ответов, которые с легкостью принимались ими в процессе так называемого «обучения», оставленные без ответов вопросы вновь возродились. Я имею в виду не интеллектуальные вопросы, а то невыразимое, что лежит в основе большинства вопросов: экзистенциальное стремление, поиск. Я бы сказал, что мы входим в эпоху поиска. В настоящее время происходит ренессанс, сердцевину которого образуют психология и новые религии подобно тому, как сердцевину итальянского ренессанса составляло искусство.

Как уже говорилось, самым очевидным для меня в 60-х годах было культурное возрождение. В настоящее время более явной стала проблема смерти культуры. Это объясняется тем, что с каждым днем кризис становится все очевиднее.

По моему мнению, Римский клуб первым затронул проблему кризиса. По крайней мере, он первым внес существенный вклад в дело осознания на мировом уровне надвигающейся опасности, связанной со всем тем, что называлось прогрессом. В США было опубликовано сообщение «Пределы роста», [[13]The Limits to Growth, by Donella H. Meadows, et al., Univers Books, New York, 1972.] в котором нас предупреждали о том, что человечество вымрет подобно динозаврам, если не прекратится дальнейший рост населения. Далее говорилось, что развитие промышленности, которое до сих пор рассматривалось как прогресс, приводит к неожиданному и разрушительному загрязнению окружающей среды, а также к истощению непроизводимых природных ресурсов.

Кризис принял разнообразные формы. В 1965 году, размышляя о мире 2000 года, известные футурологи Кан и Винер [[14]The Year 2000, by Herman Kahn and Anthony J. Wiener, Macmillan, New York, 1967.] еще не упоминают о проблемах экологии и загрязнения окружающей среды. Во время переработки этой главы в Бразилии закончилась конференция по экологии, на которой присутствовали

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org представители более 140 стран, 76 глав государств, а также многочисленных неправительственных организаций. История многосторонней дипломатии не знает подобного случая.

Проблемы окружающей среды связаны в основном с нашим эксплуататорским, совершенно беспечным отношением к природе и проявляются в таких формах, как истощение невоспроизводимых ресурсов, исчезновение тысяч видов растений и животных, ухудшение атмосферы, земли и моря, вызванное загрязнением и эрозией. Так, например, в настоящее время происходит отравление океанического планктона, который, как полагают, составляет большую часть легких земли (благодаря его способности вырабатывать кислород на основе углекислого газа). Отходы атомной промышленности угрожают существованию будущих поколений. Кислотные дожди, которые начали уничтожать деревья в Европе, напоминают нам о зыбкости существования людей как млекопитающих, употребляющих в пищу растения. Положение с тропическими лесами производит глубокое впечатление как проявление бессилия человечества перед опустошением природы. Лет восемь тому назад я присутствовал на конференции по сохранению тропических лесов, которая проводилась в Малайзии. Помню, как ректор Пенангского университета, открывая наше заседание, заметил, что за те 10 минут, которые заняла его речь, пожары в Юго-Восточной Азии уничтожили леса, площадь которых сопоставима с площадью, ограниченной горизонтом. В Бразилии ситуация еще драматичнее. Тропические бразильские леса уникальны не только из-за своего древнего происхождения; они не имеют себе равных по разнообразию видов растений, большинство из которых до сих пор еще полностью не изучено. Наконец, существует проблема озоновой дыры и глобального потепления, которое может вызвать таяние ледяных шапок полюсов, повышение уровня океана и затопление крупных портов мира...

Похоже, что за всю нашу историю мы ни разу не задумались над тем, куда сваливать мусор. Всегда находилось место, расположенное чуть подальше от места нашего обитания. Теперь, когда вся земля заселена, таких мест не осталось, и мы начинаем задыхаться в собственных отходах.

Число бедствий растет. Естественно, что одна из главных проблем – кризисное положение с безопасностью. Не осталось мест для свалки нашего мусора. Не осталось и далеких неоткрытых земель. Не осталось чужих народов, которых мы могли бы завоевать. Вся земля открыта и завоевана. И подобно тому, как загрязнение окружающей среды оборачивается теперь против нас, так и наше стремление к завоеваниям обращается против нас самих. Войны и оружие, которые до недавнего времени рассматривались многими специалистами как неотъемлемая часть существования человечества, приобрели смертоносный характер, который раньше невозможно было себе представить. Расчеты показывают, что на каждые семнадцать лет войны в истории человечества приходится один год мирной жизни. Характерная для человечества неспособность к мирному существованию, однако, стала неприемлемой, поскольку мы обладаем теперь возможностью самоуничтожения, которой прежде у нас не было. Зная людей и их недостатки, можно сказать, что эта неспособность приобретает небывало опасный характер. В 80-х годах мне довелось услышать слова одного из американских генералов, что, даже если уничтожить все вооружение на земле, в океанах останется шестьдесят атомных подводных лодок, каждая из которых способна уничтожить главные города мира. Не следует забывать и об экономическом аспекте этой ситуации: стоимость одной такой подводной лодки равна величине совокупного бюджета двадцати трех развивающихся стран, а стоимость одной межконтинентальной ракеты равна стоимости строительства тысяч школ в развивающихся странах.

Можно продолжать перечень проблем и далее. Например, в мире существует голод, связанный с перенаселением. Перенаселение, в свою очередь, является одним из факторов, лежащих в основе загрязнения окружающей среды и борьбы за территории и ресурсы. Перенаселение, разумеется, следует рассматривать как одну из главных проблем современности. Вместе с тем, проблема перенаселенности следует непосредственно из менее очевидной проблемы: нашей неспособности контролировать глобальную ситуацию (аналогом которой на уровне человека служит нарушение саморегуляции организма) в силу раздробленности, дегуманизации и многих других факторов. Далее, в связи с появлением насущных проблем экологии, перенаселенности и мира не следует терять из виду старую и тем не менее насущную проблему несправедливости во всем ее многообразии (в наши дни ее принято называть нарушением прав человека). Несправедливость по-прежнему служит причиной недовольства, социальных волнений и войн, оно постоянно оказывает травмирующее воздействие на человечество, калеча эмоциональную жизнь каждого поколения.

Таким образом, для нынешнего состояния человечества характерно нечто похожее на безумие. Последние десять лет в людях чувствуется чрезвычайная беспокойность. Эту тему повсюду обсуждают и ставят самые разные диагнозы. Многие авторы (Габриэль Марсель, Барбара Гарсон [[15]The Electronic Sweatshop: How Computers are Transforming the Office of the Future into the Factory of the Past, by Barbara Garson, Simon and Schuster, New York, 1988.] и другие) считают технократическую форму проявления величайшим злом. Теодор Рошак предпочитал называть ее «технократическим тоталитаризмом». В своей книге «Краткий путеводитель по будущему» [[16]An Incomplete Guide to the Future, by Willis Harman, San Francisco Book Co. Inc., San Francisco, CA, 1976.] Уиллис Гарман связывает все это с ментальностью промышленного человека. Он попытался показать, что, помимо технологии и современной капиталистической экономики, мы создали образ жизни, связанный с определенной ментальностью, которая, несмотря на свои благие намерения, в конечном счете несет ответственность за все трудноразрешимые последствия. В сравнительно недавно изданном «Поворотном пункте» [[17] Сарга, op. cit.] Капра придает большее значение нашему одностороннему рационализму и механистическому подходу к себе и миру, нежели индустриализму и связанному с ним образу жизни.

Еще в конце прошлого столетия Ницше указал на существенную ограниченность рационализма. В последнее время этой теме было посвящено немало дискуссий, в которых (как мне кажется, несправедливо) осуждались Ньютона, Декарт и Аристотель. Аристотель обладал посвященным в мистерии. Декарт оставил нам в наследство аналитическую геометрию, но при этом был глубоко интуитивной и религиозной личностью. Что касается Ньютона, то он был алхимиком. Представляется нелепым, что эти высоко интуитивные личности, которым «линейность» свойственна в меньшей степени, чем большинству из нас, приводятся как примеры ограниченности линейного мышления. И, тем не менее, очень важно то, что мы сознаем и подвергаем сомнению наши попытки устроить мир и свои дела с помощью одного разума.

Какой бы важной ни была проблема изменения сознания, я не уверен, что нам удалось окончательно определить корень проблемы, указав на сверхрациональную ментальность, которая достигла высшего развития в наш технократический век. Я не склонен доверять оценке с преувеличением роли рационального начала, из которой следует односторонняя интерпретация различных эмоциональных склонностей (таких как алчность и стремление к господству) и политических недугов (таких как национализм и чрезмерное развитие бюрократии) как запутанности неправильного мышления. Вполне справедливо утверждение о том, что познавательная способность оказывает влияние на чувства и воззрения на мир (в форме религии, философии и мифов) содействовали не только нашему освобождению и изменению, но и рационализации и оправданию наших патологий. В то же время представляется справедливым данное Марксом определение мышления как «надстройки». Однако мы можем рассматривать рационализм как проявление алчности, ибо в антидуховном научообразии и тирании линейного метода можно видеть своего рода замораживание познавательной способности в утилитарно-аналитической форме, которую, в свою очередь, можно рассматривать как алчную фиксацию на выживание в ущерб безвозвездной, пытающей душу созерцательной деятельности. Разумеется, можно считать, что алчность (или мотивация недостаточности, или дополовое (орально-анальное) либидо) взаимосвязана с картезианским пороком эры технологии.

И все же я нахожу оправданным стремление исследовать наши познавательные, эмоциональные и социально-политические недуги с единых позиций.

Можно просто сказать (как я делал это в течение многих лет), что наше большое общество базируется на неспособности к человеческим взаимоотношениям, благодаря которой мы оказались в кризисной ситуации. Любой человек, разбирающийся в динамической психологии, способен прийти к заключению, что наша неспособность любить ближнего, самих себя и высшие ценности препятствует поддержанию подлинно братских отношений с окружающими и природой и приводит к появлению большого общества и массы второстепенных проблем. И, тем не менее, в постановке диагноза мы достигнем большей точности, если обратимся непосредственно к тому, что стоит между нами и потенциальной возможностью братства. Слово «патриархальный» наводит на мысль о том, что причиной нашего провала в установлении братских отношений

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org являются патернально-филиальные узы зависимости от авторитета, которые опираются на тиранию отцовского компонента над материнским и детским и лишают нас способности к подлинной любви к самим себе и другим.

Я давно исследую точку зрения на «патриархальность», как единственную причину возникновения индустриальной ментальности, капитализма, эксплуатации, алчности, отчуждения, нашей неспособности к мирному существованию и уничтожению природы. Если современную ситуацию в целом можно назвать болезнью, тогда я могу поставить ей следующий диагноз: патриархальная структура сознания и общества.

Утверждение, что наша проблема заключается в «патриархальном укладе», равносильно утверждению, что проблема стара, как сама цивилизация. Это означает, что мы не избавимся от наших трудностей, не задав предварительно себе вопрос: чем мы так долго занимались? Ибо только в этом случае мы можем стремиться к изменению структуры, столь глубоко иочно укоренившейся, что у нас возникла склонность принимать существующий образ нашей жизни – результат нашей обусловленности – за нашу существенную природу.

Тема патриархата была введена в рассмотрение более века назад Иоганном Якобом Бахофеем (1815–1887), [[18]Myth, Religion, and Mother Right: Selected Writings, by Johann Jakob Bachofen, Princeton/Bollingen Paperback, 1973 (Original German Publication, 1926). Bollingen Series LXXXIV, Princeton University, Princeton, NJ.] швейцарским историком права, чья работа по материнскому праву оказала влияние на антропологов, феминистское движение, Ницше, Энгельса и других.

Размышляя о скучных и разрозненных сообщениях Геродота и Фукидида о древних обычаях разных народов, Бахофеен сделал удивительное открытие: цивилизациям, центрирующимся на отцовском принципе, предшествовало общество, в центре которого стоял материнский принцип. На основе сочетания замечательной интуиции и эрудиции он создал теорию о трех стадиях общественного развития. Первая стадия – «земная» («тектоническая»). Для нее характерны промискуитет и материнство без брака. Затем, как реакция на нее, возникает «лунная» стадия, на которой вводится институт брака, а женщины вступают в монопольное владение детьми и собственностью. Эта стадия совпадает с появлением оседлых общин и сельского хозяйства. И, наконец, «солнечная» («солярная») стадия, которая характеризуется наличием супружеского отцовского права, разделением труда, частной собственностью и установлением государства.

В своем предисловии к английскому переводу книги «Миф, религия и материнское право» Джозеф Кембелл говорит, что для того, чтобы понимать мифологию так, как ее понимал Бахофеен, необходимо «отбросить современный, исторически обусловленный способ мышления и даже образ жизни.» Он цитирует письмо зрелого Бахофеена к своему наставнику (которое приводится в автобиографическом очерке, написанном по его просьбе): «Без полного преображения всего нашего существа, без возвращения к простоте древних и здоровью души невозможно даже приблизиться к пониманию величия древних эпох, их мышления и того времени, когда человечество "(в отличие от нашего времени) еще пребывало в гармонии с творением и трансцендентным творцом».

Бахофеен был знатоком психологии архетипов (которые, между прочим, он назвал *Grundgedanken* – основными мыслями) еще до появления этого термина. Он оказал глубокое влияние на Джозефа Кембелла, который, при всей своей корректности университетского профессора, нанес сокрушительный удар патриархату, иронически описав центрирующийся на отцовском принципе ближневосточный фанатизм в общем контексте мировых религий и мифологии. Поскольку работы Джозефа Кембелла содержат предпосылку возникновения современной религии Богини в женском движении, будет справедливым, как мне кажется, считать Бахофеена дедушкой этого движения в области культуры.

Влияние Бахофена на антропологию было огромным, хотя в наше время оно стало едва заметным. Это связано с тем, что после придания мощного импульса зарождающейся науке стали считаться несколько устаревшими.

После Моргана и его последователей, вдохновивших целое поколение антропологов на исследование проблемы развития культуры, ученыe со временем сочли проблему неразрешимой. Их интерес к сравнительным исследованиям постепенно угас и появилась склонность рассматривать параметры культуры в смысловом контексте конкретного общества, в котором они существуют.

Антропология (в первую очередь работы Малиновского и Маргарет Мид) познакомили нас с живыми непатриархальными обществами. Вместе с тем, неизвестно, сколько мы можем узнать о нашей предыстории благодаря этим обществам. В 1927 году была издана монументальная работа Роберта Бриффо «Матери» [[19]The Mothers, by Robert Briffault, abridged with introduction by Gordon Rattray Taylor, George Allen and Unwin, Ltd., London, 1927, 1959.] – замечательное обобщение результатов исследований о народах, центрирующихся на материнском принципе, которые были получены еще до того, как специалисты утратили к данной теме интерес. Работа была написана как противодействие господствовавшей в то время точке зрения, согласно которой патриархальный уклад семьи считался проявлением естественного закона. Ученый справился с этой задачей. Благодаря ему центр исследований в области антропологии переместился с проблемы материнского правления (проблема наследования) через проблему матери к следующему вопросу: проживает или не проживает после заключения брака жена в доме мужа (патрилокия или матрилокия). Ему же мы обязаны мыслью о том, что первоначально брак представлял собой договор, согласно которому мужчине одной группы разрешалось вступать в половую связь со всеми женщинами другой группы, но запрещалось это с женщинами из своей собственной группы.

Этнологам не удалось найти живой пример «матриархата» в смысле женского доминирования, сопоставимого с мужским доминированием. И, однако, вполне возможно, что роль женщины в процессе доисторического развития человечества была более значимой.

Более впечатляющим, чем антропологические свидетельства, является подтверждение мнения Баухофена археологическими находками на Ближнем Востоке и в доарийской Европе. Это имеет особую важность в связи с сельскохозяйственной революцией в эпоху неолита и позднего палеолита. При раскопках были обнаружены буквально тысячи женских фигурок (их иногда называют Венерами), изображающих полных, беременных женщин с едва обозначенными ногами и руками. Они почти целиком состоят из чрева, и даже голова у них кажется не более, чем треугольником. Наводя на мысль об иконах, они, как полагают, косвенно указывают на созидающую мощь природы. Места находок разбросаны по всей Европе, что свидетельствует о широком распространении религиозного отношения к женскому божеству. Это – творческое, созидающее божество, связанное с плодородием. Мария Джамбутас посвятила много времени его исследованиям. [[20]The Language of the Goddess, by Marija Gimbutas, Harper and Row, New York, 1989.]

Во время раскопок на территории современной Турции были обнаружены города, [[*] Особенno Катал Гуюк.] датируемые 6000 годом до нашей эры. В отличие от более поздних патриархальных городов, в них отсутствуют признаки, свидетельствующие о ведении войн на их территории в течение 15 столетий. После этого периода они были уничтожены в результате индо-европейских миграций.

В настоящее время исторический этап, последовавший за вышеуказанным периодом, исследован достаточно полно. Патриархальные индоевропейские завоеватели имели преобладающее влияние на матристические культуры [[†] Термин заимствован у Джамбутас.] благодаря превосходству, основанному на овладении двумя технологиями: приручением лошадей и железной металлургии. Можно считать, что мужские культуры «железного века» соответствуют второй стадии патриархальной организации общества. Согласно описанию, приведенному в Илиаде, эта стадия по степени концентрации власти – дальнейшее ухудшение по сравнению с патриархатом бронзового века.

И все же термин «патриархат» получил наибольшую известность вовсе не в специальных областях археологии и этнологии, а в его тесной связи с женским движением. Первоначально это слово имело значение «главный или заклятый враг», но впоследствии стало употребляться исключительно для обозначения врага женщин. Так, например, в 1970 году Ева Фиджес написала книгу «Патриархальные отношения», [[21]Patriarchal Attitudes, by Eva Figes, Fawcett Premier Book Fawcett World Library, New York, 1971.] в которой выносится обвинительный приговор мужской несправедливости. В какой-то мере это политическая книга, поскольку в ней проводится сравнение между мужским шовинизмом и антисемитизмом и защищаются интересы угнетенных и эксплуатируемых.

Со временем, однако, феминистки пришли к выводу, что в главном враге женщин
Страница 9

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org следует видеть еще и врага детей, а поскольку все мы были детьми, то и врага человечества. Так, в «Гинекологии» [[22]Gynecology: The Meteathics of Radical Feminism, by Mary Daly, Beacon Press, Boston, MA, 1978/1990.] Мери Дэйли я нашел ссылку на книгу франсуазы Дюбоне «Феминизм или смерть», [[23]Le Feminisme ou la Mort, by Francoise d'Eaubonne (in Mary Daly, p.9).] в которой автор вводит в обращение слово «экофеминизм» и уверяет, что «под угрозу поставлена судьба человечества и всей планеты, и никакая «революция», осуществляемая под руководством мужчин, не в состоянии устраниТЬ ужасы перенаселения и уничтожения природных ресурсов». Далее, в своем эссе, посвященном «Метаэтике радикального феминизма», она замечает: «я разделяю основную предпосылку, но придерживаюсь иного подхода и расставляю иные акценты. Уделяя внимание всем видам загрязнения в фаллотехническом обществе, я рассматриваю в этой книге, главным образом, загрязнение ума, духа и тела, вызываемое патриархальным мифом и языком на всех уровнях: от грамматических стилей до типов волшебства, от религиозного мифа до неприличных анекдотов, от церковных гимнов с почитанием «реального присутствия» Христа до коммерческой вкрадчивости в рекламах кока-колы как «настоящем лакомстве», от догматических доктрин о «Господе Боге» до поддельных рецептов пирогов для домохозяек, от рекламы, воздействующей на подсознание, до «высокого» искусства. Фаллический миф и язык порождают, узаконивают и маскируют материальное загрязнение, угрожает уничтожением всему живому на этой планете».

Мери Дейли утверждает, что восемь смертных грехов, исходя из которых отцы церкви разъясняли греховность человеческого ума, существуют в контексте фаллократии (как они называют патриархальное помрачение общественного сознания).

Рут Эйслер в «Чаше и клинке» [[24]The Chalice and the Blade: Our History, Our Future, by Riane T.Eisler, Harper and Row, San Francisco, CA, 1987.] более определенно указала на патриархат как на главную проблему человечества. Резюмируя основные результаты специальных исследований, Эйслер напоминает нам, что патриархальный образ жизни, отнюдь не присущий человечеству, представляет собой падение из «рая» допатриархального состояния в эпоху неолита. Она утверждает, что говорить о патриархальном укладе, значит говорить об обществе, основанном на господстве, и что такое общество, основанное на господстве мужского начала (санкционированного силой), является центральной aberrацией нашей культуры. Благодаря важности даже этой одной мысли работа Эйслер «Чаша и клинок» имеет гораздо большее значение, чем обычная популяризация антропологических и исторических исследований. Возможно, эта ее мысль вполне оправдывает утверждение Эшли Монтерию, что ни одну книгу он не рекомендовал бы так, как эту, и она «достойна стать самой важной работой со временем появления «Происхождения видов» Дарвина».

И все же не Эйслер я обязан своим пониманием патриархата, как корня нашей макропроблемы. Впервые я заинтересовался этой темой в середине 50-х годов, а вдохновение черпал при этом из более старого и менее известного источника. Таким источником послужил один чилиец, который более пятидесяти лет назад осознал критическое состояние мира. Назвав эту книгу «Агонией патриархального уклада», я посвятил остальную ее часть видению Тотилой Альбертой триединого общества.

Тотила Альберт родился в Чили и после первой мировой войны стал известным скульптором. В Берлине современники называли его «немецким Роденом». По-видимому, он лучший из скульпторов, которых подарила миру Чили. В силу различных обстоятельств он не приобрел мировой известности, и большая часть его работ (первоначально выполненных в гипсе) погибла от разрушительного действия времени.

После смерти отца Тотила пережил в возрасте 38 лет смерть при жизни, которая оказалась для него переходом к возрождению или, как он сам называл, «саморождению», после чего, оставив скульптуру, стал писать стихи на немецком языке. К счастью, друзья в предвоенном Берлине оказали ему поддержку, и он смог целиком посвятить себя сочинению поэтических произведений. Поэзия стала для него центром врастания в новую жизнь. Накануне объявления второй мировой войны (и закрытия границ Германии) он вернулся на родину, в Чили.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

Здесь в возрасте 48 лет он женился и, продолжая сочинять поэтические произведения, вновь занялся скульптурой, чтобы зарабатывать средства к существованию. Что касается скульптуры, то у него было несколько учеников, которые ценили главным образом целительную близость с ним. Уверен, что в то время он стремился встряхнуть всех, с кем ему приходилось соприкасаться, и пробудить от «патриархальной спячки».

Он не был философом в строгом смысле слова и приобрел политическую интуицию не с помощью дискурсивного мышления, а в результате длительного и драматического процесса внутреннего развития, благодаря которому в зрелые годы превратился из скульптура в поэта и мистика.

Начальный этап этого процесса напоминает внутреннюю алхимическую лабораторию, в которой после мифического и все же вполне реального «нисхождения в ад» (после смерти своего отца) интернализированные образы его родителей вступили с ним в диалог, причем взаимоотношение между его «внутренними тремя» образами оказывало целительное воздействие вне рамок структуры полученного им в детстве воспитания. Мы можем стать косвенными свидетелями этого процесса, читая его эпическую поэму, написанную в Берлине на немецком языке в 30-х годах. В ней, в частности, изображен переход от родителей мира сего к «космическим родителям», чтобы в конечном счете родиться (в качестве сына неба и земли) в новом измерении сознания, которое он называл Die Musische Raum (пространством муз).

В поздний период своей жизни он говорил, что биологические родители – это одновременно и препятствие, и потенциальное средство для установления связи с нашими всеобщими родителями. Поскольку его отец умер так же внезапно, как молния ударяет в дерево (внутренняя смерть, которая привела его к новой жизни), он пришел к мысли, что смерть людей, которых мы любим больше всего на свете, – это путь, приготовленный самой жизнью для нашего одухотворения. У историков культуры есть все основания полагать, что дело обстоит именно таким образом: смерть, по-видимому, является источником всех религий человечества.

В 1938 году, потрясенный событиями в предвоенном Берлине, Тотила покидает «башню из слоновой кости» своей поэтической алхимической лаборатории. В этом году он написал три «письма». Помню, как он говорил, что ему хотелось, чтобы какой-нибудь добросердечный покровитель напечатал их и сбросил с небес на Европу. Два письма адресованы соответственно «матери» и «отцу», а в третьем содержится обращение матери к сыну. Письма адресованы, однако, не его личным родителям, ибо «отец» символизирует «абсолютного отца» или империалистический «принцип отца». Лучше всего эту концепцию передает поэтический язык первого письма.

«Дорогая мама!

Я уже принял решение. Совпадает ли оно с твоим? Что бы я ни делал, я делимо это ради твоего блага. Поступаешь ли и ты таким же образом со мной, твоим ребенком? Или же ты замешана в делах, которые могут причинить мне вред? Я знаю, что ты служишь моему отцу и делаешь это по доброте своего сердца. Я знаю, что ты желаешь добра ему и мне. И все же это не приводит к нашему благополучию, ибо ты поддерживаешь нашего кормильца, но пиши я все-таки получаю от тебя. Разве не так? Получил я пропитание и в чреве твоем. А теперь? Разве отец взял на себя заботу о пропитании? Он – добытчик, и оставляет пропитание себе? Разве возможно, чтобы он не хотел кормить меня? Или он хочет сделать на моем пропитании бизнес? Значит, он не мой кормилец. О, мама! Какое скверное слово я только что произнес! Сделать на нашем пропитании бизнес! Он не посмеет сделать это! Я не верю в это. Но ведь ты занимаешься покупками. Ты ходишь в магазин и платишь деньги за мое пропитание. Деньги! Их зарабатывает отец. Но откуда у него время, чтобы зарабатывать деньги, если он должен пахать, сеять, убирать урожай, печь хлеб? Откуда у него время, чтобы зарабатывать деньги? Разве ты поручила ему зарабатывать деньги? И ты не оставила за собой право зарабатывать деньги? Как это случилось? Ты утратила это право? И теперь снова завоевала его? Героическая мама, теперь, когда ты зарабатываешь деньги, как тебе удается найти время, чтобы носить меня в своем чреве, кормить меня и укладывать спать? Что я говорю? Ты должна еще мыть меня, одевать, учить ходить. Ходить. Этому я учился сам. Я слишком несообразителен. Я хочу сказать, что

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

еще ты должна учить меня говорить. Это ты научила меня произносить «мама» и «папа»? Или я появился на свет с этими вечными звуками? Когда я закрываю рот, мои губы сжимаются, и я произношу «м-м». Затем я вижу твою кроткую улыбку и произношу «а». Но издаю звук «ма». Ты слышишь меня и отвечаешь «ма». И тогда, преисполненный радости, я говорю «ма-ма». Я открыл материнский язык всех вещей. Так что там о деньгах? Ведь мы говорили о деньгах. Почему я задумался о том, как я научился произносить и тяжеловесный слог «па»? И все же, когда я научился этому слогу, почему мне так нравилось повторять «па-па», видя твои сияющие глаза? Дорогая мама, давай поговорим о деньгах в другой раз. Твой сын».

Спасаясь от надвигающейся войны, Тотила покидает Германию с последним судном и направляется в Чили. В Чили он возвращается к занятиям скульптурой, чтобы заработать средства к существованию. [†] З десять лет до этого, во время пребывания Тотилы в Берлине, вокруг него образовался круг почитателей его творчества, которые оказывали ему материальную поддержку после того, как он оставил скульптуру и занялся поэзией.]

В 1943 году Тотила освоился с новой обстановкой и, оправившись от горя, вновь приступил к сочинению стихов, полагаясь на интуицию, которая в 1938 году вдохновила его написать письма. Он написал на немецком языке серию из 66 гимнов под общим заглавием «наша Троица» («ди драймаль Унзер» или просто «Троица»). Это сборник политической или, точнее говоря, мистико-политической поэзии. Он вспоминал эти стихи как «словесные плакаты», которые должны привлечь внимание народа к опасной устарелости патриархального уклада, в который мы погружены.

Первый стих начинается следующим образом: «Нам больше не нужны правительства и отчизны» (1) [[§] (1) *Wir wollen keine Staaten mehr!*]. И далее: «Земля дарит нам пропитание и ткет нашу одежду» (2) [[**] (2) *Die Erde reicht den Spaten her*]. Первые две строки (сжатые в одну строку) отражают мечту, аналогичную мечте Маркса об идеальном обществе без государственной машины, опирающейся на силу, в котором будут удовлетворены потребности человека. Сходным образом последние две строки напоминают проповедь Иисуса о полевых лилиях и птицах, которым не надо беспокоиться о пище. Они проникнуты оптимизмом в том смысле, что подобно природе, которая выполняет свои функции, не взимая за это платы, интегрированное в природный порядок человечество (в гармонии со своей глубинной сущностью) составит благородное и любящее продолжение природы, так что никто не будет лишен «удовольствия быть полезным». «Нам больше не нужны тюрьмы» (3) [[††] (3) *Wir wollen kein Gefängnis mehr*], - говорит он дальше о скрытом состоянии рабства человека в условиях патриархального уклада в обществе и сознании. «Отец! нам не нужны таможни и бойни» (4) [[‡‡] (4) *Kien Zuchtzus und kein Schlachthaus, Vater*] Упоминание о таможнях равносильно упоминанию о границах: основным аспектом нашей проблемы, по мнению Тотилы, является не только торговля товарами, но и разделение мира на «родины». «Бойни», естественно, указывают на обязательный характер войн, то есть на игнорирование возражений им человека независимо от того, проявляется ли «абсолютный отец», которому мы все служим, в форме старомодного тирана или современного и якобы демократического правительства. В последних двух строках этой строфы Тотила обращается к отцу с просьбой вернуться в виде «бескорыстного божественного советника» (5), каким он был до наступления патриархального умопомешательства. [[§§] (5) *Wir fordern deine Wiederkehr*]

Различие во взглядах между Тотилой и политическими анархистами состоит в том, что общество, которое, по его мнению, должно существовать без правительства, нуждается в управлении. Вместе с тем он разделял веру наиболее здравомыслящих анархистов, что свобода личности расцветает в проникнутых любовью проявлениях и совместима с общим благом: «Свобода - это прямой путь, по которому шествуют наши обязанности» (6) [[***] (6) *Die Freiheit ist die rechte Bahn*], - говорит он. И далее, в пятой строфе первого гимна, он восклицает: «долой

деньги! долой порабощение женщин и детей! вы хотите навсегда лишить пробуждения грезящего сновидца». (7) [[†††] (7) *Fort mit dem Geld! Fort das Geschaf!*]

Роботизированное человечество не подозревает о своем рабстве подобно муравью, который не сознает ограниченности своей свободы. И тем не менее для человека, в котором пробудилось сознание реального состояния общества и

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org человеческих отношений, становится совершенно очевидной рабская подчиненность женских сторон психики и внутреннего ребенка диктату навязанного авторитета. Тотила называл «вырожденным патриархатом» состояние общества, при котором люди придавлены авторитетом (*pater familias*) (отца семейства), папы римского или императора. Он следующим образом заканчивает свой первый гимн, выбранный мною для разбора потому, что он символизирует его творчество в целом: «И тем не менее таков смысл этого сновидения: необходимо по пробуждении воплотить его в жизнь! Земля уже покорена. Так превратим же ее в дом!» (8) [[†††]] (8) Das aber ist Sinn im Traum:].

По возвращении в Чили из страны, куда в возрасте одиннадцати лет его отправили родители, он вновь стал писать стихи на немецком языке, затем издал сборник поэзии на испанском языке. Очевидно, что владел испанским не столь совершенно, как немецким. Можно предположить, что чувство разочарования и безысходности нашло выражение в виде нескольких страниц прозы под общим заглавием «Пролог». Мне хотелось бы привести несколько вступительных строк из него, поскольку это не только пролог к «Гимнам» и политическим поэмам на испанском языке, но и своего рода манифест:

«Отыскивая причину отсутствия единства среди людей и огромной путаницы, присущей состоянию человечества, критике подвергались государство и церковь, но последний шаг так и не сделали: не возложили ответственность на создателя этих институтов, который, используя силу, присвоил абсолютное значение и претендует распоряжаться жизнью и смертью семьи, которую он полагает своей собственностью и чьими благами он овладел. Пришла пора заняться не только симптомами, но и самой болезнью. Пора осознать, что патриархальный уклад является источником человеческих несовершенств и искусственности нашего образа жизни».

Как уже говорилось, Тотила обладал мышлением не профессионального философа, а провидца. Его политические взгляды проистекали из духовного опыта. «Идея троицы» (как он называл свое представление об обществе) – результат восприятия того, что было известно практически любой духовной традиции и рассматривалось как таинство. Назовем это «тайном триединства», хотя и в более широком смысле, чем предлагает нам догматическое понимание христианской троицы.

Триединство – одна из великих истин о мире и человеке, получивших признание практически во всех культурах. Оно является таинством в том

смысле, что не может быть постигнуто посредством только дискурсивного мышления. Ее постижение возможно благодаря практическому опыту, доступному некоторым людям (ибо такой опыт связан с предшествующей продолжительной одиссеей).

Разные традиции по-разному формулируют триединство. Всем нам известна христианская Троица, а некоторым, возможно, и индуистская Тримурти: Божество как творец, хранитель и разрушитель. Другой вариант триединства возник в Индии в философии Санкхья. В ней говорится о трех гунах или нитях, которые переплетаются во всем, что пребывает в процессе становления, и олицетворяют: первая – активность, вторая – пассивность, третья – равновесие. Еще один вариант триединства имеется в Даосизме, где человек представлен как сын «неба» и «земли» – космических принципов, которые называются ян и инь и интерпретируются как свет и тьма, творческое и воспринимающее начало, мужское и женское начало.

Упоминая о трех «принципах», Тотила предпочитал называть их отцом, матерью и ребенком, ибо, по его мнению, эти понятия «лучше других соответствуют тому естественному явлению, что в жизни то, что вверху, то и внизу», то есть самые трудные для понимания истины находят отражение в зримых воплощениях. Он имел в виду воплощение универсальных принципов отца, матери и ребенка не только в биологических и социальных существах, обозначаемых этими терминами, но и в структуре тела человека.

«В потенциальной форме эти три принципа можно обнаружить уже в оплодотворенном яйце.

Отцовский принцип можно распознать в эктодерме, внешнем слое эмбриона, из которого создается кожа, органы чувств, а также центральная нервная система, обеспечивающая нашу связь с макрокосмом.

Материнский принцип проявляется в эндодерме, внутреннем слое эмбриона, из которого формируются внутренние органы, обеспечивающие связь с землей.

Принцип ребенка воплощается в мезодерме, среднем слое эмбриона, который, в свою очередь, состоит из оболочки, обращенной к эктодерме, и оболочки, обращенной к эндодерме. Из мезодермы формируется скелет, мускулатура, сердце, а также система, отвечающая за сохранение вида.

Человек рождается с этими принципами и может гармонично развиваться только при условии их гармонического развития».

у Тотилы было свое понимание истории, согласно которому мы живем в патриархальной эпохе. До патриархата мы пережили эпоху матриархата, которой предшествовала «филиархальная» эпоха (я не нашел упоминаний о ней у историков культуры, хотя концепция «филиархальной» эпохи не противоречит данным, которыми мы располагаем).

«В истории человечества происходило, однако, нарушение равновесия между этими тремя элементами.

В первую эпоху равновесие нарушается преобладанием филиального элемента (филиархат: кочевники странствуют в поисках источников воды, бросая престарелых родителей, которые не в состоянии продолжать путь. Эта эпоха известна в мифологии как золотой век вечной юности).

В вторую эпоху равновесие нарушается преобладанием материнского элемента матриархата: проекция микрокосмического дома - чрева - на макрокосм; оседлая жизнь, возникновение сельского хозяйства и архитектуры; зарождение «культуры»; изгнание отца из дома и реакция на это изгнание, образование мужских союзов вне дома, принятие в них юношей; изобретение орудий охоты и рыболовства, оружия, начало исследования природных ресурсов и контроль за ними.

В третью эпоху равновесие нарушается преобладанием отцовского элемента патриархата: открытие и приобретение земли, завоевание материнского дома, падение матриархата, получившего в мифологии название «борьба света с мраком», установление абсолютной власти отца».

В отличие от традиционного мифа о земном рае точка зрения Альберта предусматривает целостность человека как потенциальное, еще не реализованное состояние. В его понимании необходимости равновесия между тремя внутренними принципами содержится решение проблемы не только отсутствия здорового партнерства между полами, но авторитаризма поколений, характерного для патриархального общества не меньше, чем мужское доминирование. Вместе с тем, наряду с серьезными общественно-политическими проблемами авторитаризма, необходимо подчеркнуть важность проблемы интрапсихического измерения, то есть внутреннего равновесия между «Отцом», «Матерью» и «Ребенком», которое, по мнению Тотилы, свидетельствует о зрелости человечества и служит необходимой опорой единого общества.

Я склоняюсь к мысли, что мнение об ухудшении общества после допатриархального, эгалитарного рая связано с идеализацией матриистической эпохи, сопоставимой с идеализацией патриархального уклада, которую недавно предложил нам Кен Уилбер в книге «Восстань из Эдема». [[25]Up From Eden: A Transpersonal View of Human Evolution, by Ken Wilber, first edition, Anchor Press/Doubleday, Garden City, NY, 1981.] Оптимальное представление об эпохе неолита можно получить на основе сведений о современных матрилинейальных обществах. Наблюдения за этими обществами не позволяют утверждать, что перед нами - эпоха расцвета человечества. На память приходят слова Эриха Фромма об этой стадии развития человечества: «кровосмесительный союз с землей».

Термин «матриархат» представляется не совсем верным, так как господство является мужской особенностью и, с исторической точки зрения, мужским изобретением. Употребляя термин Бахофена «матриархат», Альбер переносит смысловой акцент на социальное положение дел как результатом доминирования материнского принципа. В сообществах, основанных на материнском принципе, сила проявляется не в индивидуальном господстве, а в групповой тирании – менталитете, при котором личность поглощается данным сообществом благодаря существующим между ними узами. Есть люди, которые с ностальгией думают о неолите как идеале демократии (а почему бы и не назвать неолитом эту прекрасную мечту?). Подавляющее большинство антропологов, тем не менее, считают, что это утверждение не согласуется с данными о сообществах поселенцев, центрирующихся на материнском принципе, в которых интересы личности подчинены интересам группы и ее пониманию естественных запросов. Установление человеческого жертвоприношения, которое можно понимать как наглядный пример капитуляции человека перед обществом и, вероятно, равновесием в природе (во имя бога), раскрывает перед нами тайну нарушения равновесия на данной стадии развития человечества. Только при условии неоптимальности эпохи матриархата мы можем понять, почему те, кто осуществлял патриархальную революцию, символически изобразили ее как победу света над тьмой. Сходный пример: подвиг Персея, отрубившего голову Горгоне, от взгляда которой люди превращались в камень.

Специалисты в области социальной философии обычно подчеркивают эволюционный аспект перехода от матриархального к патриархальному укладу. Вместе с тем необходимо признать существование и эволюционного аспекта – падение, избыточную патологию, вырождение. Джозеф Кемпбелл, например, предложил понимать указанную патологию как «мифическую инфляцию». [[26]The Masks of God: Oriental Mythology, by Joseph Campbell, Viking Press, New York, 1962.] Это выражение было введено им при обсуждении проблемы египетских царей, уносивших с собой в могилу членов своей семьи и слуг (предшественник более позднего обычая самосожжения вдовы над трупом своего мужа). Из письменных свидетельств о духовной жизни известно, что патологическая претенциозность возникает на определенном уровне незрелости как препятствие на пути духовного опыта. Аналогичным образом можно предположить, что наряду с важнейшим прорывом в сознании совершаются преступления во имя такого прорыва. Поэтому Уилбер имел право воспевать победу Зевса над Тифоном – независимость человеческого духа от природы – трансцендентность вопреки матери Природе, космическую индифферентность наперекор Эросу, высшую отрешенность Аполлона после капитуляции Диониса.

Родились небесные боги – Дьяус Питар, Юпитер, Индра, Иегова. Можно ли сомневаться в том, что первая форма патриархального уклада (отголоском которого были классические цивилизации) была выражением эволюционного прорыва в сознании человека? И все же посмотрим, какую цену пришлось заплатить за этот перл и какая борьба разгорелась вокруг него.

Критикуя «солярный» [[§§§]См. теорию развития человечества, выдвинутую Гебсером.] патриархальный строй, Уилбер в первую очередь обращает внимание на человеческие жертвоприношения. Однако известно, что жертвоприношения – наследие предыдущей эпохи, центрировавшейся на материнском принципе. Он ни слова не упоминает ни о военных жертвоприношениях, ни о таком постоянном жертвоприношении, как бедность – еще об одном проявлении господства сильного над слабым. Это господство началось (как указала Герда Лернер) с порабощения женщин, получило продолжение в виде всеобщего порабощения, а затем приобрело всевозможные формы социального неравенства, которые, по мнению Маркса, внутренне присущи нашему недугу. Стремясь представить коллективную и индивидуальную трансформацию в виде линейной прогрессии (лестницы, ведущей к небесам), Уилбер, как мне кажется, прибегает к излишним упрощениям.

До появления трудов Дарвина история в классическом понимании представляла собой процесс непрерывного падения. В эзотерических кругах, в традициях, дошедших до нас, например, благодаря Овидию и Книге Даниила, а также в индийском учении о югах упоминается о ниспадении из «век золотого в век серебряный». Далее упоминается бронзовый век, предшествовавший наступлению нашего, «железного века» или «Кали-Юги». Индузы описывают железный век или «век волчицы» как период, когда, ударившись о дно, мы поднимаемся вверх. На этом этапе (как указано в Откровении Святого Иоанна Богослова) мы должны преодолеть самые худшие испытания, чтобы родился Новый Век.

Представление о всеобщем упадке просуществовало до тех пор, пока
Страница 15

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
исследование эволюции видов не привело Спенсера и других ученых к пониманию эволюции общества. Безусловно, популярности идеи прогресса способствовали такие формы, как эйфория открытый и научного прогресса, а также интенсивный рост знаний и завоевание природы. Как следствие. Бахоффен,

позже Гебсер (сегодня ему вторит Уилбер) больше говорят о восхождении, чем нисхождении. Как мне кажется, развертывание исторического процесса уместнее представлять по аналогии с растением, которое, возникнув из семени, заразилось вирусным заболеванием. В этом случае одновременно с ростом растения возрастает и его болезнь («паразитический» или «злокачественный» рост).

С точки зрения Тотилы (в которой нашла отражение теория всех стадий Бахоффена), падение в патриархальный уклад – лишь последнее из трех падений на протяжении истории человечества. Сколько бы идеальным ни казалось нам во времена патриархальных тираний и войн общество, основанное на материнском принципе, центрирование на материнском начале не привело к появлению идеального общества. Уместно напомнить, что этому падению предшествовало падение (или патология), происшедшее в эпоху возникновения раннего общества, центрированного на начале ребенка. Для этого общества характерно доминирование сверхиндивидуалистического принципа ребенка, который связан с доминированием агрессии над любовью и действия над чувством и интеллектом. Примером такого общества до недавних пор могли служить эскимосы, которые покидали своих родителей в полярных льдах, чтобы продолжить свою ежегодную миграцию.

Вместо приглашения к восстановлению прошлого партнерства между полами Тотила предлагает (используя удачное выражение Сальвадора Паникера²⁷ [[27]Retropgressive Essays, by Salvador Paniker, Editorial Kairos, 1987.]) ретропрогрессивное решение проблемы: ретропрогрессивное в смысле реинтеграции условий и ценностей допатриархальных эпох, и прогрессивное в том смысле, что мы до сих пор не знали гармонии между вышеупомянутыми тремя элементами – ни в эпоху матриархата, ни в варварскую эпоху анималистического индивидуализма, в которую мы вступили, когда наши предки выработали воззрения на общество, соответствующие суровой борьбе за выживание в ледниковый период. Далекий от того, чтобы призывать к возвращению к обществу, основанному на материнском принципе, или к состоянию потерянного рая, Тотила предлагает нам сделать нечто совершенно иное: построить общество, которого у нас не было за всю нашу историю последовательных дисбалансов (каждый из которых являлся функциональной реакцией на травматические условия жизни на этой планете).

Подобно древним пророкам (и подобно Марксу), Тотила Альберт верил в возможность исцеления и расцвета человечества. Но еще важнее – его мечта о том, что в иудео-христианской традиции называется Царством Божиим. В этой мечте земля принадлежит троим (то есть нам), и эти трое, озаренные познанием божественного единства, любят друг друга.

Патриархальное общество – это иерархическое общество, для которого характерно институрирование государства, то есть установление контроля над отдельными людьми и группами со

стороны (в лучшем случае) немногих одаренных и сведущих людей. Матриархальное общество характеризуется установлением контроля над отдельным человеком со стороны большинства (клана). В «филиархальном», или основанном на принципе ребенка, обществе преобладает контроль человека над собой при игнорировании групповых связей и без чрезмерного контроля со стороны харизматической личности. Идеальное общество можно представить себе как такое общество, в котором существует гетероархаическое отношение между тремя элементами на индивидуальном, семейном и культурном уровне. В политической сфере это общество предполагает наличие равновесия между решениями об исключительном повиновении самому себе, обществу и центральному правительству. Такое равновесие сводится к равновесию между различными формами правления, крайними проявлениями которого являются тирания, диктатура (пролетариата, общественного мнения или рынка), а также анархия.

Если справедливо утверждение о целесообразности стремления к гармонизации принципов отца, матери и ребенка (в нашем внутреннем мире и обществе), мы

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
праве с оптимизмом смотреть на мир, ибо можно утверждать, что восстание
ребенка против отца началось очень давно, а реинтеграция женского принципа
является важнейшей характеристикой современной культурной революции.

Действительно, можно интерпретировать как возвращение к материнскому
принципу не только феминизм, но и всеобщее проявление любви к земле, рост
экологического сознания, стремление к демократии с более широким участием
людей, а также возрастающий интерес к эмоциональному исцелению и новое
открытие тела и его ценности.

Современные мыслители, начиная с теологов (Мэттью Фокс) и кончая
феминистками (Барбара Мор [[28]]*The Great Cosmic Mother: Rediscovering the
Religion of the Earth*, by Monica Sjoo and Barbara Mor, Harper and Row, San
Francisco, CA, 1987.), уже предложили такую интерпретацию нашей последней
революции. В частности, упомяна об экологической проблеме (и предлагая ее
в качестве парадигмы современной, ретропрогрессивной ориентации), Сальвадор
Паникер[[29]] Paniker, op, cit.] отмечает, что в этом случае мы наблюдаем
возрождение матери и духа неолита. В одном эссе он говорит следующее:

«Вполне допустимо утверждать, что экологическая революция стремится вернуть
вещи на свои места. Можно сказать и так: экологическая революция
ограничивает фаллическую агрессию и допускает определенное возрождение
«религиозности матери» (что противоречит классическому монотеизму иудаизма
и ислама).».

Сходным образом можно утверждать, что на протяжении долгих веков происходит
желанное освобождение принципа ребенка. Дело не столько в том, что
пережитые после Ренессанса революции, как говорил Тотила, «поставили
ребенка на место отца», а в том, что с воцарением гуманизма Ренессанса идет
несомненное освобождение, основные этапы которого – протестантизм,
упразднение монархии, романтизм, движение за независимость и гражданские
права, студенческие и молодежные движения (в том числе движение за
сексуальную свободу) и т.д. Важнейшие этапы в указанном освободительном
движении – контркультура и движение за развитие человеческого потенциала,
ибо возникшая в 60-х годах в Калифорнии контркультура получает в Западном
мире все большее распространение.

Несмотря на глубокую скорбь по поводу злободневных событий и стремление
пробудить современников от самодовольства, Тотила не раз называл себя
оптимистом. Его оптимизм проистекал не из реалистического отношения к
критическому положению человечества, а из убеждения, что мы наделены
достаточными ресурсами и возможностями для того, чтобы покинуть
«патриархальный корабль», прежде чем он пойдет ко дну.

Ему понравился бы анализ, получивший известность благодаря трудам
Бакминстера Фуллера. По мнению Фуллера, имеющиеся в нашем распоряжении
природные ресурсы позволят обеспечить население всего мира жильем, едой и
энергией при условии рационального использования существующей технологии.
Вселяют надежду и сведения о том, что мы сумеем решить проблему
материальных ресурсов, если положим конец их нерациональному использованию
и поймем, как преодолеть инерцию системы. Такие сведения важны, по-моему,
еще и потому, что наше представление о дефиците, согласно которому земных
благ на всех не хватит, способствовало превозношению эгоцентризма, который
создавал искусственный дефицит и тем самым порождал порочный круг.

Мессианским духом проникнуты не только иудейский и христианский мир –
индустрии, например, верят в наступление золотого века, древние мексиканцы
предсказывали возвращение Кетцалькоатля, а буддисты ожидают пришествия
грядущего Будды любви. Лично я не усматриваю в мессианстве только
иррациональную идею или успокоительное средство от страдания и смерти.
Можно видеть в нем интуитивное знание о наших потенциальных возможностях.
Мысль о развертывании и актуализации нашего потенциала представляется
сознанию в виде множества научных истин, в то время как мессианская идея
проста и эстетически привлекательна.

Не следует, однако, позволять энтузиасту оптимистического предвкушения
доводить нас до состояния самодовольной пассивности. Мы не должны «почивать
на лаврах», поздравляя друг друга с наступлением Эры Водолея, когда все

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
само собой образуется. Не следует уповать и на то, что мы уже совершили
великое социальное преобразование или находимся накануне такого
преобразования, благодаря которому все со временем уладится.

Выходом из патриарального уклада Тотила считал не Эдипов бунт против
абсолютного отца, а отказ ему повиноваться. Вместе с тем он прекрасно
понимал, что для реализации «гражданского неповиновения» технократии
необходимо опираться на внутреннее изменение и освобождение.

Способность повиноваться душой небесам достигается только отдельным
человеком на протяжении длительного психологического и духовного процесса.
Тотила, конечно же, не верил, что внешние изменения, которые нам
необходимы, могут произойти без внутреннего преображения. Он так сильно
стремился подчеркнуть эту мысль, что в своем «Прологе» сказал: «Принципы
Отца, Матери и Ребёнка не зависят от пола и возраста».

Он подробно рассматривает эти принципы в функциональном аспекте. Функция
отцовского принципа заключается в «оплодотворении, производстве, придании
формы дару жизни, начиная с хлеба и кончая искусством». Материнские функции
заключаются в «восприятии, питании, обучении и передаче законченного
существа жизни». Функция ребенка заключается в том, чтобы «развиваться,
учиться, желать и быть свободным».

На начальном этапе, я полагаю, женское движение было поглощено
соперничеством за мужские прерогативы, которые в неясном виде содержали
«неверную оценку женщин» (термин принадлежит Кэрол Таврис [[30]The
Mismeasure of Woman: Why Women are Not the Better Sex, the Inferior Sex, or
the Opposite Sex, by Carol Tavris, Touchstone Books (Simon and Schuster),
New York, 1993.]). Благодаря такому подходу, патриархальные стандарты
оставались бесспорными при заниженной оценке функций (или качеств),
связанных с женским началом. В условиях эгалитаризма, который требовал во
всем единобразия, само существование половых различий оказывалось под
запретом. Теперь нам известно, что нервные системы мужчины и женщины
отличаются друг от друга не в меньшей степени, чем их тела. Уже при
рождении женщины (с точки зрения статистики) характеризуются большей
зависимостью и меньшей агрессивностью, тогда как для мужчин характерна
высокая степень специализации полушарий головного мозга (более развитый у
женщин *corpus callosum* обеспечивает лучшую координацию полушарий). В связи
с этими особенностями очень важно, чтобы женщины не были исключены из
процесса принятий решений по важным для всех нас вопросам. К счастью,
неофеминизм правильно оценивает различия и ориентируется на
взаимодополняемость и улучшение качества общения между представителями
противоположного пола (см. увлекательную книгу Деборы Таннен «Вы просто не
понимаете».31 [[31]You Just Don't Understand: Women and Men in
Conversation, by Deborah Tannen, Ph.D., Ballantine, New York, 1990.]
Вместе с тем необходимо осторегаться абсолютизации различий. Утверждение
Тотилы о том, что принципы Отца, Матери и Ребенка не зависят от пола и
возраста, напоминают нам, что, независимо от своей общей соотнесенности,
они могут быть по-разному связаны на индивидуальном уровне. Каждого из нас
необходимо оценивать по его конкретному комплексу характерных черт. Наша
задача заключается не только в выравнивании силового равновесия между
полами, но и в гуманизации внутренних элементов.

Что же мы можем сделать для ускорения перехода от иерархической,
патриархальной структуры сознания к гетерархальной структуре, основанной на
трех принципах - отца, матери и ребенка?

По-моему, всем нам необходимо взвесить последствия триединого видения
(внутреннего и внешнего) Царства. Особо можно порекомендовать опробовать
это видение в области политики, ибо в той критической ситуации, в которой
мы оказались, нам надлежит спросить себя, что мы способны сделать, и тогда,
возможно, наше коллективное творчество изменит ситуацию.

Обсуждая этот вопрос, я не буду задерживаться на таких широко известных
проблемах, как пороки технологии, патриархальный национализм и цена
разобщенности сверхпатриотических суверенных государств.

Национализм и патриотизм можно сравнивать с заблуждением эгоцентрического
индивидуализма, вознесенным до коллективного уровня. Эрик Фромм определил

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

эти явления как «вознесение своего народа выше человечества, выше принципов правды и справедливости», в котором совершенно отсутствует любящее понимание своего народа. Далее Фромм замечает: «Любовь к своей стране, которая является частью любви к человечеству, – это не любовь, а идолопоклонство». Нам, конечно же, необходима политически и экономически объединенная планета, и вовсе не обязательно быть марксистом, чтобы видеть устарелость суверенного государства. Несомненно и то, что мы движемся к установлению равновесия между полами и поколениями и, можно надеяться, придем к обществу, которое не знает стремления к выгоде. Мотивы для деятельности в таком обществе будут исходить из интуиции и любви, и жизнь в нем не будет омрачена чувством опасности, невротической алчностью, беспокойством о выживании и ложными ценностями.

И все же я не буду останавливаться на этих проблемах, ибо совершенно ясно, что даже движимая наилучшими побуждениями революция терпит неудачу, если она не опирается на внутреннее изменение человека, и общество, к которому мы стремимся, может состоять из преображеных личностей.

Начну с самого очевидного: для того, чтобы «гармонизация трех» наших внутренних элементов начала изменять общества, необходимо, чтобы процесс внутренней трансформации получил коллективную поддержку.

К счастью, на протяжении истории по крайней мере некоторые люди постигли возможность трансформации для отдельного человека, а в настоящее время происходит дальнейшее постижение и углубление этого процесса. На индивиду-

альном уровне, как мне кажется, вселяют надежду понимание его как смерти патриархального эго и возникновение сбалансированного триединства, о котором говорил нам Тотила Альберт.

В наше время, характеризуемое как время вопрошания, терапевтическая и духовная деятельность вряд ли нуждаются в пропаганде. И тем не менее очень желательно, чтобы процесс трансформации был всеми понят как наша насущная потребность, нуждающаяся в глубоком изучении и поддержке. Естественно, что мудрое правительство, чья мудрость состоит не только в знании того, что надо делать, но и в умении это сделать (то есть правительство, способное преодолеть инерцию системы), должно исходить в своей практике из признания политической важности индивидуальной трансформации.

Каким образом правительство может его поддержать? Какую поддержку можно оказать процессу индивидуального развития, который приобретает все большее значение для совершения количественного скачка и преодоления нашего кризиса?

Движение за развитие человеческого потенциала подвергали критике за то, что оно доступно только элите (или немногочисленным счастливцам). Вообще говоря, эта критика справедлива в отношении терапевтического движения в целом, в той степени, в какой здравоохранение сосредоточило свою деятельность преимущественно на физических аспектах медицины, а в области психотерапии занято скорее симптоматикой и корректировкой, чем процессом развития, и пренебрегает иными возможностями современной медицины. Первые ростки будущего здравоохранения можно увидеть в деятельности групп развития сознания (не политических, а психологических групп), ориентированных на выполнение конкретных задач в деле улучшения психологического состояния бедноты, а также в группах, возникших в рамках феминистического движения или занятых избавлением людей от пагубных наклонностей.

В области психологии проведен ряд исследований, имеющих непосредственное отношение к проблеме нашей внутренней фрагментированности. Работа психологов стала более продуктивной и в деле реинтеграции личности. Так, уже фрейдовский подход к психологическому расколу между супер-эго, «интроектированному» из культуры, и подсознанием относится к проблеме, которой занимался Тотила: тирания мужского принципа над женским принципом. Трансакциональный анализ, развитию которого способствовали работы психологов фрейдовской школы, приступил к освоению предложенного им языка, рассматривая фрейдовскую триаду в альтернативных терминах: родитель, ребенок и взрослый.

Вообще говоря, постфрейдовская психология дает ряд альтернативных описаний патриархальной структуры сознания. Согласно одному из таких описаний здоровая любовь к себе превратилась в самоотторжение от внутреннего тирана

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
(«top-dog», сильная собака, на языке фрица Пер-лса) наших влечений. В более общем виде упоминается внутреннее отторжение между интрапсихическими элементами.

С точки зрения гештальт-психологии, которая косвенным образом уже упоминалась, основная проблема заключается в интегративной схватке между угнетателем и угнетенным, («top-dog», сильная собака, и «under-dog», слабая собака) ради достижения состояния, которое Перлс назвал «саморегуляцией организма».

Нет нужды учить тело дышать, оно и само знает, как это делать. Точно так же в области человеческих отношений существует множество вещей, которые вполне можно доверить природе. Уже Роджерс пришел к выводу о справедливости этой мысли не только для отдельного человека, но и для группы людей. Он пришел к выводу, что при наличии достаточного времени группа начинает функционировать в режиме саморегулирования. В таком случае патриархальная структура сознания, (которую Фрейд охарактеризовал как универсальную ситуацию) - это такая структура, в которой супер-эго говорит нам: «я буду относится к вам благосклонно, я буду любить вас, если вы не будете делать то-то и то-то, так-то и так-то», что напоминает жизнь в полицейском государстве. Супер-эго считает нас потенциально преступными, виновными и недостойными того, чтобы доверить нам свободу. Такое состояние сознания склонно к нравоучениям. Эту мысль прекрасно выразил Лао-Цзы (говоря о добродетели глубинной спонтанности): «Когда утрачивается первоначальная гармония, возникают законы».

Утверждение о том, что ключ к нашему освобождению – как психодуховному, так и социокультурному и политическому – в нашей способности интегрировать в своей душе элементы отца, матери и ребенка, непосредственно вытекает из мысли о настоящей необходимости сформировать некий фактор, способный синтезировать и примирить наши внутрипсихические и биосоциальные элементы. Для перехода от патриархального уклада к гетерархальному, трицентрическому укладу (на который уповал Гурджиев, создавая несколько десятилетий назад Институт гармонического развития человека) при условии наличия потребности в обществе (в котором, по словам Тотила Альберта, отец, мать и ребенок в нашей душе и семье любят друг друга) необходимо придать особое значение самой любви, способности сказать «да» другому, а также, как подчеркивал Бубер, способности сказать «ты», признать в другом человеке личность. Для осуществления интеграции необходимо, чтобы отец, мать и ребенок могли не только общаться на разных уровнях друг с другом, но и преклонялись друг перед другом, и признавали в другом личность, обладающую своей глубинной сущностью. Здесь можно провести аналогию с даосским изображением принципов ян и инь: одна фигура белая с черной точкой, а другая – черная с белой точкой.

Тотила Альберт придавал особое значение различным качествам или предвечным формам любви. Любовь отца ориентирована на «небо», мир принципов, идей и идеалов. Любовь матери ориентирована на природу, индивидуальность и предназначена для тех, кто нуждается в ней, а не тех, кто ее заслужил. С другой стороны, любовь ребенка, при всей ее патологизации в нашем мире из-за разрыва любовной связи с родителями и замены ее связью обиды и идеализированной зависимости, характеризуется благородной восприимчивостью и благоговением.

Развивая эту мысль дальше, можно сказать, что существование интрапсихической любви между принципами отца, матери и ребенка необходимо для существования гармонии в семье и между патеральными, материальными и филиальными ценностями. Тотила запечатлел эту мысль на барельефе, который находился на общественном здании в Сантьяго, пока не был уничтожен в 80-годах на закате военной диктатуры. Патеральные и материальные ценности на барельефе уподоблены двум крыльям, которые за счет своей полярности позволяют человеку лететь.

Тотила Альберт. Возвращение птицы

Символику барельефа можно конкретизировать следующим образом: над крыльями кондора, который несет сына, указывающего вперед, слева помещается мать, указывающая вниз (на землю и сына), а справа – отец, указывающий на небо. Если наше обычное состояние характеризуется инфантильной фиксированностью,

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
благодаря которой мы сохраняем регressive отношение потребности и
амбивалентности к родителям нашего детства, [[****] Для состояния зрелости
характерна свобода от влияния воспитания, полученного в детстве.] тогда
потенциально заключенный в нас здоровый ребенок может, опираясь на свою
любовь к внутреннему отцу и матери, овладеть качествами отцовской и
материнской любви и таким образом объединить в одно целое любовь к небу и
любовь к земле, любовь к мудрости и любовь к природе, любовь к божественной
трансцендентности и любовь к божественной имманентности.

Хотя христианство и называют «религией любви», которая на протяжении всей истории служила для многих источником вдохновения и привела некоторых к святости, следует признать, что в дошедшем до нас после периода патриархального и инквизиторского искажения виде, христианство как средство спасения обладает низкой эффективностью. Историческое христианство потерпело неудачу в деле построения общества, в котором правит любовь.

В своем первом прологе к «Андроклу и льву» [[32]Androcles and the Lion: An Old Fable Renovated, by Bernard Shaw, Penguin Books, Baltimore, MD, 1957.] (с подзаголовком «Почему бы не дать христианству возможность?») Бернанд Шоу заметил, что «Предложение Христа считать любовь основной нормой кажется нам вполне приемлемым после двадцати веков, на протяжении которых предполагаемое христианство проводило политику в духе Вараввы». далее он пишет:

«Проблема представляется безнадежной после двух тысячелетий непоколебимой верности воплю: «Не Его, но Варавву». Тем не менее создается впечатление, что, несмотря на свою сильную правую руку, победы империи, миллионы денег, моральные качества, церкви и политические институты, Варавва потерпел неудачу. И все-таки он одержал странную победу - украл Его имя и сделал Его, крест своим знамением. В этом есть своего рода достоинство и даже лояльность, но лояльность разбойника, который нарушает все законы и претендует на звание верноподданного короля, издающего эти законы».

Бернард Шоу добавляет:

«я не больше христианин, чем Пилат и ты, дорогой читатель (Бернард Шоу объявил себя атеистом). И все же, как и Пилат, я отдаю предпочтение Христу перед Анной и Каиафой. Я готов признать, что после 60 лет размышлений о мире и природе человека, я не вижу иного выхода из страдания мира, кроме выхода, который был бы найден по воле Божьей, если бы Христос решил задачу современного политика».

Тотила Альберт критически относился к любой форме организованной религии. Но даже если институциональные церкви, уступающие патриархальному духу различных культур, остаются бессильными перед войной и другими бедами, я полагаю, что нельзя отрицать неотделимость духовного начала от терапевтического и процесса развертывания человеческого потенциала. Независимо от справедливости утверждения, что решением наших проблем является любовь, о центральной проблеме можно сказать то же, что было сказано о золоте алхимиков: чтобы изготовить золото, нужно его иметь. Поэтому мы, вероятно,

сможем извлечь значительную пользу из восточных традиций, открытых нами столетие назад. Трансперсональная психология уже осваивает эту область. Для того, чтобы возникла любовь, необходимо узнать, как остановить механизм нашего эго и успокоить «наши страсти», практикуя непривязанность или, точнее говоря, медитацию.

В зависимости от акцента на том или ином элементе медитации мы можем давать ей разные определения, причем каждое определение справедливо лишь в той мере, в какой устанавливается различие между набожностью и непривязанностью. Это различие, по-моему, состоит в следующем: набожность связана с культивированием любви, жертвенности и сакрализирующего отношения, а медитация - с культивированием ментальной диеты, ведения и непривязанности. Если правомерно говорить о любви как синтезирующем или

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
интегративном принципе (как Платон говорит в «Пире» об Эросе), тогда мы
сможем узнати примиряющий принцип в совершенно другом облике. Подобно тому,
как в эмбрионе человека мезодерма состоит из двух слоев, один из которых
обращен к эктодерме, а другой к эндодерме, так и в области психологии
примиряющий принцип имеет два лица: одно - «материальное», другое -
«пательальное». Можно сказать, что любовь входит в состав биполярного
феномена. Тибетский буддизм придает столь важное значение биполярности, что
ставит в центр своей духовной педагогики равновесие между мудростью и
состраданием (то есть между любовью и той непривязанностью, которая
возникает перед «постижением пустоты»).

Итак, любовь существует в ситуации полярности любви и непривязанности,
которая при поверхностном рассмотрении представляется противоречием, но при
более глубоком рассмотрении оказывается взаимодополняемостью. Подлинная
любовь может возникать только из самопожертвования и самоотдачи. Обратное
утверждение тоже справедливо. Чтобы достичь непривязанности, иного пути,
кроме любви, нет. Говорить о полярности любви и непривязанности - значит
говорить о той полярности, которая в мифологии иногда представлена в виде
соединения любви и смерти или метафизического брака между жизнью и смертью.

Среди всех мировых религий христианство определяют как религию любви, в то
время как буддизм является религией непривязанности. В буддизме имеются
наставления о следовании глубинным, малоизвестным путем, который состоит не
в том, чтобы совершенствовать те или иные действия, а в том, чтобы развить
в себе способность недеяния. В процессе медитации созерцатель определенным
образом прекращает то или иное делание и, приобретя навык в успокоении ума
и подлинного недеяния, обретает панацею, то есть может делать все что
угодно. Это, конечно, нелегко, но возможно. Возможность достижения такого
состояния подтверждается многовековой духовной практикой индийских,
даосских и буддийских йогов.

Нортроп [[33]]The Meeting of the East and West: An Inquiry Concerning World Understanding, by F.S.C.Northrop, Collier Books, New York, 1974 (1946).] полагает, что один из важнейших этапов нашей эпохи заключается в
объединении ценностей Востока и Запада и интеграции Северного и Южного
полушарий. Приход буддизма на Запад, как мне кажется, следует рассматривать
в свете первого утверждения. Духовные отцы христианской церкви признали
ценность буддийской медитации как дополнения к традиционным видам духовной
практики. Точно так же психотерапевты признали огромную важность
буддийского метода как дополнения к интерперсональной психологии. Благодаря
резонансу с современным научным языком этот духовный нетеистический подход
может оказаться не только бесценным источником вдохновения, но и мостом
между иудео-христианским и греко-римским наследиями.

Если я не ошибаюсь, придавая особое значение ассимиляции буддийского
видения европейской культурой (главным образом, на уровне специалистов и
первопроходцев в области внутреннего поиска), значит, нам необходимо понять
огромную важность сравнительно недавнего события: исход тибетцев из своей
страны после китайского вторжения в 1958 году. Из всех народов земного шара
тибетцы более других продвинулись в области воспитания сознания. Уже очень
давно они закрыли свои границы для остального мира и превратили свою страну
в своеобразную оранжерею высшего духовного развития, которое продолжалось
вплоть до вторжения китайских коммунистов, принесших с собой геноцид и
разрушение храмов. Многим тибетцам пришлось расстаться со своей уединенной
жизнью и, подобно семенам некоторых растений, разлетающихся после того, как
зрелые плоды лопнут, они отправились в Индию, а затем и в другие страны.
Современная тибетская диаспора, как мне кажется, потенциальный дар огромной
ценности для тех, кто знает, как извлечь из него пользу, и просвещенные
руководители общества поступили бы мудро, приняв это к сведению. [[||||]
Торговые связи с Китаем для большинства стран важнее, чем судьба тибетцев.
Только Индия, Мексика и Непал признали далай-ламу политическим
руководителем Тибета.]

Впрочем, поддержка развития духовности не тождественна поддержке церквей и
выходит за ее рамки. Куда важнее ясное осознание того факта, что
религиозность в глубочайшем смысле этого слова есть неотъемлемая пища души
в здоровом обществе. Независимо от верности утверждения, что наша религия
является, говоря словами Маркса, «опиумом для народа», которое следует из⁴
смысла евангельского «отдай кесарю кесарево» (Тотила, кстати, никогда не
верил, что Иисус действительно сказал эти слова), верным представляется и
утверждение религиозных людей: «Не хлебом единим жив человек».

Тотила определил марксизм как «религию в желудка». Это определение в равной мере применимо к нашим технократам и марксистам как левого, так и правого толка. Исходя из этого, нам надлежит научиться различать религию и духовность и по достоинству оценивать все здоровое и конструктивное в разных традициях прошлого, которые сходятся теперь в нашей нарождающейся культуре.

В связи с этим мне кажется уместным привести здесь анализ современной ситуации, сделанный Уиллисом Харманом в его новой книге «Глобальное изменение сознания». [[34]] Global Mind Change, by Willis Harman, Knowledge Systems, Inc., Indianapolis, IN. 1988.] Рассматривая проблему безработицы, он отмечает, что она будет продолжать расти, но это не должно нас беспокоить, ибо у нас есть все основания полагать, что в век информации и роботизации, в который мы вступаем, большая часть работы, связанной с добыванием средств к существованию, может быть выполнена за людей. Растущая незанятость способна привести к недомоганиям тех, кто не знает, как ей воспользоваться, и потому Харман полагает, что свободное время в будущем даст нам бесценную возможность вернуться к жизни, сфокусированной на реализации высших ценностей и развития сознания. В связи с этим необходимо упомянуть и Джозефа Пипера, [[35]] Leisure, The Basis of Culture, by Joseph Pieper (Alexander Dru's translation), New American Library, New York, 1963.] по мнению которого принудительный досуг стал насущной потребностью в технократическом мире. Разумеется, нам необходимы пища и кровь, но нам необходим и досуг как таковой, ибо он обладает очень важным достоинством – возвращает нам способность к самоанализу и духовности.

«Самый важный и безотлагательный поступок, который мы могли бы совершить в современном мире разобщенных людей, – это установить сначала в своей душе, а затем и в окружающих искреннее отношение к досугу философской рефлексии, равно как и страстную любовь к «правде, только правде ничему, кроме правды».

Я сделал обзор того, на что мы способны в свете идеала, названного Тотилой «нашей Троицей». В своих рассуждениях я уделял особое внимание не только политической важности индивидуальной трансформации, но и ее необходимости. Кроме того, я указал меры, которые может принять сильное и благородное правительство, чтобы стимулировать пробуждение сознания путем реализации как терапевтических, так и духовных ценностей в культуре. Однако я не упомянул о такой перспективной области деятельности сильного и благородного правительства, как целесообразное холистическое образование.

В настоящее время образование в Америке находится в состоянии кризиса. Реакция Истеблишмента на этот кризис обнаруживает поразительное непонимание сущности проблемы, которая заключается в устарелости патриархального образования и его эмоционального неприятия лишенными выбора потребителями. Настойчивое требование повысить качество преподавания чтения, письма и арифметики и приклеивание ярлыков психопатов тем, кто отказывается от такой диеты, отражает решимость поставить образование на службу Маммоне, а не человеку, то есть развитию национальной экономики, а не личности. Надеюсь, что наши специалисты стали достаточно благородными, чтобы понять, почему учащиеся не в состоянии «переварить» современное образование, даже если они не способны доступно объяснить причину этого.

Интеллектуальные и академические программы в современных университетах могут стать одним из элементов образования, в котором мы так остро нуждаемся: образования, которое не только передает информацию, но и ставит своей целью развитие всесторонней личности, уделяя особое внимание глубинным аспектам человека. Можно спросить: но кто же в силах решить задачу, столь отличную от задач современных учебных заведений? В последней главе этой книги упоминается наш самый ценный ресурс – новые шаманы. Наши окаменевшие учебные заведения, полагаю, можно преобразовать, нанимая на работу тех людей, которые выбрали в качестве своей профессии преображение личности и достигли высокого мастерства в оказании помощи другим людям. Букминстер Фуллер считал, что у нас нет недостатка необходимых природных ресурсов. Точно так же можно утверждать, что мы не испытываем недостатка в необходимых людских ресурсах.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

Прежде чем перейти к следующей теме, мне хотелось бы упомянуть явление, которому мы способны сообща оказать поддержку. В настоящее время это явление получило широкую известность, благодаря совместным усилиям небольших групп - терапевтических и духовных общин. (При рассмотрении их целей эти два аспекта трудно различить. По причине воспитательного потенциала и значения для политического экспериментирования это явление выходит за рамки терапии и духовности).

Действительно, было бы слишком большой роскошью в разгар кризиса наших патриархальных заведений предаваться грезам о всевозможном устройстве общества без активного экспериментирования. Учитывая крах социалистического эксперимента как эффективного способа построения общества без правительства, денег и злоупотребления властью, нам необходимо научиться понимать ценность каждого эксперимента, поставленного «утопическими» общинами. Многие «коммуны», возникшие в период расцвета контркультуры в 60-е и 70-е годы, со временем по различным причинам распались (начиная с разочарования слишком оптимистических членов коммун и кончая «качанием маятника» от идеализма к реализму, пережитого членами коммун, включая возродившийся интерес к «приземленным» проблемам выживания и исследованию внутренней деятельности передовых обществ). Вместе с тем, как мне кажется, трудности, с которыми столкнулись многие участники коммун, объясняются не только отсутствием сильной веры, но и выбором неверного пути и серьезностью психических расстройств, ибо гнет окружающего патриархального мира был бы гораздо меньше в обществе, способном оценить бесценный вклад исследований жизни творческих групп в развитие данного общества, а также при наличии правительства, заинтересованного в поддержке развития таких групп.

Надеюсь, что у читателей не возникло впечатления, что я исчерпал свою тему. Напротив, я предлагаю им выявить дополнительные следствия вышеуказанной идеи, возводя мосты понимания между видимой поверхностью нашего комплекса проблем и указанной здесь коренной проблемой патриархального уклада, а также между идеалом триединого общества и средствами, которыми мы располагаем, как, например, методы разрешения конфликтных ситуаций (см. «Великий поворот» [[36]The Great Turning, by Craig Schindler and Gary Lapid, Bear and Company Publishing, Santa Fe, NM, 111989.]), которые в настоящее время применяются в «образовании ради мира», или политические возможности системной терапии семей. Мне хотелось бы отметить, что при составлении планов и размышлении о том, каким станет мир, следует иметь в виду, что мир, конечно же, будет отличаться от наших замыслов. Иными словами, куда важнее, чем наши мысли и интуиции, - необходимость открыть себя для зарождающейся творческой способности. Чтобы пояснить эту мысль, воспользуемся двумя библейскими образами. Вавилонская башня - символ Нимрода - олицетворяет всепобеждающее стремление человека осуществить «титаническое» строительство от основания до крыши, от известного к неизвестному. В Апокалипсисе имеется другой, противоположный по смыслу образ. Святой Иоанн Богослов описывает, как после переломной катастрофы с неба на землю нисходит святой город Иерусалим в форме куба. Идея святого города в виде куба, образ кристаллической по своей точности и божественной организации

структурь, передает интуитивное и опытное постижение структуры, присущей природе, которая появляется, когда мы, уступив ей дорогу, оказываемся готовы к ее восприятию. Человек может воспринять благодать, но не вызвать ее появление. Сходным образом на коллективном уровне мы должны быть открыты и проницаемы для того, что находится за пределами нашего планирования. Но становясь открытыми, мы должны опасаться проявления догматизма и напыщенности по отношению к нашим идеям и интеллекту.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что, подобно тому как в древних духовных традициях на первое место выдвигалась этика работы над собой во имя достижения личного спасения, так современная этика саморазвития требует от нас коллективного признания ее значения. Возникает впечатление, что обстоятельства потребовали пробуждения и развития в каждом из нас того, что в буддизме называется «бодхичиттой» и рассматривается как первая ступень на лестнице озарения: намерение реализовать абсолют на благо всего мира.

даже наименьшее знание высших предметов имеет большую ценность, чем наибольшее знание низших предметов.

Фома Аквинский

В большинстве стран системы образования находятся в состоянии кризиса и редко удовлетворяют существующие потребности. В действительности нам необходимо определить иные цели и иные приоритеты.

Александр Кинг и Берtrand Шнейдер [[37]La Primera Revolution Mundial, by Alexander King and Bertrand Schneider, Plaza and Janes Editores, S.A., Barcelona, Spain, 1991.]

История человечества все более уподобляется состязанию в беге между образованием и катастрофой.

Г. Дж. Уэллс [[38]H.G.Wells in Toward a Psychology of Sustainability, by Roger Walsh, Revision Journal, Fall 1991.]

Глава вторая

Исцеление от патриархальности, я полагаю, должно носить существенно внутренний характер, и нашему обществу надлежит взять в собственные руки дело своего внутреннего развития. В настоящей главе будет подробно рассмотрен вопрос: почему состояние внутреннего раскола и дисбаланса, происходящее из патриархального уклада, требует от нас выработки новых приоритетов и коренного изменения подхода к образованию.

В первую очередь я хотел бы отметить, что средство лечения, как и наш недуг, находится в пределах нашей досягаемости, ибо современность – это время не только кризиса патриархата (и образования), но и холизма.

В настоящее время интенсивно обсуждается возможность применения «подвижной парадигмы» в науке и вообще в области понимания мира и человека. Что представляет собой эта парадигма, обязанная своим появлением новой физике и современной психологии и оказывающая влияние практически на все области знания и деятельности в зависимости от степени ее интуитивного понимания?

Суть этой парадигмы заключается в целостноцентристическом подходе, и поэтому ее можно назвать «холизмом» или «интегрализмом». Это та общая перспектива, которая лежит в основе столь разных областей науки, как системотехника, системный подход к менеджменту, гештальт-психология и структурализм. Новое понимание структуры, организации и взаимосвязи частей в целом является поворотным пунктом на пути развития нашей интеллектуальной эпохи. Жизнь и само мироздание представляются нам теперь в виде некоей развертывающейся метаструктуры.

Примерно две тысячи лет тому назад Будда рассказал притчу о слепых, которые, прикасаясь к разным частям тела слона, совершенно по-разному его представляли, уподобляя слона стволу пальмы, веревке, опахалу и т.д. Возвращенная к жизни сущими, эта притча стала теперь очень популярной, и вполне заслуженно, ибо она выражает последний расцвет духа нашего времени, то есть все возрастающее понимание того, что целое есть нечто большее, чем сумма его частей.

Изменение нашего понимания, несомненно, отражает живой процесс, и если в интеллектуальной сфере мы вступили в эпоху холизма, то в более общем виде можно говорить о наступлении эпохи синтеза. Наша жизнь приобретает

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
междисциплинарный, всемирный, межкультурный характер. Мы стремимся стать
целостными личностями в объединенном мире.

Холистическое образование, как и холистический подход к вещам, является одним из аспектов происходящего в настоящее время синтеза. Первым в защиту воспитания чувств выступил Руссо – отец романтизма и дедушка французской революции. Затем ученые, в том числе Дьюи, Мария Монтессори и Пиаже, стали подчеркивать важность обучения через действие. С другой стороны, Штайнер (затем и Вальдорфская школа) уделял особое внимание развитию интуиции и тому, что в наше время получило название трансперсонального обучения. В последнее время движение за развитие человеческого потенциала выступило с инициативой проведения экспериментов в «аффективной области». Холистическое образование стремится объединить эти голоса в той мере, в какой они обращены к личности в целом: к телу, эмоциям, интеллекту и духу.

Система образования должна быть холистической не только в области воспитания целостной личности, но и во многих других отношениях. Сюда относятся: стремление к интеграции различных областей знания, ориентация на межкультурную интеграцию, планетарный подход ко всем вещам, равновесие между теoriей и практикой, правильный учет будущего наряду с прошлым и настоящим. По этой причине я решил назвать зарождающийся в области образования холизм «интегральным образованием».

В связи с переходом в Америке от «революции сознания» 60-х годов к неоконсерватизму 80-х годов идеи претворения в жизнь системы всестороннего и комплексного образования могут показаться роскошью. Обходя вопрос об образовании, Янкелевич в своей изданной книге «Новые правила»³⁴ [[39] New Rules: Searching for Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down, by Daniel Yankelovich, Random House, New York, 1981.] отмечает, что мировая ситуация и положение человека становятся настолько нелегкими, что нам просто не остается времени на проявление и развитие своих возможностей. На период существования движения за развитие человеческого потенциала, он полагает, надо смотреть как на эфемерный отголосок преходящего изобилия.

Необходимо остерегаться такой точки зрения, ибо она означает возвращение к непримиримой позиции, в значительной мере способствовавшей возникновению современных проблем. Благодаря актуальности общечеловеческих проблем, новый подход к образованию становится не роскошью, а насущной необходимостью. В своем докладе Римскому клубу «Обучение без границ» [[40] No Limits to Learning: Bridging the Human Gap, by James W. Botkin, Mahdi Elmandjra and Mircca Maletza, Pergamon Press, 'New York, 1979.] Боткин и другие сообщают: «После десяти лет обсуждения глобальных проблем в дискуссиях наметился определенный сдвиг. Большинство участников многочисленных конференций по глобальному имитационному моделированию осознало, что в диалогах недостает критического элемента. Озабоченность материальной стороной мировых проблем ограничила эффективность и масштаб дискуссий. В настоящее время необходимо вновь поставить в центр мировых проблем человека. Это означает, что нам следует выйти за пределы глобальных проблем, касающихся физического аспекта системы жизнеобеспечения, и признать первостепенное значение собственно человеческого аспекта».

Вышеупомянутые авторы говорят о существовании «человеческого разрыва», то есть расхождения между возрастающей сложностью и нашей способностью справиться с ней. Они утверждают, что этот разрыв можно преодолеть с помощью обучения. «В этом смысле обучение вовсе не является лишь очередной глобальной проблемой. В принципе, его провал занимает центральное место в мировой проблематике». Короче говоря, «обучение стало вопросом жизни и смерти».

Я предпочитаю подчеркивать значение «развития», полагая, что в своей личности мы можем уничтожить не только окружающую среду, но и друг друга, если в процессе метаморфозы не перейдем из личностной стадии к следующей за ней. История доказала, что трансформация человека возможна, и мы не вправе пренебрегать этой возможностью. То, что раньше было уделом немногих и воспринималось как роскошь, стало крайне важным для всех. Поскольку наши заблуждения, усиленные нашим могуществом, и их последствия приобрели в результате роста населения необратимый характер, мы вынуждены отметить, что они являются выражением недостаточного развития нашей психики.

Известно, что с точки зрения психоанализа психология среднего человека, которую принято называть «нормальной», имеет регressiveный характер Под

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
слоем кажущегося изобилия мы испытываем чувство неудовлетворенности, несамостоятельности и ненасытности. Не будь наше общество бессознательно параноидным и каннибалистическим, разве достигли бы военные расходы во всем мире существующих размеров? Не разумнее ли вкладывать эти деньги в реализацию программы восстановления земли, начиная с экологии и кончая воспитанием сознания?

На заре существования человеческого общества нам довелось вынести тяготы жизни в условиях ледникового периода и последующего высыхания земли. Эти тяготы одновременно способствовали нашему развитию и появлению травм, ускоривших наше «падение» (то есть развитие психосоциальной патологии). Дефицитная мотивация, послужившая причиной эксплуатации людей, природы и нас самих, навсегда сохранилась в виде источника морального разложения, передаваемого от одного поколения к другому, и теперь привела нас к кораблекрушению, из которого можно спастись, только научившись плавать. В этой метафоре «плавание» символизирует новое сознание, которое является нашим неотъемлемым правом и позволит добраться «отсюда» «туда», то есть совершить переход от устаревшей, многовековой обусловленности к новому мировому порядку.

Новая система образования, предназначенная для воспитания целостной личности для целостного мира, отнюдь не роскошь. Нам крайне необходима такая система, и мы возлагаем на нее большие надежды, ибо все наши проблемы значительно упростятся, если мы в первую очередь обретем подлинное (психическое) здоровье и способность любить неотъемлемую часть такого здоровья. Мир и спокойствие в душе человека являются основой мира на земле.

Многие читатели этой книги, вероятно, принадлежат к поколению ищущих, благодаря которым наше время иногда называют началом «Новой эры» – движения за возрождение, сравнимое с движением на заре христианства или другой мировой религии. Этот культурный феномен неожиданно возник в США около тридцати лет назад и прошел стадии эмоционального подъема и спада. Можно считать, что в нем нашла отражение структура определенного психологического процесса: после воодушевления, испытанного при вступлении на путь возрождения, когда казалось, что мир в ближайшем будущем преобразится, большинство участников движения пришло к следующему этапу осознания, что путь (по словам Гурджиева) «сначала усыпан розами, а дальше идут тернии». Буквально целое поколение отправилось на поиски преображеного общества, но так и не нашло его. Однако в результате этих поисков появился ряд претендентов на роль шамана, которые достигли различной стадии развития. Это частично преображеные личности, обладающие опытом, которым они могут поделиться, и знанием, что путь к преображению оказался более трудным и долгим, чем они полагали.

Если так трудно преобразить взрослого человека, тогда, быть может, лучше начать с преображения молодежи. Если исходить в своем мышлении из целого и нужд нашей живой земли, уделяя особое внимание росту личности в период ее наибольшей пластичности, тогда образование сыграет роль наилучшей стратегии, с помощью которой мы сможем сознательно вмешаться в процесс нашего развития.

Гитлер когда-то сделал открытие, что с помощью контроля над образованием можно управлять обществом. Сколько бы чудовищной ни была его концепция, все же она в карикатурном виде отражает великую истину, и мы можем восстановить ее, поставив его утверждение с головы на ноги, ибо своей цели можно достичь не установлением «контроля», а за счет внимания, таланта, сердечности и достоинства. Воспитывая у молодежи человеческие качества, мы можем надеяться на создание лучшего мира. Если уж речь зашла о «контроле» над образованием, то необходимо понять, что такой контроль должен служить делу освобождения. Это – своего рода контр-контроль (подобно тому, как медитация выполняет функцию «добровольного контроля» над внутренними состояниями, чтобы раскрыть состояния глубинной спонтанности и невмешательства).

Всем известно утверждение о необходимости «воспитывать людей, которые нужны стране». Вообще говоря, в данном случае воспитание понимается как средство социализации, то есть приведение личности в соответствие с социальными нормами. Характеризуя воспитание людей, нужных миру, следует понимать, что такой процесс должен быть направлен на достижение свободы и автономии, а не подчинения, ибо подлинный «мир» способен существовать только благодаря подлинным личностям.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

В своих работах Герберт Спенсер (вслед за Дарвином) сравнивал общество с организмом. Впоследствии эта идея подвергалась со стороны социологов критике, в которой, по-видимому, нашел отражение тот факт, что наше общество не совсем похоже на организм и в этом отношении мы не достигли таких успехов, как пчелы и муравьи. По аналогии с мозгом, функционирующим на основе отдельных нервных клеток, общество должно, в первую очередь, опираться на существование зрелых личностей, то есть целостных и способных к самореализации личностей, а не человекоподобных роботов, в которых воплощаются традиционно поощряемые слепота и «пороки общества».

Можно утверждать, что само обучение ради индивидуальной целостности ориентировано на целое, есть «обучение для целостного мира». И все же мне хотелось подчеркнуть эту мысль («обучение для целостного мира» вошло в заглавие этой главы), выделить ее в виде тезиса - «обучение целостной личности есть обучение для целостного мира» - еще и потому, что здесь акцентируется мета-персональная цель. Если мы поймем, насколько нуждаемся в системе обучения ради мира и всеобщего единства, тогда, вероятно, мы придем и к соответствующим творческим разработкам.

Человек не может быть подлинно целостной личностью вне целостности мира и братства. Нам необходима система образования, способная обеспечить такой уровень развития человека, когда он может перейти от личной и племенной изолированности к развитому сознанию всеобщности, которое послужит экспериментальной основой для разработки планетарного подхода. В настоящее время эта мысль важна потому, что мы уже начали уделять внимание экологическому образованию и мероприятиям, необходимым для обеспечения жизни в устойчивом мире. В области образования, однако, по-прежнему выделяются (патриархально) моралистический и познавательный аспекты без учета необходимости воспитания сознания принадлежности к человечеству («я как часть человечества»).

Духовное рождение как составная часть нашей возможной участи - это рождение не только «Я», но и «Ты». Говоря точнее, рождение Человека - это рождение соотношения Я и Ты, рождение сознания нашей общности, взаимоотнесенности.

Каким образом образование может способствовать развитию сознания нашей общности? Для этой цели необходимо использовать планетарный подход, лишенный узких местнических интересов, и, что еще важнее, обеспечить компетентное руководство сообществом, то есть компетентное содействие процессу формирования групп в подлинном смысле этого слова.

Карл Роджерс сказал, что самым важным изобретением нашего века ядерной физики и кибернетики являются «группы». Будущее покажет, насколько справедливо это утверждение. Группы, безусловно, являются одним из важных ресурсов, и преподавателям необходимо, как я считаю, приобрести практический опыт в следующих областях: стимулирование искреннего общения и рассмотрение его последствий; развитие способности к оценке и выражению своего опыта, умение поставить себя на место другого (сопереживание) и честно вести поединок, воздерживаясь от проявления эгоизма. Этот процесс не должен, однако, ограничиваться проведением групповых встреч. Как справедливо заметил Джордж Браун, групповой процесс должен служить основой для обучения. Я хотел бы выделить два типа групп, представляющих главные формы совместной деятельности: целевая группа, реализующая идеальную ситуацию для овладения искусством сотрудничества и понимания возможных препятствий на пути к такому сотрудничеству; группа принятия решений, в которой проявляется характер личности. В последнем случае, как мне кажется, мы обладаем замечательным средством обучения людей демократии, если использовать его в целях самопознания при содействии компетентных специалистов в области психодинамики.

Используя вышеупомянутые средства, следует иметь в виду, что развитие личности нельзя отделять от ее исцеления, так как любое разграничение областей образования, психотерапии и духовности носит искусственный характер. В действительности существует единый процесс развития, исцеления и просвещения. Запрет на включение психотерапии в систему образования следует рассматривать как регressiveный, защитный симптом, так как без учета в образовании аффективной области наше общество по-прежнему будет состоять из огромного числа людей, ограниченных рамками детского поведения, чувствования и мышления. В этом случае нелепо полагать, что мы сумеем достичь своей цели - развития личности.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

После пространных рассуждений о том, что прошла пора воплотить в жизнь систему комплексного образования, я хотел бы поделиться своими мыслями о будущих формах образования. В связи с этим упомяну эссе Олдоса Хаксли «О воспитании Амфибiana». [[41]«On the Education of an Amphibian», in Tomorrow, and Tomorrow, and other essays, by Aldous Huxley, New York, 1956.] Мои наблюдения и предложения – дальнейшее, развитие замечаний, высказанных Хаксли около сорока лет назад.

Новая система образования, разумеется, ориентируется на развитие тела и эмоций, ума и духа. Вопрос лишь в том, каким образом и с помощью каких средств будет воплощаться в жизнь эта система.

В области физического воспитания мы в настоящее время располагаем сведениями, что наряду с физкультурой и спортом существует более тонкий тип деятельности тела. Доктор Томас Ханка назвал эту сферу телесной деятельности «новой соматологией». В этом случае можно говорить о внешней и внутренней деятельности в том смысле, в каком эти слова употребляются в спорте. Традиционная система физического воспитания нуждается в изменении. Целесообразно также включить в учебные планы некоторые виды чувственно-моторной тренировки. Наряду с достижениями современных движений за развитие тела (Фельденкрайс, Геода Александер) можно использовать такие древние системы, как хатха-йога и Тай-Цзи-Цзюань.

Следует обратить внимание еще на один аспект физической деятельности человека (голон) – искусное делание, например, в кулинарии, домоводстве и в ремеслах. Если психопатология блокирует способность к мобилизации сил для выполнения задачи, то воспитание здорового отношения к своей деятельности носит психотерапевтический характер. Физический труд позволяет также совершенствовать такие добродетели, как терпение и удовлетворенность, если нас научат понимать внутреннюю сторону ремесла, то есть использовать внешнюю ситуацию для внутреннего совершенствования (в этом отношении из суфийской традиции можно почерпнуть гораздо больше знаний, чем из трудотерапии).

Теперь обратимся к воспитанию чувств. Прежде всего отметим, что любое разграничение сфер «аффективного воспитания» и воспитания межличностных отношений носит искусственный характер. Сходным образом мы не можем отделить аффективную межличностную сферу от сферы самопознания. В связи с проблемой воспитания межличностных отношений я хотел бы отметить, что развитие самопознания, самоанализа и самосознания (тот высокий идеал, горячим сторонником которого был Сократ) оказалось совершенно запущенным, и это в то время, когда мы располагаем средствами и методами для изменения системы образования. Настало время включить в школьные планы создание современной лаборатории для развития самопознания в ситуации межличностных отношений, а также для развития коммуникативных способностей. В такой лаборатории необходимо объединить множество методов и наработок, появившихся после внедрения Фрейдом метода свободных ассоциаций, с последними достижениями в области гуманистического движения.

Безусловно, нам необходимо развивать (если не восстанавливать) способность своих чувств и, при необходимости, аутентичного их выражения. Кроме того, не следует пренебрегать возможностями драматизации и, вообще говоря, экспрессии для развития чувства жизни. В этом отношении важную роль играет гуманитарное образование: знакомство под соответствующим руководством с мировым наследием в области литературы и искусства, ибо литература и искусство – это наследство человеческого сердца, которое передается от сердца к сердцу, подобно тому, как наука и философия передаются от ума к уму.

И все же главное, что следует сказать об образовании в области эмоций – это признать его важнейшей целью развитие любви.

Вне всякого сомнения психическое здоровье и сопутствующая ему природная добродетель неотделимы от способности любить себя и других. Вот почему нам необходима педагогика любви. Информации для разработки такой педагогики у нас достаточно, недостает, возможно, только знания направления и возможности применить эту информацию в обучении. Мы знаем, например, что помимо сердечности, понимания психологической безопасности и возможности развивать чувство общности, необходимо решить проблему детской амбивалентности, которая развивается в нашем обществе у молодежи как реакция на менее эмоциональных, счастливых и плодотворных родителей.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

Потенциальная способность человека любить скрыта под пеленой "ненависти к себе и сознательной или бессознательной деструктивности, возникших на ранних этапах жизни человека. Психотерапевтическая практика ясно показала, что для освобождения от ненависти и деструктивности необходимо рассмотреть свою жизнь до периода, предшествующего интеллектуальному пониманию, прояснить чувство страдания, разочарования и безысходности, связанные с прошлыми впечатлениями, а затем вычеркнуть их из жизни. Понятно, что все это потребует довольно продолжительного курса глубинной психотерапии, хотя сейчас для этого понадобится меньше времени, чем в эпоху психоаналитических исследований.

В области гуманистической психологии, возможно, самым систематически изученным (по крайней мере, в США) в плане применения для обучения является метод гештальт-терапии (известный под названием «конфлюентного обучения»). Еще 20 лет назад Джорж Браун, гештальтист и профессор педагогики Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, получил материальную помощь от Эсаленского института и фонда Форда. Далекий от мысли о включении гештальт-терапии в учебный план, он оказывает существенную помощь преподавателям, обучая их методам гештальт-терапии с целью постижения опытной истины, понимания состояния человека и обретения самоконтроля в отношениях с другими людьми. Таким образом обеспечивается возможность взаимодействия между терапией и обучением. Гештальтистский подход можно рекомендовать как основной метод благодаря его экономичности. Так, например, кратковременный курс гештальт-терапии помогает человеку лучше включаться в актуальность («в данный момент и в данном месте»). Жизнь большинства людей проходит в ситуации подразумеваемого запрета на выражение происходящего с ними в данный момент, так что, если человек лучше осознает актуальную ситуацию и берет на себя ответственность за участие в ней («в данный момент и в данном месте»), это может вызвать множество событий. Происходит освобождение, из которого проистекает множество следствий. Косность и серость в значительной степени преодолеваются, когда человек прерывает интеллектуальную беседу и говорит, например: «Здесь пахнет мышами», или «Это причиняет мне неудобство», или «Эта ситуация мне наскучила», переходя таким образом на межличностный уровень.

Все высказанное о гештальт-терапии в той или иной мере применимо к трансакциональному анализу, психодраме и другим разновидностям современной терапии. Они вполне заслуживают включения в арсенал средств, способствующих развитию личности педагогов и повышению их профессионального мастерства.

И все же при рассмотрении будущих возможностей образования и средств, которые оно может использовать, я хотел бы выделить огромный воспитательный потенциал подхода, который берет начало не в профессиональной, а в духовной сфере; он, как мне кажется, идеально подходит для включения в школьные программы и имеет непосредственное отношение к проблеме наших патриархальных 'недугов'. Это объясняет конкретную ориентацию данного метода на интеграцию в душе человека внутренних личностей «отца», «матери» и «ребенка». Этот метод называют «Процессом квадринити». Поскольку он стремится привести в согласие тело, эмоции, интеллект и дух.

На второй конференции по проблемам гештальт-терапии, которая проводилась в Балтиморе более десяти лет назад, я рекомендовал использовать упомянутый выше метод (который тогда называли «Процессом Фишера-Хоффмана») для обучения гештальтистов и для подготовки врачей (психиатров, невропатологов). С помощью «Процесса» (как его иногда называют для краткости) выявляю многие проблемы, имеющие непосредственное отношение к обучению психотерапевтов. Кроме того, «процесс» обладает, по-моему, большими возможностями в области образования. В его центре – отношения личности с родителями, живыми или мертвыми, а основная идея состоит в объяснении смысла четвертой заповеди: подобно тому, как нелюбовь к родителям нарушает отношение человека к самому себе и вообще к миру, восстановление уз любви с родителями (большинство людей даже не подозревает об утрате таких уз) позволяет достичь нового уровня любви к себе, а затем и к другим. Поскольку воспитательный потенциал нового подхода к исцелению интернализованных связей между отцом, матерью и ребенком занимает особое место в этой книге, я рассмотрю его в следующей главе подробнее.

Воспитание любви имеет еще один аспект – сверхличностный, духовный. Для реализации этого аспекта мы можем, с одной стороны, дать выход «эго», выйти за пределы своего характера, сбросить его оковы, а с другой стороны, воспитать те качества, которые реализуются в процессе медитации, ибо цель

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
всякой великой религии, как известно, – естественное проистекание любви из мистического опыта. Проблема медитации также будет рассмотрена в этой главе.

Основной причиной отсутствия внимания к воспитанию чувств является, по-моему, запрет на применение терапии в области образования. Как и в случае религии, образование должно быть обособлено от терапии. Определенную роль здесь играют территориальные соображения, но очевидны и другие соображения, которые до сих пор не получили надлежащей оценки. Примером могут служить сложности, возникающие в тех случаях, когда ребенок начинает рассказывать в школе о том, что происходит дома. У родителей возникает чувство неловкости, их стремление к конфиденциальности вступает в конфликт с терапевтической желательностью разрядки напряжения (путем высказывания). Не думаю, что эти проблемы удастся решить на местном уровне. Вряд ли школьные администраторы и учителя нуждаются в указаниях и поддержке сверху, чтобы приступить к внедрению в школах некоторых методик исцеления эмоций. Если затронувший нас кризис в сфере взаимоотношений проистекает из ограниченности нашей способности к любви, значит, нет никакого смысла придерживаться устаревшего разграничения между терапевтической и педагогической сферами.

Естественно было бы ожидать, что познавательный аспект менее других аспектов образования нуждается в обсуждении и преобразовании, поскольку до недавнего времени внимание здесь почти исключительно уделяется познавательному содержанию. И все же интеллектуальный аспект образования должен ориентироваться на нечто большее, чем передачу информации – будь то развитие понимания мира или способности выполнить в нем специальную работу. Поскольку мы собираемся включить в систему образования нечто большее, чем познавательное содержание (а я предлагаю именно это), нам необходимо обеспечить более эффективную реализацию информационного аспекта в школьном образовании уже потому, что у нас останется на него меньше времени. Следует полностью использовать потенциальные возможности игр и головоломок (этого идеального средства изучения математики на начальных этапах), широко применять аудиовизуальные средства, исследовать возможности компьютеров и т.д. Но в первую очередь необходимо разработать то, что я называю этикой краткости. Мы не вправе загружать свою память разрозненно, несущественной информацией, но должны сосредоточиться на смысловой насыщенности информации как в аспекте понимания мира, так и в аспекте профессиональной подготовки. Стремление к пониманию является неотъемлемой частью человеческой природы и нуждается в панорамном обзоре всех областей знания. Поэтому целесообразнее всего ввести обучение так, чтобы общее и частное были уравновешены. Иными словами, обучение специальным (профессиональным) навыкам должно проходить на фоне общего содержания. Такого рода обучение является в определенном смысле воспитанием целостного мышления.

В настоящее время стало очевидным, что традиционная система образования уделяет мало внимания развитию познавательных навыков вне рамок изучения того или иного содержания. В первую очередь, нам необходимо научиться, как учиться. К этому выводу приходишь неизбежно, даже если придерживаться прагматической, а не гуманистической ориентации. «Объем знаний, приобретаемых в определенной области, как правило, не связан с высоким профессиональным мастерством, – пишет профессор Килпатрик в бюллетене АНРР – для овладения профессией человек должен иметь желание и способность... Выдающийся исполнитель отличается не приобретением и применением знаний, а познавательными навыками, получившими развитие в процессе приобретения и применения знаний».

И в этой области необходимо перенести акцент с внешнего на внутреннее, с очевидного на неочевидное.

Существуют новые возможности, которые могут быть использованы в области образования для воспитания познавательных навыков. К ним относятся: упражнения с использованием всестороннего подхода к вопросу (метод Дебоно), обучение методам анализа предпосылок (см., например, работы Аберкромби [[42]Anatomy of Thinking, by Abercrombie.] и Мэйфилда, [[43]Thinking for Yourself: Developing Critical Thinking Skills Through Writing, by Marlys Mayfield, Wadsworth Publishing Company, Belmont, CA. 1991.] диалектическое мышление, невербальное развитие общих умственных способностей (метод Фейерштейна) и т.д.) Вместе с тем, мне хотелось бы остановиться на двух старых дисциплинах, о которых мы не должны забывать. Речь идет о математике и музыке. Математика играет исключительно важную роль в воспитании

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org способности рассуждать, и в прошлом педагоги прекрасно это понимали. Если мы стремимся установить равновесие между правым и левым полушарием, не следует отказываться от математики как устаревшей, не связанной с практикой дисциплины, хотя наша субкультура (в которой преобладает правое полушарие мозга) тяготеет, по-видимому, именно к этому. Теперь перейдем к музыке. Все творческие проявления можно рассматривать как средства для развития интуиции, и музыка выделяется среди них так же, как математика выделяется среди наук. По отношению к интуитивному полушарию мозга она выполняет ту же функцию, что математика по отношению к рассудочному полушарию. Здесь есть чему поучиться у венгров, которые под руководством Золтана Кодаи около двух десятилетий назад выступили инициаторами музыкального образования и, используя сравнительный анализ, выявили благотворное влияние музыки на развитие интеллектуальных способностей детей. В этой области также имеются определенные возможности, которые можно использовать в наших школах, на пример, система Орфа и ритмика Далькрозе.

Теперь обратимся к трансперсональному образованию, то есть к воспитанию той стороны личности, которая лежит за пределами тела, чувств и интеллекта по традиции называется «духом». Начнем рассмотрение этого вопроса с проблемы необходимости или отсутствия необходимости преподавания религии в школе. Когда-то преподавание религии в школе носило обязательный характер; затем светское образование заявило о своей независимости от церкви и таким образом сделало очередной шаг в развитии современного общества. Но не выплынули ли при этом вместе с водой и ребенка? Одно дело – независимость от авторитета определенной религиозной иерархии, и совсем другое – вопрос духовного образования. Религия относится к одной из сторон человеческой природы, и ни одна система образования не вправе называть себя холистической, оставив без внимания религиозную среду. Однако насаждение догм и провинциализм не соответствуют духу современной эпохи: настало время транссистемного, транскультурного подхода. В этой связи покойный епископ Майерс как-то заметил: «Мы не можем позволить себе пребывать в неведении относительно всего наследия человечества». Очевидно, нам нужен курс преподавания религии, в котором будет изложена суть духовных учений мира и выделен общий для всего человечества опыт, нашедший разное отражение в символике, интерпретации и культивировании этих учений.

Теперь я хотел бы обсудить следующий вопрос: когда мы должны начинать религиозное воспитание ребенка? Существуют различные приемлемые для детей виды обучения, которые имени духовное значение и являются равноценными заменителями медитации. К ним относятся: вводные курсы по природоведению, искусствоведению, ремеслам, танцам, физической культуре и, что очень важно, рассказывание сказок и упражнения с использованием управляемого воображения. И все же, по моему мнению, идеальным временем для преподавания духовных начал является период половой зрелости. Раньше него начинать преподавание не следует, если, конечно, мы не ставим своей целью идеологическую обработку. В первобытных культурах, многие из которых, как известно, отличались духовной утонченностью, знакомство с символами и откровениями традиций происходило обычно во время инициации подростков. До наступления этого времени религиозные вопросы рассматривались как таинства. Посвящение в таинство проходило в надлежащее время и под соответствующим руководством. По моему мнению, в этой распространенной практике содержится житейская мудрость, поскольку именно в юности пробуждается страсть с метафизическому осмыслинию мифа, благодаря которой многие подростки становятся прирожденными философами. Самое главное здесь то, что юность совпадает с пробуждением той энергии, которая побуждает ищущего отправиться в путь. Поэтому с биологической точки зрения это время лучше всего подходит для того, чтобы рассказать подростку о пути, о его цели, -помощниках, средствах передвижения, инструментах и талисманах.

Конечно, духовное обучение не должно замыкаться в теоретических рамках, тем более, что духовные учения предлагают необходимую основу для практики. При наличии в школьной программе религиозного курса он должен сочетаться с основанным на опыте вводным курсом по духовным дисциплинам, своего рода «лабораторией религий», включающей наставления по медитации и связанным с ней практикам. Такая лаборатория обеспечит выпускника школы основными средствами для духовного совершенствования в повседневной жизни.

Необходимо какое-то время, прежде чем появятся хорошо подготовленные специалисты для проведения в жизнь курса духовных дисциплин на транскультурной и интегральной основе. А пока можно предоставить учащимся на выбор ряд учебных курсов по духовным дисциплинам мировых религий, для

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org которых уже есть преподаватели. В будущем, полагаю, у нас появится возможность претворить в жизнь транссистемную программу духовных упражнений, составленную с учетом естественных и объективных элементов духовной практики, а также аспектов психодуховного процесса, в котором они сводятся воедино. Представляется очевидным, что начинаться такая программа должна с упражнений в сосредоточении, поскольку в основе всех видов медитации, молитв и религиозных обрядов лежит способность к сосредоточению.

Сколько бы ни велик был соблазн остановиться на этой теме подробнее (она относится к сфере моих профессиональных интересов), я ограничусь лишь кратким замечанием. Существующие виды духовной практики я воспринимаю либо как чистые формы «внутренних действий», либо как комбинации ограниченного набора таких действий. Нам необходимо развивать разные «психологические жесты» подобно тому, как в физическом воспитании мы развиваем тело, используя его всевозможные двигательные возможности. Оптимизированное сознание как цель всех духовных дисциплин представляет собой многогранное состояние, в котором соединяются такие качества, как ясность, спокойствие, свобода, непривязанность, любовь и божественность. Несмотря на то, что развитие каждого из этих качеств уже является путем, в них содержится нечто такое, что можно использовать в интегративном подходе, ориентированном на достижение невыразимой (лежащей за пределами качеств) цели, на основе которой они объединяются.

Наряду с эффективностью, к достоинствам программы, в основание которой положено понимание важнейших критериев духовной практики, относится возможность примирить многие парадоксы и положить конец не лишенной предрассудков дискуссии по поводу «истинного пути». Реализация такой программы способствует спонтанному пониманию основ всех традиций.

Я рассмотрел элементы и методы системы образования, которую называю интегральной, поскольку она включает комплексное и уравновешенное развитие тела, эмоций, ума и духа. Благодаря такой системе образования появятся люди, обладающие великодушием и пониманием этого мира. Что можно сделать для претворения в жизнь этого благородного предприятия?

Безусловно, решающую роль играют развитие и распространение понимания. Развитие понимания у всех людей наверняка приведет к тому, что творческих разработок будет больше, чем до сих пор имелось в частных школах. И это будет значительным достижением.

Следующий этап в осуществлении этой программы заключается в обучении преподавателей.

В какой-то мере этот процесс уже начался: многие учителя занимаются своим самообразованием, ищут и находят необходимые сведения и разработки для повышения своего профессионального мастерства и самосовершенствования. Кроме того, есть основания полагать, что в скором будущем преподаватели педагогических факультетов обретут достаточное холистическое понимание, чтобы выпускать из стен университета учителей с учетом общеобразовательным требованиям к уровню профессиональной подготовки, развития и глубины личности. Поскольку уж речь идет о формировании личности, следует иметь в виду, что источником жизни может быть только жизнь, а источником совершенного развития личности – только совершенно развитые личности.

В настоящее время педагогические факультеты не обеспечивают развитие терапевтических и духовных дарований будущих учителей, и поэтому в учебные программы должны быть включены соответствующие курсы. (Я говорю это, исходя из собственного опыта: прочитанные мною краткие интенсивные курсы с включением элементов терапевтики и духовности дали прекрасные результаты). При недостаточном эмоциональном и духовном образовании студентов педагогических факультетов тяготит чрезмерный интеллектуальный багаж. Например, в области психологии студенты получают множество информации о бихевиоризме и совершенно никаких сведений, которые помогли бы изменить людей. Иными словами, они узнают об изменении дискретных типов поведения, не приобретая глубоких знаний о том, как изменить жизнь. Почему? Потому что бихевиоризм научен и занимается вещами, которые можно измерить.

Однажды Игнасио Матте-Бланко, чилийский психоаналитик и один из моих преподавателей на медицинском факультете, эмигрировавший много лет назад в Италию, рассказал мне о своем друге, который собирался посвятить себя медицине, поскольку считал своим призванием изучение человека ради

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org постижения его духа. Но со временем он понял, что наука о духе невозможна и в конечном счете занялся исследованием передачи нервных импульсов и поляризации мембранны аксона у рыб. Нечто в этом роде происходит и с нами. Поскольку мы являемся учеными, мы ограничили наши интересы областью, которая поддается измерению, и в результате пали жертвой патриархального «наукообразия», которое, конечно же, не тождественно науке и является лишь карикатурой на нее.

Реформа государственной системы школьного образования будет проходить на основе роста сознания и его распространения в широких слоях населения и особенно в среде профессионалов. Сегодняшняя революция – это завтрашние учебные заведения. Для государственных учебных заведений характерна инертность, поэтому их развитие происходит за счет преодоления силы инерции на основе изменения видения мира («покоряющая сила меньшинства»). Из-за своей инертности систему государственного образования можно сравнить с подарком, от которого трудно избавиться. Получаемое в рамках этой системы образование безнадежно устарело и не удовлетворяет требованиям современной жизни. Несомненно, косность школьного образования проистекает из бездействия системы высшего образования. Призыв к изменению существующей системы образования и приведению ее в соответствие с требованиями нашего кризисного времени и реальными задачами можно рассматривать как протест против ее неуместности, поскольку мы нуждаемся в такой системе образования, которая была бы целесообразной и могла реально сделать нас лучше.

Я надеюсь, что сумею передать ощущение деструктивности и несоответствия антихолистической патриархальной системы образования реальной ситуации человечества. Кроме того, я хочу обратить внимание читателей на актуальность этих проблем. Наше образование столь же абсурдно, сколь потенциально «спасительно». Оно настолько абсурдно, что многие заговорили о демонтаже системы школьного образования как об адекватном решении (Иван Илич усмотрел в ликвидации школ важный этап в процессе освобождения от авторитаризма). Многие считают, что современная система образования не только не выполнила своих задач, но и косвенным образом причинила нам вред. Сейчас, когда я пишу эти строки, я вижу перед своими глазами фотомонтаж, на котором рядом с группой веселых детей в трамвае изображены скучные, похожие на роботов люди, с заголовком: «Что случилось?»

Я подчеркиваю не только нецелесообразность существующей системы образования, но и крайнюю необходимость проведения реформы. Причина того, что мы живем в кризисную эпоху, – наша неудача в области воспитания человеческих отношений, на которую мы совершенно не обращали внимания после ряда лет, в течение которых применительно к нашей макропроблеме употреблялось выражение «проблематичный мир», соучредитель Римского клуба Александр Кинг в своей недавно изданной книге «Первая мировая революция» [[44] King and Schneider, op. cit.] употребил придуманный им термин «резолютика». В своих предложениях о выходе из кризиса важную роль, наряду с техникой, он отводит образованию. Он полагает, что перед системой образования должны стоять следующие цели:

- приобретение знаний;
- структурирование умственных способностей, развитие критических способностей;
- развитие понимания самого себя, своего сознания, своих способностей и пределов;
- овладение навыками преодоления нежелательных импульсов и деструктивного поведения;
- пробуждение в каждом человеке воображения и творческих способностей;
- обучение исполнению ответственной роли в жизни общества;
- обучение искусству общения с другими;
- оказание помощи в адаптации и подготовке к изменениям;
- предоставление каждому человеку возможности овладеть глобальным видением мира;

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
· формирование людей, способных компетентно решать проблемы.

Мне нравятся эти формулировки, и все-таки в этом языке чистой объективности, заимствованном из экономики, политики и техники, утрачено что-то жизненно важное. Знаменательно отсутствие слов «любовь» и « сострадание», которые наш подозрительный фаллократический мир косвенно относит к запретным словам, подобно тому, как в «прекрасном новом мире» Олдоса Хаксли считалось дурным тоном говорить об инкубаторе с людьми, выведенными в пробирках. Я не считаю проблему языка тривиальной, ибо для рассмотрения проблемы чувств необходим язык чувств. Возможно, проблема экологического образования, вызвавшая к себе больше внимания, чем восстановление способности человека любить, поясняет мое утверждение, что при достигнутых нами уровнях населенности и потребления проблема удаления отходов (в том числе ядерных) играет решающее значение для выживания человечества. Педагоги поняли, что экология требует разработки «технологии, не вызывающей загрязнения окружающей среды», которая сможет бороться с опустошением, причиненным жесткой промышленной системой. И все же невозможно ограничиться одной «заботой» об окружающей среде, в основе которой лежит понимание необходимости действовать тем или иным образом (то есть эгоистическое сочетание разумности и практичности).

Я полагаю, что необходимо таким образом изменить структуру взаимоотношений, чтобы она была неразрывно связана с «доводами сердца», как у американских индейцев, чья культура проникнута чувством единения с землей и братства со всеми живыми существами. Иначе говоря, необходима неразрывная связь между мировоззрением человека и альтруистической любовью к природе как таковой, которую вряд ли способен испытать человек, не способный любить даже самого себя или других людей (ввиду проблем в отношениях между детьми и родителями).

По-видимому, сходная с моей реакция на чисто прагматический подход к охране окружающей среды и пацифизму вызвала лозунг, который я недавно видел на автомобиле: «Проявляйте иногда доброту и совершайте бесмысленные, красивые поступки».

Отсутствие дальнейшего продвижения в формулировке дополнительных задач образования, вероятно, косвенным образом связано с мнением о том, что их реализация будет слишком дорого стоить. Естественно предположить, что полное изменение целей образования, не говоря уже о средствах, повлечет за собой соответствующее изменение преподавательского состава. В то же время достаточно высокий уровень понимания может приблизить наступление революции. Во время французской революции полное изменение ориентации (переход от гуманитарного к научному образованию) произошло благодаря поддержке со стороны сильного правительства, причем органы власти, понимавшие желательность дотоле не существующего научного образования, взяли на себя инициативу и перевели ученых из лабораторий в школы.

Вероятно, мы могли бы сделать нечто подобное: ограничить число преподаваемых в школе "предметов" (в действительности большую часть своих познаний мы приобретаем вне стен школы), сократить многое из того, что делается в школе, и привлечь к работе в школах (в том числе в педагогических учебных заведениях) лиц, посвятивших себя своему внутреннему (высшему) развитию в рамках нарастающего практического, терапевтического и духовного движения. [[#]] Наше время оскудения образования является также временем терапевтического и духовного обогащения благодаря появлению на постфрейдовской волне различных течений: «За развитие человеческого потенциала», «Гуманистическая психология», «Трансперсональная психология» и «Революция сознания».] В рамках этого широкого движения и необходимо искать людей, способных оказать помощь современному поколению педагогов, причем руководители педагогических заведений могут приглашать их на временную работу, по крайней мере, в связи с подготовкой будущих холистических педагогов Ибо источником жизни может быть только жизнь, а источником зрелости - зрелость.

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой даёт тебе.

Исход 20, 12

Естественно, что боги прощают тех, кто читает своих родителей превыше всего, ибо от них мы научились почитать божественное.

Ямблико [[45]]*Vida Pitagorica*, by Jamblico, Etnos S/A, 1991.]

Признак доброго человека – любовь к отцу и матери.

Гурджиев Г.И. [[46]]*Gurdjieff: Making a New World*, by John G.Bennett, Turnstone Books, London, 1976.]

«Религия говорит, что мы должны прощать причиненную нам несправедливость, и только тогда мы будем свободны для любви и очистимся от ненависти. Это верно. Но как нам найти путь истинного всепрощения?

Элис Миллер [[47]]*For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence*, by Alice Miller, Farrar, Strauss, Giroux, New York, 1983.]

Глава третья

Во второй главе я рассмотрел один из главных аспектов революции с учетом патриархального мира. В настоящей главе я подробнее рассмотрю один из методов, предложенный мной для применения в системе холистического образования.

Наряду с «технологией священного», о которой Теодор Рошак говорил в 60-х годах, нам следует учитывать и технологии человеческого в прямом смысле этого слова и, покинув пределы отношения к человеку как к машине, обратиться к человеческому сердцу.

В частности, «технология любви» (если можно так выразиться) будет иметь важное значение как в области образования, так и в области психотерапии, ибо нам необходима более эффективная методология, чем та, которая имелась в нашем распоряжении. Такая методология должна охватывать широкий диапазон средств, начиная с традиционных предписаний религии и кончая психоанализом. Уверен, что этому требованию отвечают приведенные ниже, хотя и малоизвестные размышления из области популярной психологии.

«Процесс квадринити», инициатором которого в 60-х годах выступил Роберт Хоффман, можно назвать популярной психологией в том смысле, в каком этот термин применяется к группам Контроля сознания и Обучения на семинарах. Несмотря на то, что «Процесс» зародился за пределами профессиональной и чисто академической сферы, он получил энергичную поддержку таких выдающихся специалистов, как д-р Хогл из Стэнфордского университета и д-р Кнобль из университета UNICAMP в Кампинасе (Бразилия). При всей скромности возникновения «Процесса» и наивности его концепции (в смысле отсутствия научной школы), можно утверждать, что в нем нашли свое воплощение основные открытия психоанализа и самые ценные практические достижения гуманистической психологии. Ниже я попытаюсь доказать это утверждение.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

В настоящее время можно считать, что Трансперсональное движение отражает в области психологии культурное явление огромной важности: встречу Востока с Западом. Благодаря духовному влиянию Востока западные терапевты при знали существование трансперсональных факторов. Например, Юнг высоко ценил китайские книги «Золотой цветок», «И Цзин», а также «Тибетскую книгу мертвых». Затем по Западу прокатилась мощная волна дзен-буддизма: работы Д.Т.Судзуки, лекции приехавшего в Калифорнию Судзуки Роши, книги Алана Уотса в Америке и Графа Дюркгейма в Европе. В отличие от атмосферы восточной, главным образом буддийской, духовности в трансперсональном течении, «Процесс квадринити» Роберта Хоффмана опирается на западную духовность (см. «Курс лекций о чудесах») и содержит внетеоретические разработки в трансперсональной области.

В предисловии к книге Боба Хоффмана «Никто не виноват (получение полюбовного развода с мамой и папой)» [[48] Hoffman, op. cit.] я писал: «Рад думать, что мне удалось в какой-то мере приобрести хорошую карму, выступив здесь в роли Иоанна Крестителя». Я упомянул об открытии пути для человека, который может много предложить, и о том, что я «окрестил» его работу «процессом фишера-Хоффмана». Образ Иоанна Крестителя кажется здесь уместным в связи с иудео-христианским духом книги Хоффмана.

В основу «Процесса квадринити» положена главная заповедь Евангелия «Возлюби ближнего своего «как самого- себя» и Господа Бога твоего превыше всего». Кроме того, можно утверждать, что в подходе Хоффмана нашла отражение древне-иудейская заповедь о любви и почитании к родителям. По-моему, есть смысл видеть в любви к родителям гарантию и барометр психического здоровья, ибо она создает основу для любви к себе и другим, и потому заповедь Моисея следует рассматривать как важнейший элемент организации общества. При возникновении психотерапии, однако, возникла возможность лучше понять древнюю заповедь, чем при использовании только нравственных требований. Речь идет о методе, предлагаемом в «Процессе квадринити» для восстановления любви к своим родителям. При этом указание на необходимость любви к родителями помогает на практике пробудить ее и осознать как благо.

Если в случае книги «Никто не виноват» мне было достаточно похвалить автора и его книгу, то на этих страницах я считаю своим долгом выступить в качестве представителя (или переводчика) интуитивного мира (в котором возник «Процесс квадринити») перед лицом академической психологии. Впрочем, я выступаю здесь уже не столько в роли Иоанна Крестителя, сколько в роли Платона по отношению к Сократу (если прибегнуть к другому, квазиархетипическому прототипу).

Хотя дельфийский оракул объявил Сократа мудрейшим человеком своего времени, он вовсе не был интеллектуалом. Сократ не написал ни одной книги, это сделал Платон, теоретик и переводчик идей Сократа на философский язык. Сократ стремился пробудить у людей интерес к самопознанию и, хотя посредством здравого смысла он опровергал ложные рассуждения, мы постоянно ощущаем его мудрость, которая выходит за рамки логического мышления. Источник вдохновения он называл своим демоном. При всем значении своего влияния на развитие философии, Сократ не сформулировал ни одной теории о космосе, человеке и божественном.

Вообще говоря, психотерапию можно назвать сократическим искусством. Психотерапия является скорее искусством, чем наукой, поскольку при всей необходимости теоретического понимания психотерапия – это практика, эффективное проведение которой без интуиции невозможно. Существуют терапевты в равной мере интуитивные и рациональные, призванные как к теоретической, так и к практической деятельности (такое нередко бывает в медицине). Другие терапевты (их можно отнести к «сократическому» типу) являются в высшей степени интуитивистами. Они наделены даром понимания людей, причем их творческие способности проявляются в интерперсональных ситуациях.

Примером психотерапевта сократического типа может служить Фриц Перле – гений терапевтической практики... Он был наделен даром устного слова в большей степени, чем писательским талантом. (Его первые книги в значительной степени – плод работы его друзей и коллег, а в более поздний период его творческое наследие было запечатлено на аудио- и видеокассетах). Его доверие к интуиции было столь огромным, что я предложил считать его олицетворением (или примером) современного западного «неошаманизма».

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

На протяжении многих лет я утверждал, что явление, известное теперь как «трансперсональная психология», можно понимать как отражение в области психологии культурного феномена, который можно расценивать как возникновение в западном мире нового шаманизма. Признаки нового шаманизма можно усмотреть в одухотворении современной психотерапии, росте интуитивизма и доверия терапевтов к своему опыту и творческим способностям, как и в случае традиционного шаманизма, когда каждый целитель носил с собой свой собственный «мешочек с трюками и уловками», олицетворявший уникальность его метода. Новый шаманизм, как и его предшественник, относится к профессиональным явлениям и связан с определенной тенденцией, которая в последние годы получила в психотерапии столь широкое распространение, что вышла за пределы профессиональной сферы.

Хофмана можно отнести к сократическому типу и охарактеризовать как западного шамана, поскольку, благодаря глубокой внутренней трансформации своей личности, он обрел способность оказывать психологическую помощь другим. Как и у шаманов, источником его деятельности служит интуиция и мистический опыт. Он придерживается «магического подхода» к существованию духов (человеческих и не только человеческих). Не будучи профессионалом, он принадлежит к разряду в высшей степени одаренных личностей, и то, что он не получил достаточного интеллектуального образования, лишь приближает его к архетипу шамана.

В настоящее время отношение академических кругов к нарождающемуся шаманизму, как и отношение к нему теологического и политического истеблишмента на протяжении всей истории, носит двойственный характер. Подобно тому, как мистики подвергались критике со стороны теологов, а целители – преследованиям со стороны врачей, гордые своим интеллектуальным наследством представители академической психологии надменно взирают на непрофессионалов, опирающихся «всего-навсего» на свое призвание и опыт. Некоторые читатели разрозненных работ Хоффмана, возможно, отнесутся к нему с неодобрением, когда вслед за психоаналитиком Маурицио Кноблем узнают, что в его работах отсутствуют «традиционный исторический и научный фон, теоретическая база, экспериментальные данные, статистика и библиография». Поскольку подобная критика со стороны психологически изощренного читателя может помешать правильной оценке и пониманию настоящей книги, я считаю, что, хотя традиционный исторический фон не был известен Хоффману, его работа вполне гармонирует не только с ним, но и с современными психологическими трактатами.

Прежде всего, я хотел бы отметить, что, в отличие от других видов трансперсональной терапии, «Процесс» Хоффмана проникнут современным психоаналитическим духом. В настоящее время в трансперсональной психологии утвердилась антисихоаналитическая точка зрения Гуманистического движения, появление которой было, в основном, обусловлено ограниченностью психоанализа. Однако, отказываясь в своем стремлении достичь «высших пределов человеческой природы» от фрейдовских и постфрейдовских достижений, не обходят ли трансперсоналы стороной неминуемый отрезок процесса развития человечества? Поддерживая холистический подход в теории, на практике представители трансперсонального движения относятся к духовности с предвзятостью, которая сопровождается пренебрежительным отношением к психодинамической сфере опыта и целительства. В этом отношении работа Хоффмана является собой долгожданный синтез. «Процесс квадринити» имеет поразительное сходство с психоанализом, причем, как можно понять из вышеизложенного о Хоффмане, это сходство объясняется не влиянием, а наивным повторным открытием новой основы для данных о душе человека, которые, при достаточно глубоком подходе к ним, может наблюдать любой человек. У Хоффмана (которого Кнобль называет человеком с «искренней наивностью, которая вызывает тревогу своей эффективностью») отсутствуют самые обычные сведения о фрейдовской психологии. И если большинство образованных людей в значительной мере причастии к фрейдовскому наследию, которое, покинув пределы профессиональной сферы, проникло в повседневный язык, то Хоффман (бывший портной) сохраняет в этом отношении наивность, сопоставимую с наивностью художника Анри Руссо, который служил таможенным чиновником.

Иудео-христианская и психоаналитическая ориентация редко встречаются в современном трансперсональном течении, и я считаю маловероятным объединение этих мировоззрений. Дело в том, что представители психоаналитического направления придерживаются в целом антирелигиозной ориентации, а люди духовной ориентации отвечают на психоаналитические выпады критикой, полагая, что методы психоанализа исходят из неверных предпосылок.

Впрочем, в антирелигиозной ориентации психоаналитиков имеются исключения из общего правила. Так, Дэвид Бокан отмечает, что Фрейд черпал вдохновение в иудаистском мистицизме, а Бруно Беттельгейм утверждает, что в английских переводах работы Фрейда выглядят менее духовными, чем в оригинале, где он нередко употребляет слово душа. Карен Хорни с сочувствием относится к духовному подходу. В последние десятилетия такие ученые, как Бион, Когут и Лакан, разными путями пришли в рамках психоанализа к признанию существования в психике немеханистического фактора. Интеллектуальным предшественником «Процесса квадринити» можно считать Фромма, который в книге «Чело век для себя» утверждает, что восстановление любви к себе, другим и Богу есть основа счастья и цель психоанализа.

Сближение христианской и психоаналитической точек зрения имеет чрезвычайно важное значение, поскольку эти подходы по-прежнему считаются несовместимыми в трактовке эмоциональной аберрации. Традиционный подход предполагает культтивирование положительных эмоций (посредством набожности и добродетельного поведения). Однако после возникновения психоанализа в психотерапии возобладал метод проявления негативных эмоций. Отдавая должное методу катарсиса, психотерапевты в общем склонны недооценивать любые усилия по преднамеренному культтивированию любви. По их мнению, добраться до истоков любви и ненависти можно, только погружаясь в бессознательное. Напротив, людей духовной ориентации проявления враждебности обычно возмущают – они считают, что такие проявления только продлевают страдания и усугубляют агрессивные склонности.

По моему мнению, более плодотворно рассматривать обе полноправные стратегии – традиционную и современную – не как несовместимые, а как взаимодополняющие. Иными словами, оба терапевтических подхода можно объединить в единое целое. Катарсис ни в коей мере не препятствует стремлению изменить свое поведение к лучшему. Напротив, намеренное культтивирование добродетели может привести к подавлению «недобродетельной» эмоциональности, если ее не дополнять снятием напряжения существующей (неидеальной) эмоциональной жизни. В связи с этим уместно привести следующее замечание Элис Миллер: [[49] Miller, op. cit.]

«Религии утверждают, что мы должны прощать причиненную нам несправедливость, и лишь тогда освободимся для любви и очистимся от ненависти. Это верно. Но как найти истинное всепрощение? Можем ли мы говорить о всепрощении, если мы смутно представляем себе, что и почему нам в действительности сделали? Ведь именно в таком положении мы пребываем в детском возрасте, когда не можем понять, почему на нас не обращают внимания, почему запугивают, унижают, почему над нам смеются, обращаются, как с вещью, и играют, как игрушкой, почему нас жестоко наказывают. Более того, нам даже не позволяют понять, что все это происходит с нами, и любое дурное обращение с нами преподносят как нечто необходимое для нашего блага. Даже самый умный ребенок не в состоянии распознать такую ложь, если она исходит от любимых родителей, которые, ко всему прочему, относятся к нему с любовью. Он вынужден верить, что манера обращения с ним действительно правильная, направлена на его благо, и не должен обижаться за это на родителей».

Чрезмерное гробокопание без духовного понимания может привести к терапевтическому турику подобно тому, как чрезмерная духовность без психотерапевтического понимания – к ложной доброчастенности синдрома «обманчивой духовности». Сосредоточение на прошлом страдании в надежде, что мучительные воспоминания и интенсивные проявления аффектов освободят от прошлого, может вызвать разочарование, ибо освобождение происходит, только когда человек готов применить то, что ему удалось понять, и занять определенную позицию к своим детским страданиям, устаревшим моделям поведения и требованиям настоящего времени. Ориентация на культтивирование любви и сострадания является движущей силой, способной положить конец ситуации, в которой человек является беспомощным следствием прошлого.

Вообще говоря, сходство между «Процессом квадринити» и психоаналитическим подходом состоит в том, что в основе обоих методов лежит сократическая точка зрения: самопостижение исцеляет. Кроме того, в обоих методах признается важность понимания характера и его формирования на начальных этапах жизни. Цель обоих методов – прервать навязчивую тенденцию к повторению, то есть преодолеть бесконечную инерцию поведения, возникшего в детстве как реакция на потребность в адаптации к условиям жизни в семье.

Вместе с тем эти подходы существенно расходятся в том, как они достигают цели – освобождения от эмоциональной обусловленности. Психоанализ не поощряет спонтанное стремление пациента к самоанализу во время лечения и апеллирует к авторитету специалиста. При этом предполагается, что способность пациента к самообману сильнее его способности к самопознанию. Процесс же использует в своих целях стремление к самопознанию, уделяя большое внимание письменному изложению биографических сведений и результатов самоанализа. При этом не только используется помочь пациента, но и поощряется внимание к психологической работе в промежутках между занятиями; благодаря ежедневной работе с письменным изложением пациент поддерживает связь с рассматриваемыми психологическими ситуациями. Более важное различие состоит в том, что психоаналитическая методика опирается на терапевтическую возможность деструктурирования (в основном, вербальных) типов поведения и стремится разрушить повторяющиеся и компульсивные структуры с помощью свободных ассоциаций, причем происходит разрушение коммуникативных ограничений, характерных для обычных терапевтических ситуаций. С другой стороны, терапевтический метод Хоффмана – это арсенал структурированных психотерапевтических упражнений, который не включает в себя свободных ассоциаций. Важную роль в структуре, играет направленность. Метод Хоффмана – это направленный процесс, во время которого человек выполняет конкретные предписания по проведению самоанализа, устных и письменных (внутренних) диалогов, визуализации и т.д. Возможно, самое примечательное различие между двумя методами – разные критерии оценки простоты и сложности. «Я обнаружил моменты, характерные для упрощенного психоанализа», – отмечает психоаналитик Кнобль, который прекрасно понимал, что упрощенное воплощение психоаналитических идей вовсе не вытекает из намерения упростить психоанализ. Мое признание, что в «Процессе» аналитические идеи выражены проще, чем в психоанализе, не является оценочным суждением, ибо я критикую его за чрезмерную простоту не больше, чем психоанализ за чрезмерную сложность. (Есть анекдот на эту тему: на улице встречаются два психоаналитика и, поздоровавшись, расходятся. Сделав несколько шагов, каждый из них останавливается и задумывается: «Что же он имел в виду?»)

Психоанализ развивает понимание множественной детерминированности любого психического и поведенческого события. В «Процессе квадринити» несколько простых принципов применяются так, чтобы уже через несколько недель появились «психотерапевтические девственники» с ясным, преобразующим жизнь пониманием своей эмоциональной обусловленности, ее детских истоков и необходимости держаться подальше от ее компульсивности. («Одно дело обладать особенностью, и другое – быть обладаемым ею», – гласит надпись на стене института Хоффмана). Один из таких простых принципов, применяемых в «Процессе», – то что Фрейд называл компульсивностью повторения, а Хоффман, используя кибернетическую аналогию с терминологией Перлса и Джона Лилли, – «старыми программами». Главная особенность этих программ (как для Хоффмана, так и для Фрейда) – дисфункциональное принятие ребенком дисфункциональных видов родительского поведения посредством отождествления.

«В деятельности Фрейда, – пишут в своей книге «Язык психоанализа» [[50]The Language of Psychoanalysis, by J. Laplanche and J.B. Pontalis (Donald Nicholson-Smith translation), W.W.Norton and Co., Inc., New York, 1973 (1967).] Лапланш и Понта-лис, – принцип отождествления постепенно приобретает важнейшее значение, благодаря которому он становится не просто одним из психических механизмов, а операцией, посредством которой конституируется субъект» (разрядка автора).

Если в психоанализе проводится различие между собственно отождествлением и интроверсией (в которой оральная основа для отождествления признается индивидуумом), то, с точки зрения Хоффмана, все виды невротического отождествления носят «оральный» характер и являются интровертивными. Для обозначения оральности в словаре Хоффмана имеется термин «негативная любовь», который подразумевает не только деструктивную любовь, но и инверсивную, а также ложную любовь. При этом упоминается стремление к любви, которое препятствует любви, носит маску любви и, в сущности, противоположно мотивам любви.

Любовь стремится отдавать, она рождается из избытка (термин Маслоу). В отличие от нее «негативная любовь» стремится получать, она коренится в дефиците, хотя обычно переживается и предъявляется миру (при скрытых изначальных мотивах) как избыток и щедрость.

Превратив «негативную любовь» в основную для понимания эмоциональной болезни, Хоффман ненамеренно повторяет точку зрения буддизма, согласно которой причиной страдания является страстное желание или стремление (танха). Однако термин Маслоу «мотивация недостаточности» и буддийский термин «желание» или «привязанность» не указывают на связь между недостаточностью и фрустрацией предыдущей любви. И хотя психоанализ с его концепцией оральности являет собой еще один шаг в направлении признания такой связи, все же мы можем подвергнуть сомнению правомерность его избыточного биологизма (современные психоаналитики в основном согласны с этим утверждением).

Теперь мы переходим к самому важному теоретическому разногласию между Хоффманом и психоанализом; испытываемая ребенком фрустрация рассматривается Хоффманом как фрустрация любви, а не фрустрация либидо (оральная или генитальная). Несмотря на широкую распространенную сексуализацию любви, Хоффман считает это вторичным явлением. (даже ссылка Когута на «здоровую нарцисстическую потребность» ребенка в том, чтобы мать услышала его и увидела («отразила, как в зеркале»), по-видимому, черезсчур усложняет данную проблему, отказывая признать главенство потребности в любви, которая проявляется через указанную потребность во внимании к себе).

Идея Хоффмана о том, что ребенок принимает особенности характера своих родителей, чтобы быть любимым, отчасти отражает гипотезу Фрейда, изложенную в работе «Печаль и меланхолия», о том, что мы уподобляемся потерянному человеку, которого мы любим, для поддержания с ним связи. В интерпретации Хоффмана потребность в любви не только признается главным источником идентификации, но и предполагается наличие в уме ребенка допущения о том, что, уподобляясь родителям, он добьется любви, которой он будет лишен, оставаясь самим собой. Этот психологический механизм, опирающийся на «негативную любовь», можно назвать «седуктивной идентификацией». Хоффман утверждает, что его действие обнаруживается во многих особенностях характера.

И тем не менее «субъект конституируется» не только посредством идентификации, но и наложением идентификации и контридентификации. Мы не только седуктивно перенимаем особенности характера наших родителей, но и зачастую одновременно с этим бунтарски отвергаем их, что приводит к возникновению конфликтов.

В «Процессе» не применяется ни анализ сновидений, ни рассмотрение промежутка жизни между периодом полового созревания и настоящим временем. Вместе с тем, развитию личности в детстве уделяется в «Процессе» больше внимания, чем в других видах терапии. Хоффман полагает, что если дефицитно мотивированные отношения к другим опираются на устойчивость негативной любви к родителям, значит, необходимо заняться исцелением этой любви. Только благодаря любви к себе человек способен любить других, и, только восстановив изначальную любовь к родителям, он сумеет любить себя; чувство обиды на родителей неизбежно скажется на родительских интроекциях в его психике.

Исцеление родственных отношений между человеком и его родителями происходит не только в результате аналитической деятельности. Для этого (как в любой успешной теории инсайта) необходимо вывести в сознание страдание и гнев, связанные с начальными этапами жизни. С точки зрения исцеления самая действенная разновидность инсайта на пути самопознания находится за пределами чисто интеллектуального постижения. Она неотделима от процесса переживания, предполагающего существование более высокого уровня сознания. И подобно тому, как страдание порождает бессознательное, так бессознательное обретает устойчивый характер благодаря стремлению избежать страдания, отвергнуть и подавить его.

С появлением гуманистического движения произошло перемещение интереса с аналитического на экспрессивный аспект терапии. При этом главная роль отводилась выражению страдания как средства выявления в сознании неопознанного страдания и в прошлом, и в настоящем. В частности, гештальт-терапии от «разговоров о переживании» перешли к его экспрессивной реализации. Наконец, терапевтические возможности такого рода катарсиса были систематизированы и составили основу метода Янова (метод первого крика). Кроме того, Хоффманом был предложен направленный, систематический метод повторного переживания страдания, испытанного в детстве. Более того, он

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org осуществил систематизацию, объединив аналитические и катарсические элементы. Изменение страдания во времени на основе родительских суррогатов прослеживается в «Процессе» с помощью автобиографических записей, а также интраперсональных дуэлей между «отцовским», «материнским» и «детским» элементами психики. Использование персонификации духовной самости, а также интеллектуальных, эмоциональных и связанных с телом субперсоналий позволяет назвать одну из особенностей «Процесса» «трансперсональной психодрамой».

Если метод дуэли между интеллектуальным и эмоциональным аспектами психики, названных Хоффманом «негативно эмоциональным ребенком» и «юношеским интеллектом», в какой-то мере равнозначен применяемому в гештальт-терапии методу дуэли между угнетателем и угнетаемым, то несомненное достижение Хоффмана – использование связанных с телом субперсоналий. В гештальт-терапии культивируется понимание эмоциональной основы физического опыта, тогда как в «Процессе» тело становится действующим лицом внутренней психодрамы и обретает возможность выразить свой опыт поведения и любви, выявляя таким образом уникальные сведения.

Для достижения прощения Хоффман применяет своеобразную методологию.

«Подлинное прощение не отвергает гнев, но занимает по отношению к нему твердую позицию. Путь к прощению будет открыт для меня лишь тогда, когда я почувствую вопиющую несправедливость к себе, признаю наличие гонения как такого, опознаю и возненавижу своего гонителя за то, что он причинил мне. Подавленный гнев, ярость и ненависть утратят основу для своего проявления только после вскрытия истоков и процесса развития дурного обращения в раннем детстве. В противном случае они трансформируются в печаль и страдание при виде существующего положения».

Прощение не только не отвергает гнев, но и снимает запрет на гнев, который является компонентом обычного, падшего, ограниченного состояния психики. В связи с существованием тесной связи между подавлением чувств и запретом на их проявление катарсис становится важным средством отказа от подавления гнева. В гештальт-терапии и психоаналитической терапии существенно изменился подход к проблеме выражения гнева. «Процесс» упорядочил катарсис агрессии по отношению к родителям, во время которого психодрама квадринити разыгрывается (в форме мощных экспериментальных визуализаций) между юношеским интеллектом, негативно эмоциональным ребенком, духовной самостью и телом (в присутствии духовного руководителя-посредника во внутреннем святилище, которое питает и излучает дух), обеспечивая как выражение гнева, так и выражение страдания. Применяется также метод «скандала», то есть систематическое выражение гнева и осуждения указанных эмоциональных и интеллектуальных особенностей родителей и родительских суррогатов на ранних этапах жизни. При этом главное внимание уделяется личностям родителей и определенным событиям во взаимоотношениях в триаде мать-отец-сын (дочь).

И все же, справедливо ли, что «благодать прощения появляется спонтанно, когда подавленная (потому что запрещенная) ненависть перестает отправлять душу»? Несомненно, прощение может возникнуть, когда ненависть перестанет отправлять душу. Однако, как я полагаю, ядом является ненависть, а не подавленная ненависть. Другими словами, проникновения в суть своей ненависти и свободного выражения гнева для преодоления ненависти еще недостаточно. По моему мнению, для некоторых людей достаточно

отреагировать на страдание и гнев (такой катарсис осуществляется с помощью экспрессивных видов терапии). Для изменения состояния своей психики такому человеку необходим лишь стимул к дальнейшему пониманию в виде страдания и гнева. В иных случаях, однако, можно наблюдать, как «взросление» происходит без реального продвижения в понимании и в изменении психики. В таких случаях стремление человека к углублению опыта в сочетании с противодействием приводит к замене инсайта стремлением к интенсификации опыта. Здесь уместно напомнить известную шутку: «Гештальт-терапевт – это психопат, который учит компульсива (человека, одержимого навязчивой идеей, желанием и т.д.), как стать истериком».

Элис Миллер имеет, очевидно, в виду то, что благодать всепрощения не всегда приходит в процессе психоаналитической терапии: «Свободное выражение чувства обиды на своих родителей – прекрасная возможность достичь своей истинной самости, оживить онемевшие чувства, открыть путь к печали и, если повезет, к примирению» (разрядка автора).

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

Уникальность терапевтического метода Хоффмана состоит в систематичности, направленности и стимулировании процесса перехода посредством понимания от осуждения и обиды к прощению. При этом прощение – путь к состраданию, любви, покоя и глубокой радости – не зависит от произвола судьбы. «Процесс квадринити» содержит стратегию, которая может рассматриваться (любым человеком, не знающим о незнании Хоффмана) как систематическое применение результатов наблюдения Элис Миллер за лицами, осененными прощением «как некоей благодатью», которая «появляется спонтанно», когда «подавленная ненависть перестает отравлять душу». Ибо, превратившись в печаль, ненависть уступает путь пониманию – «пониманию совершеннолодного человека, который проник в суть детства своих родителей и, наконец,... зрелого сострадания».

Процесс прощения и сострадания, сопровождающий каждый «разбор жалоб», включает в себя ряд этапов, начинаяющихся с воссоздания жизни каждого из родителей. Особое внимание уделяется формированию образа родителей в процессе их взросления во время жизни со своими родителями. По мнению Хоффмана, если понимание способно привести к прощению, нам необходимо понять, в частности, ранние этапы жизни родителей.

Интеллектуальное и интуитивное воссоздание сопровождается систематической постановкой себя на место родителей в их детстве. Для этого используется идентификация с элементами фантазии и театрального представления, характерных для гештальт-терапии и психодрамы. Следующий этап «Процесса» можно назвать обрядом, ритуалом или направленным созерцанием. Используемый в данном случае тип участия связан с терапией поведения на уровне отношений с использованием фантазии. Речь идет не о намерении изменить поведение по отношению к другому человеку в будущем, а об его изменении непосредственно в данный момент, причем в контролируемой, интернализируемой, психодраматической ситуации. Терапевтическая ситуация заключается теперь не в том, что мы анализируем или выражаем свой опыт, а в том, что мы занимаем определенную позицию, намеренно изменяя нашу склонность. Вряд ли «Процесс» стал эффективным, если бы остался инсайт-терапией, обогащенной методами экспрессивной терапии. Очень важный элемент «Процесса» – стимулирование учета инсайта, применения в жизни всего, что было понято, и ответственного самоконтроля. Работу с фантазией можно рассматривать как подготовку к выполнению после терапевтической задачи действия в соответствии с нашим пониманием и отказа от моделей поведения и отношений, осознанных как устарелых и дисфункциональных звеньев цепи, навсегда сохраняющей страдание.

Активизация прощения и сострадания к родителям служит достаточной мотивацией для выполнения главной задачи, которую «Процесс» ставит перед человеком после завершения терапии: действия, направленные на восстановление любви к своим родителям. Таким образом, в общей структуре работы процесс прощения играет роль моста между дотерапевтическим состоянием души и послетерапевтической практикой любящей доброты в повседневной жизни. Кроме того, он служит мостом между аналитико-экспрессивной «персональной» и иудео-христианской «трансперсональной» сторонами «Процесса».

Приведенное выше описание «Процесса» ясно показывает, что мы имеем дело с интегративным подходом. В отличие от психоанализа, сохранившего верность единственному методу интерпретации свободных ассоциаций, «Процесс», воплотив в себе существенные достижения психоанализа, вообще не применяет метод свободных ассоциаций, предпочитая ему управляемое погружение в познание ранних этапов развития жизни и личности человека, катарсиса страдания и гнева, а также попытки подавить «эго», то есть обусловленную личность (в смысле духовных традиций), с которой мы привыкли себя идентифицировать. Кроме того, «Процесс» содержит важный элемент психодуховной работы на основе визуализации и творческого воображения.

В «Процессе» используются разные методы, связанные с работой, с визуализацией фантазий и мысленных образов. Впрочем, термин «фантазия», употребляемый в настоящее время в связи с некоторыми методами, представляется не вполне удачным, поскольку он не отражает различия между обычной фантазией и «возвышенной фантазией» мистического опыта. Хоффман отказывается называть направленные ряды образов фантазиями, ибо при условии глубокого переживания этих образов воображение оказывается лишь средством для пробуждения опыта иного порядка.

Вызывание духовного руководителя, для чего в «Процессе» имеются соответствующие указания, юнгианец истолковал бы как приглашение к участию

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
в диалоге с внутренним архетипом «мудрого старца» или «мудрой старухи». В то же время Хоффман, подобно шаманам и другим религиозным учителям, поощряет отношение к внутреннему руководителю как к некоей сущности, существующей (в отличие от «духовной самости») вне нас.

В настоящее время многие специалисты (как правило, трансперсоналисты) полагают, что за пределами сферы фантазии находится сфера опыта, которая, при выявлении в сознании, опознается обычным умом как нечто, находящееся за его пределами, – архетипический, воображаемый, психический мир, в котором высший ум пребывает подобно тому, как обычный ум пребывает в мире объектов и логических классов. По-видимому, именно в этом глубинном состоянии ум выполняет функцию, связанную с его названием, так как слово ум («mind») происходит от санскритского слова «manas», которое соотносится как с человеком («man»), так и с луной («moon»). Такая изначальная соотнесенность этих двух понятий позволяет видеть в уме человека восприимчивую луну, обращенную к свету духовного солнца.

Независимо от теоретической справедливости или несправедливости гипотезы о взаимосвязи между мистическим опытом и одержимостью (включая высокое вдохновение), с одной стороны, и чем-то запредельным для человеческой психики, с другой стороны, я полагаю, что с практической точки зрения это утверждение справедливо, поскольку именно интеллектуальная точка зрения вызывает проявление супраинтеллектуального,protoархетипического, духовного мира «творческого воображения».

Ни одна религия не утверждает: «Представь себе Бога и беседуй с этим образом». Напротив, указывая на нечто запредельное для человеческой самости – трансцендентное Ты, Святой Другой – различные школы традиционной духовности доказали возможность реализации вы званного таким образом опыта. Вообще говоря, способность погружаться в символы, входя таким образом в созерцательные состояния, идет рука об руку с точкой зрения, согласно которой символы следуют рассматривать не просто как символы, а скорее как то, что они символизируют.

Благодаря способности символов занимать место символизируемого ими опыта (основа того, что Г-жа Сехешайе назвала «символической реализацией»), некоторые ряды мысленных образов могут служить средствами передачи опыта. Такие «фантазии» можно рассматривать как обряды или ритуалы. В «Процессе» эта особенность играет очень важную функцию на заключительном занятии, когда клиент получает указание представить себе пуповины, соединенные с особенностями негативного поведения, которые уже были исследованы клиентом в самом себе и в своих родителях. Мысленное обрывание этих пуповин пробуждает решимость и желание отделить себя от всей негативности, выявленной с помощью предыдущего анализа интроекций отца и матери. Как и прощение, этот процесс представляет собой направленную медитацию, позволяющую изменить отношения человека с помощью символического обрывания пуповин. При этом символ используется как средство достижения более глубокого опыта, а в человеке пробуждается желание воспользоваться этим средством.

Аналогичным примером символической алхимии служит «рециркуляция», то есть процесс визуализации, который объединяет трансперсональные и аналитические элементы и входит в послетерапевтическое задание человека.

Я замечал, что прошедший терапевтический курс человек обретает безмерную веру в свое полное исцеление. Более правильно, по-видимому, видеть в «Процессе» начало того, что будет полностью достигнуто после продолжительных разногласий между обусловленной личностью человека и вновь приобретенным послетерапевтическим намерением. Поэтому я рассматриваю «Процесс квадринити» как ознакомление с новым отношением, которое выводит человека на путь повседневной внутренней работы, обеспечивает его мотивацией, необходимой перспективой и психотерапевтическими методами для работы над собой. Моя прежняя критика притязаний «Процесса» на исцеление стала более умеренной, когда я признал, что, поддерживая в человеке ощущение исцеления, терапевт применяет в нужный момент очень эффективный метод: побуждает человека отказаться от занятости собой, характерной для психотерапевтической процедуры, и таким образом занять позицию избыточности. Кроме того, «Процесс» побуждает человека отказаться от психотерапевтической зависимости и, что, по словам Боба Хоффмана, самое главное, – от стремления быть, чтобы просто быть. Однако со временем все, что было заметено под коврик, непременно появится на поверхности сознания

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
человека и тогда он, естественно, сможет более реалистически взглянуть на
«путь любви», простирающийся за первым этапом. Но произойдет ли это само
собой?

Если бы кто-нибудь захотел синтезировать психодинамические, трансперсональные, гуманистические и бихевиристические элементы психотерапии, вряд ли ему удалось создать что-то лучшее, чем описанный выше метод. «Процесс квадринити» вписывается в структуру развития психотерапии как бы в виде ее синтеза, хотя в действительности он является собой дар интуиции, родившейся вдали от мира, и не знает, так сказать, своих предшественников.

В последние годы «Процесс квадринити» конкурирует с гештальт-терапией в некоторых городах Южной Америки и Европы подобно тому, как в 60-х годах гештальт-терапия конкурировала в Соединенных Штатах с психоанализом. Впрочем, нам еще предстоит осознать многие его потенциальные достоинства. К ним, например, относится ценность «Процесса» для всех желающих стать психотерапевтом. Но куда больше меня интересует возможность использовать потенциал «Процесса» в будущей системе холистического образования, то есть такого образования, в котором аффективная и духовная сторона роста человека будут реинтегрированы в его интересах. Для применения этого структурированного метода достаточно короткого промежутка времени, и поэтому он пригоден для группового использования в школьной обстановке.

Я надеюсь, что вышесказанное проложит путь для дальнейшего раскрытия целительных возможностей «Процесса» для психического здоровья человека и поможет раскрытию доброты, столь необходимой для процветания нашего общества.

Поскольку мне суждено было познакомить мир с «Процессом квадринити», уместно, по-видимому, дополнить вышеприведенные размышления о «Процессе» несколькими замечаниями о моей личной заинтересованности в судьбе рекомендованного на этих страницах метода терапии и преподавания, ибо благодаря своей заинтересованности я убедился в его ценности для многих людей. На этом основании, в частности, я включил эту главу в настоящую книгу.

Я познакомился с Бобом Хоффманом в 1972 году на частной Лекции в Беркли, инициатором которой выступил д-р Лео Зеф. В своей лекции он вкратце описал применявшийся им терапевтический метод. В тот период своей жизни я вовсе не искал новой формы терапии. После многолетних поисков, помохи у терапевтов и духовных учителей я пришел к этапу, который называю «характеристическим». На этом этапе я чувствовал, что нашел то, что мне надо, и тем не менее был взволнован. Вряд ли я записался бы на восемь занятий по психотерапии у Боба Хоффмана, если бы не общий интерес к той роли, которую играют в трансформативном процессе взаимоотношения между внутренними элементами: отец, мать и ребенок. Однако лекция оказалась очень полезной. Особое впечатление на меня произвело то, что Боб сумел описать биографии моих родителей и события моего детства, о которых он вряд ли бы смог узнать с помощью обычных средств.

Мне показалось, что основную стратегию «Процесса», используя которую Боб руководил мною, можно применить к группам, заменив вводные психические факторы на структурированный, направленный, контролируемый процесс воспоминаний о жизни и экстраполяции на основе воспоминаний.

В первый раз я записался на занятия в группу из 70 человек (с участием Боба на заключительной стадии «Процесса»). В это время в моей работе с людьми в Института САТ меня особенно интересовал процесс превращения групп в самоисцеляющиеся системы. Во второй раз я записался на занятия в группу из 50 человек, которую вела Реза Ли Ландман (в присутствии Боба в качестве безмолвного крестного отца) с использованием письменных указаний. (В один из редких моментов вдохновения я воспроизвел эти указания. Вскоре после этого я посетил Боба, и он неожиданно заметил, что на занятиях со мной присутствовал д-р Фишер).

«Процесс» получил довольно высокую оценку в этой и других группах Института САТ, и впоследствии многие из моих студентов стали первыми сотрудниками Боба, положив начало бурному распространению «Процесса».

Год спустя, присутствуя на занятиях первой группы Боба в клубе Боркли, я
Страница 45

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org заметил различие в наших подходах. Он старался исключить элементы дуэли и взаимной терапии, зато с помощью магнитофонных записей повысил качество обратной связи со своими учащимися при выполнении ими домашней работы.

С тех пор я стал очевидцем непрерывного совершенствования метода Хоффмана. Иногда мне доводилось демонстрировать свой вариант «Процесса» в зарубежных странах группам, которые установили связь с организацией Хоффмана в Калифорнии. Одной из первых стран, где «Процесс» обрел популярность, стала Бразилия. В настоящее время «Процесс» вызывает к себе особый интерес в германоязычных странах.

Мне суждено было также стать своего рода катализатором для более важной разработки «Процесса квадринити». Когда я рассказал Бобу о том огромном успехе, который я имел в Мексике, работая с четырехдневным вариантом «Процесса», в его глазах вспыхнул энтузиазм, и вскоре он предпринял разработку своего интенсивного метода, который в настоящее время распространяется по всему миру. Недельный срок, необходимый для проведения курса терапии, выглядит очень скромно по сравнению с достижимыми результатами, и поэтому я считаю, что никакой другой метод не способен с ним конкурировать в обеспечении эффективности в столь краткий срок. Несмотря на все это, к беседе о «Процессе квадринити» меня побудили его педагогические, а не терапевтические возможности. Это объясняется прежде всего тем, что благодаря своей компактности, структурированности и, в то же время, эффективности «Процесс» идеально подходит для использования в любой области педагогической деятельности, направленной на развитие эмоций. Знакомство с этим методом также принесет большую пользу педагогам, заинтересованным в приобретении средства более глубокого познания своих учащихся, себя и человечества.

В надежной ограде господства техники вновь забили фонтаны древних мистерий, населяя ландшафт знакомыми и в то же время фантастическими фигурами гуру, шаманов, странствующих бардов и магов. На унылом, секуляризованном фоне нашего ландшафта появляется непрошенная каста бородатых актеров, одетых в костюмы, вышитые бисером. Они готовы сыграть пьесу, для которой у нас пока нет сценария. Распахнув врата сновидений, они выходят, танцуя под звуки неотразимой музыки, не желая жить без мифа.

Стивен Ларсен [[51]The Shaman's Doorway: Opening Imagination to Power and Myth, by Stephen Larsen, Station Hill Press, Barrytown, NY, 1988.]

Что значит стать под флаг Дионисия, а не Фрейда (или Маркса) Это значит отказаться от псевдонаучной позы эллинической беспристрастности и политического рационализма и признать безумие всеобщим состоянием человечества, а не отличительным знаком особого класса людей. Это значит, что безумие - не единичное, а социальное явление, в котором все мы принимаем участие: все мы находимся в одной лодке. Кроме того, это значит, что безумие является неотъемлемой частью жизни, и, чтобы жить с ним, мы должны научиться его любить. В этом и состоит смысл именования его богом.

Норман О.Браун [[52] Brown, op. cit.]

Глава четвертая

Я начал эту книгу с рассмотрения мировых проблем (гл. 1), а затем остановился (гл. 2 и 3) на некоторых забытых решениях. Теперь, приближаясь к завершению, я хотел бы вновь обратиться к рассмотрению указанных проблем.

Рассмотрев упомянутые в главе 1 проблемы как отправную точку для
Страница 46

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org размышлений о проблеме, которую я считал важнейшей для нашей цивилизации, я рассмотрю теперь мировые проблемы как основу для утверждения о том, что исцеление, к которому мы стремимся, и главное средство нашего исцеления также, как и источник наших проблем, имеют глубоко человеческий характер.

Насколько мне известно, в многочисленных обсуждениях мировых проблем, проводившихся в комиссиях ООН, ни разу не упоминалось предложение рассмотреть в качестве главной проблемы патриархальную структуру ума и общества. Точно так же в многочисленных специальных книгах, посвященных указанным проблемам, отсутствует ясное упоминание о средстве, которое я собираюсь обсудить и предложить в качестве важнейшего. Это средство, впрочем, проистекает из древнего учения в том смысле, что все уладится само собой, если мы будем заботиться только о «Царстве Божием».

На основании вышесказанного, тезис этой главы можно сформулировать следующим образом. В известных подходах к решению указанных проблем не учитывается проблема трансформации человека. Наше главное средство выхода из кризиса, в котором мы оказались, – группа лиц, находящихся в процессе трансформации – ищущие, каждый из которых ведет борьбу с самим собой. Я рассмотрю их в разделе «Новые шаманы».

В 1970 году по случаю Дня Организации Объединенных Наций Генеральный Секретарь ООН У Тан сказал: «Непростительно, что унаследованные нами от прошлого проблемы остаются нерешенными, поглощая огромные средства и энергию, необходимые для достижения более благородных целей». Упомянув о таких важных проблемах, как гонка вооружения, расизм, нарушение прав человека и «мечты о мировом господстве вместо братского сосуществования», он отметил, что «при существовании архаичных понятий и отношений быстрый темп изменений, происходящих вокруг нас, порождает новые проблемы, которые настоятельно требуют внимания к себе со стороны всего мира: возрастающее различие между богатыми и бедными народами; разрыв между наукой и техникой; демографический взрыв; ухудшение состояния окружающей среды; рост городов; проблема наркотиков; отчуждение молодежи; неумеренное потребление ресурсов ненасытными обществами и организациями. Поставлено под угрозу само выживание цивилизованного гуманного общества»

В настоящее время все сказанное получило широкую известность. Однако менее известно дальнейшее замечание У Тана: «Серьезность нашего положения вытекает не только из сложности и важности проблем, ожидающих своего решения, но и из существования между этими проблемами бесчисленных взаимосвязей, которые, независимо от того, известны они нам или нет, существенно ограничивают диапазон действий политического деятеля».

Чем больше мы понимаем, что решение каждой проблемы само превращается в проблему в силу других проблемных ситуаций, тем необходимее сосредоточить свое внимание на узловых проблемах, а не на частностях.

Ограниченнность подхода к решению проблем, который по-прежнему носит сугубо практический и сосредоточенный на симптомах характер, отчетливо продемонстрирована в докладе Генерального Секретаря ООН в 1973 году: «При своем возникновении острые проблемы принимают форму коммерческих, финансовых и денежных диспропорций, возникающих в отдельных странах или группах стран. Более глубокий анализ показывает, что существующие в одной сфере проблемы данной страны или группы стран тесно связаны с сопутствующими ей проблемами, которые существуют в других сферах. Анализ показывает также, что адекватность общих решений зависит от проведения согласованных мероприятий в нескольких областях с общим учетом интересов всех стран. Проблема, которая, как может показаться, присуща только одной сфере, нередко свидетельствует о наличии самого широкого и чреватого серьезными последствиями напряжения в международной экономической системе в целом». [[53]United Nations Conference on Trade and Development Interdependence of problems of trade, development, finance and the international monetary system; report by the Secretary-General, Geneva, UNCTAD, 6 July 1973, TD/B//459, para.1-3.]

В связи с существованием множества взаимосвязей между проблемами и их взаимодействий возникает гидроподобный феномен. Подобно тому, как у мифологической гидры отрастают после отсечения головы, так и наши проблемы стремятся к возобновлению всякий раз, когда мы пытаемся покончить с ними,

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org не учитывая их взаимосвязей, ибо «не существует в отдельности таких, как демографический кризис, кризис урбанизации, экологический кризис, кризис вооружений, нефтяной кризис, кризис ресурсов, водяной кризис, почвенный кризис, рыбный кризис, технологический кризис, торговый кризис. Каждый из них оказывает воздействие на другие, и при всей целесообразности последовательного рассмотрения каждого из них в отдельности ни один кризис невозможно разрешить, не учитывая все остальные». [[54] Jon Tinker. «The Green Revolution is Over». *New Scientist*, 7 November 1974, pp.388-393.]

Как отметил Римский клуб, уже один тот факт, что из-за сложности системы взаимодействия проблем «никакие сочетания технических, экономических и законодательных мер и средств не способны привести к существенному улучшению» [[55] Commentary by The Club of Rome Executive Committee on The Limits to Growth. Universe Books, New York, 1973, p. 193.] нашей ситуации, свидетельствует о необходимости применения не только междисциплинарных подходов. Считаю чрезвычайно важной ту точку зрения, согласно которой наши проблемы обязаны своим появлением не только человеку, но и задержке в его развитии (то есть игнорированию психодуховного развития на уровне человека).

Упоминание о необходимости внутреннего развития, исцеления и озарения может показаться нецелесообразным. Но так ли она несущественна?

«Если связанные с проблемами трудности и опасности возрастают в геометрической прогрессии, то объем знания и число специалистов, способных решать эти проблемы, возрастают в арифметической прогрессии», – говорит Егескел Дрор в своих «Пролегоменах к политологии». [[56] AAAS symposium, Boston, 1969.] Целлариус и Платт отмечают: «В настоящее время принимается множество мер по решению этих проблем. Эти меры, однако, нередко приводят в соответствие с существующими институциональными моделями и политической или коммерческой целесообразностью, тогда как к принятию других, не менее и даже более важных, еще и не приступали. Более того, количество проблем, их сложность и взаимодействия настолько перегружают механизмы, предназначенные для их решения, что возникают совершенно обоснованные опасения, что эти механизмы выйдут из строя в критический момент и усугубят несчастья». [[57] R.A. Cellarius and Joh Piatt, Councils of Urgent Studies, *Science*, 25 August 1972, pp. 670-676.]

Кан и Винер отмечают, что «мир становится настолько сложным и изменяется настолько быстро, а необходимость прогнозирования проблем становится настолько важной, что у нас возникает искушение принести в жертву демократические политические процессы (иначе такие процессы окажутся нам не по средствам)». [[58] H.Kahn and J.Wiener. «Faustian powers and human choices». In W.R.Ewald, Jr. (Ed). *Environment and Change*. Indiana University Press, Bloomington, 1968.]

Безнадежность дискретного подхода станет еще очевиднее, если принять во внимание отсутствие у специалистов единого мнения о приоритетах. В «Энциклопедии мировых проблем», изданной в 1984 году, я прочитал, что Ян Тинберген отметил в 1974 году, что уже через два года после сообщения Пирсона в Международной комиссии по развитию, в котором предлагалось ускорить развитие стран развивающегося мира, результаты исследований, проведенных Римским клубом, показали необходимость замедления мирового роста.

Большинство важных проблем, с которыми пришлось столкнуться человечеству, являются, по-моему, результатом действия не только специальных, экономических и политических, но и психологических сил. Степень справедливости этого утверждения становится очевидной после анализа списка мировых проблем.

Авторы «Энциклопедии мировых проблем» за 1984 год (ежегодник) составили заслуживающий похвалы указатель (на основе данных, приведенных в опубликованных документах – главным образом, международных организаций) для 8000 мировых проблем, начиная с землетрясений и болезней и кончая господством мультинациональных корпораций и отсутствием координации в действиях международных организаций. Наряду с индексированием и перекрестными ссылками авторы распределили статьи «Энциклопедии» по девяти группам со следующими обозначениями (от «А» до «Е»):

1. От общего к частному: классы явлений, например, живые существа
Страница 48

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org распределяются в соответствии с буквенным обозначением от «б», на уровне царства (например, растения), и до «ж» для определенных видов (например, орел) или специфических болезней и товаров.

2. От универсальных классов («а»), например, живые существа, к определенным классам или конкретным типам («д»), например, жителей тропических островов.
3. От главенствующего к зависимому: (от «а» до «д» включительно).
4. Иерархии: от вершины нескольких иерархий («а») к конкретной особенности отдельной иерархии («д» или «ж»).
5. Дисциплина: от любой группы дисциплин («а») через основное объединение дисциплин («б») к отдельной дисциплине («г») и поддисциплине («д»).
6. Географическое и культурное место нахождения: от глобального («а»), без указания определенной области или района, через межконтинентальное («в»), например, развивающееся, индустриализованное или социалистическое, к конкретному («г»), например, горные или тропические районы, через множественные определители («д»), например, «нетрудоспособные женщины в развивающихся странах», к проблемам отдельной страны, имеющим более широкое значение («ж»), например, апартеид.
7. Принадлежность к множеству: в тех случаях, когда название проблемы предполагает ее принадлежность к множеству аналогичных проблем, используются обозначения, начиная с буквы «в». Например, «распространение слепоты среди детей» предполагает «распространение слепоты среди лиц старшего возраста».
8. Модные проблемы: были приняты меры по предотвращению чрезмерного акцентирования частных проблем, получивших широкую рекламу (например, вымирающие виды китов, СПИД).
9. Исключения: код «е» использовался для обозначения потенциальных, невыявленных, внеземных проблем, а также очень тонких или неосозаемых проблем.

Согласно приведенной классификации, в группу «А» – категорию, соответствующую общему, универсальному, основному, трансдисциплинарному и межконтинентальному, входит 105 проблем.

Замечательно, что среди этих 105 проблем 38 являются чисто психологическими, а 27 носят как внутренний, так и внешний характер (например, злоупотребление властью). Ниже приводится перечень психологических проблем:

Одиночество, абсурд, агрессивность, отчуждение, тревога, страх, безразличие, высокомерие, корыстолюбие, скука, самодовольство, бессердечие, опасные эмоциональные содержания, лживость, дегуманизация, отсутствие индивидуальности, самомнение, элитаризм, злоба, усталость, боязнь, фрагментарность личности, фрустрация, унижение, некомпетентность, безразличие, неуверенность, одиночество, недоброжелательность, склонность к негативным эмоциям, одержимость, гордость, психологическая инертность, духовная пустота, суеверие, тщеславие, порок, насилие.

Идея настоящей книги состоит в том, что мы способны преодолеть свои трудности, рассматривая самих себя как главную проблему. В этой главе я подробно остановлюсь на точке зрения, согласно которой решение наших проблем лежит в нас самих, не только как в отдельных лицах, но и как в членах коллектива.

Старая английская поговорка рекомендует нам «позаботиться о крупных деньгах, и тогда мелкие деньги сами позаботятся о себе». Если в нашем обсуждении крупные деньги – это то, что древние пророки называли Царством Божиим, тогда представляется примечательным, сколь мало уделяют ему внимания в своих изощренных дискуссиях специалисты. Рассмотрим, например, доклад Генерального директора ЮНЕСКО на 18-й конференции (Париж, 1974 год), который был посвящен анализу проблем и указанию целей, определяющих основы среднесрочного планирования (1977-1982). В докладе указаны следующие мировые проблемы:

1. Права человека.
2. Мир.
3. Развитие знаний - научное и художественное творчество.
4. Обмен информацией.
5. Общение людей и народов.
6. Концепции и методологии развития.
7. Разновидности политики и стратегии развития.
8. Инфраструктуры и обучение для развития.
9. Более широкое участие некоторых групп в развитии.
10. Естественная среда обитания человека и ее ресурсы.
11. Человек в своей среде.
12. Население».

Другими словами, можно сказать, что, с точки зрения ЮНЕСКО, для решения проблем несправедливости, войны, экологии и перенаселенности необходимо больше информации, общения, концепций, методологий, политики, инфраструктур, обучения и т.д. Здесь налицо явный перекос в пользу левого полушария мозга, и на него я хотел бы отреагировать так же, как отреагировал на перечень приведенных у Александра Кинга педагогических целей. Из сказанного можно заключить, по-видимому, что знание равнозначно мудрости, а любовь вообще неуместна. Проблема преображения человека в человека сострадательного в докладе не упоминается, из чего можно заключить, что эта проблема решению не поддается. Для ответа на вышеприведенную точку зрения я приступлю к рассмотрению неошаманизма, полагая, что (подобно тому, как источником жизни может быть только жизнь) источником культурного возрождения, от которого зависит наше будущее, могут быть только исцеленные, духовно развитые личности.

Из всех идей, возникших у меня за всю мою жизнь, идея неошаманизма получила, по-видимому, самый широкий отклик, и поэтому, приступая сейчас к обсуждению неошаманизма, я чувствую себя менее оригинальным, чем в то время, когда придумал этот термин. Тем не менее, этот предмет нуждается в обсуждении хотя бы потому, что нашей культуре не удалось преодолеть высокомерие и ксенофобию, благодаря которым мы практически вытеснили из жизни автохтонный шаманизм. Особую важность неошаманизм приобретает в силу соответствия шаманического духа задачам исцеления патриархального сознания.

Я, по-видимому, в последний раз обращаюсь к интерпретации нашего последнего культурного течения, и поэтому мне хотелось бы вновь проследить ход своих размышлений на эту тему.

Не знаю, с чего именно начались мои размышления, но я отчетливо помню, что идея неошаманизма присутствовала в моем сознании уже в середине 60-х годов, когда я впервые приехал из Чили в Беркли. В этом месте и в это время было что-то неизбывно шаманское. Мне посчастливилось познакомиться с Карлосом Кастанедой и стать его близким другом еще до того, как он приступил к написанию книг. Это событие, наряду с моими взглядами и деятельностью, побудило автора статьи в каталоге Эсален охарактеризовать меня как шамана.

К тому времени я с большим интересом прочитал книгу Элиаде о шаманизме (она была издана на испанском языке раньше, чем на английском, и до сих пор остается самой значительной работой по данной теме). [[59]Le Chamanisme et les Techniques Archaiques de L'Extase, by Mircea Eliade, Payot, Paris, 1951.] Мое уважение к работе Элиаде помогло мне убедиться в своей правоте, когда я стал считать себя шаманом в полном смысле этого слова. Вместе с тем, называясь шаманом, я осознал нечто шаманское в своих склонностях и в образе мыслей. Благодаря самоанализу я понял также, что термин «шаман» вполне можно применять к моим знакомым.

Этот вопрос был мне совершенно ясен, когда я писал в 1969 году «Один поиск». Размышляя над разными подходами к развитию человечества с учетом возможности их применения в педагогике, я понял, что их необходимо рассмотреть в трех обширных областях науки и культуры: здравоохранение, образование и духовное развитие (а также религия с ее задачами спасения и просвещения). Характерно, что в наше время происходит объединение этих областей. Они составляли единую сферу в далеком прошлом, когда в фигуре шамана соединялись роли духовного руководителя, целителя и наставника, руководившего посвящением юношей в таинства культуры.

Мы живем в эпоху синтеза, когда разрушение искусственных барьеров между разными областями знания и школами мысли позволяет возвести новые информационные мосты. Несмотря на непрерывность синтеза в процессе развития культуры, несколько десятилетий назад в науке отмечен интенсивный интегрированный процесс, сопровождаемый междисциплинарными проблемами и трансдисциплинарным подходом. Кроме того, в сфере духа мы стали настолько экуменическими, что разрушение авторитаризма и догматизма (который сопутствует авторитаризму) позволило нам осознать естественное единство всех вещей. Единение духовной, терапевтической и педагогической областей, которое привело в 60-х и 70-х годах к возникновению «Центров развития», свидетельствует об открытии внутреннего единства всех вещей, которое лежит в основе нашего искусственного разделения на разные области.

И все-таки, внушая исподволь в «Одном поиске» мысль о том, что все стремления к спасению, исцелению и духовному развитию соединяются в нашем сознании и свидетельствуют о наличии единства, которое считалось очевидным во времена шаманизма, я не сумел еще сформулировать понятие «новый шаманизм». Я сделал это позже, на ежегодной конференции Ассоциации гуманистической психологии, которая проводилась в 1977 году в Беркли и получила название «Общая основа».

В своем выступлении на конференции я вое пользовался возможностью представить своего недавно приехавшего в Калифорнию соотечественника, чью деятельность вполне можно охарактеризовать как деятельность современного шамана. Свое сообщение я заглавил «Шаманизм новой эпохи» и собирался использовать впоследствии наряду с термином «неошаманизм» в своих лекциях, посвященных сближению терапевтической и духовной сфер, а также другим сближениям, благодаря которым шаман оказывается религиозной личностью, художником и целителем. Я утверждал, что шаманизм непосредственно связан с синтезирующей точкой зрения; для него характерен синтез разума и интуиции.

Развитие цивилизации можно рассматривать как процесс чередования периодов господства разума и периодов, когда предпочтение отдается эмоциям и интуиции: классический период и романтический период. Например, влияние Руссо – отца романтизма – в значительной мере способствовало развязыванию французской революции. Но, одержав победу, революция немедленно возвела на трон Богиню Разума. Некоторое время спустя романтизм появился вновь, и наше последнее «движение за развитие человеческого потенциала» вполне можно рассматривать как новый романтизм.

В течение 60-х годов маятник достиг максимального отклонения в направлении интуиции и пренебрежения разумом и начинает теперь возвращаться. Настоящий период особенно благоприятен для достижения нового синтеза. Наряду с интеллектуальной сферой важное значение приобретает метасинтез, затрагивающий аналитическую деятельность разума и синтезирующую деятельность интуиции.

Замечательный образец такого сближения синтетического и аналитического аспектов ума можно найти в современной физике с ее пониманием параллелей между древними интуициями мистиков и новыми формулами квантовой механики. Во времена де Брооля и Джеймса Джинса, еще до последний достижений физики, необходимость сближения разума и интуиции физиками вполне сознавалась, и потому Богумил Ясиновский, преподаватель истории культуры в Чилийском университете (чтим студентом я имел честь быть), был вправе заявить, что современная физика для него есть возрождение неопифагорийской мысли. По его мнению, впервые в истории возникла возможность сблизить мировоззрения и интересы, которые разошлись во времена Пифагора: любовь к математике, разуму и науке, с одной стороны, и мистическую ориентацию, с другой. В частности, можно утверждать (используя выражение Ясиновского), что после «копенгагенской интерпретации» квантовой

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
механики физика перестала быть «органолептической», поскольку то, что она описывает, совершенно не поддается визуальному отображению.

Нетрудно видеть, что задолго до сближения науки и мистицизма у первых пифагорийцев сходная ситуация сложилась у шаманов (которые были первыми учеными, исследователями природы, знатоками флоры и фауны, предшественниками древних кузнецов), ибо этиprotoученые были еще и первыми мистиками.

Вместе с тем, помимо утверждения о существовании среди старых и (все в большей степени) новых шаманов лиц с большей, чем у обычных людей, сбалансированностью левого (рационального, аналитического) и правого (интуитивного, синтетического) полушария мозга, можно также утверждать, что для старых и новых шаманов характерно наличие третьей функции, так как процесс интеграции не ограничивается сближением функций правого и левого полушария мозга. Можно считать, что с утратой рациональным полушарием мозга абсолютной монополии на психоневрологическую систему, происходит освобождение не только интуитивного полушария, но и всего того, что Род Карбальо несколько десятилетий назад назвал «внутренним мозгом» и что непосредственно связано с эмоциональной сферой. И это еще не все. При рассмотрении проблемы объединения когнитивных сфер (рациональной и интуитивной) с эмоциональной сферой мы должны учитывать, что древние шаманы были людьми, установившими связь с самым архаичным слоем своей психики, которую иногда символизируют в виде духов животных и особенно змей – древних предков человечества. Этот символ связан с самой архаической, первобытной частью нашего сознания и по сей день является эмблемой медицины.

Если бы древние шаманы и их современные наследники не были наделены большим, чем обычные люди, эмоциональным здоровьем, они не обладали бы характерной для них способностью к исцелению. Кроме того, лишенные основы для направленной и свободной эмоциональной жизни, они не смогли бы стать мастерами своего дела. Задача современной терапии – понять эмоциональную жизнь и освободить способность человека к переживанию и выражению своих эмоций. Те, кто помогает другим людям в выполнении этой задачи, не могут делать все «по книге», не пережив на личном опыте напряженный процесс страданий, пробуждения и освобождения.

По мнению доктора Маклина, наш мозг выполняет три функции в том смысле, что мы обладаем корой головного мозга (специфически человеческой частью нервной системы), эмоциональными способностями (общими для нас и млекопитающих) и инстинктивными способностями (общими для нас и пресмыкающихся). С учетом этого утверждения можно сказать, что древние шаманы были первыми людьми, которые претворили на практике потенциальную всеобщность, к которой, осознанно или неосознанно, мы все стремимся.

Одна из самых примечательных особенностей истории цивилизации состоит в том, что цивилизация ополчилась на инстинкт. Фрейд, а впоследствии Тойнби, считали это противоборство непреодолимой трагедией. Кестлер вместе с Тойнби утверждал, что между нашей инстинктивной способностью (унаследованной от предков-пресмыкающихся) и более поздним результатом развития нервной системы, который составляет основу мышления и стремления к установлению контроля разума над жизнью, возник разрыв, приведший к утрате инстинктивных способностей здорового животного. Однако и древний, и новый шаманизм (рождение которого происходит на наших глазах) свидетельствуют о том, что этот разрыв имеет функциональный и обратимый характер. «Внутреннее животное» можно реинтегрировать в психику сознания, и тогда мы достигнем полного и реального развития трех указанных способностей. Даже соглашаясь с утверждением об утрате человеком инстинктивной способности здорового животного по причине господства разума и о наличии разрыва между сферами инстинкта и разума, мы не должны разделять пессимизм Кестлера, поскольку указанный разрыв вовсе не является непреложным биологическим фактом. Вполне достаточно воспринимать его как некий дисбаланс, поддерживаемый на протяжении всего развития общества и культуры. Действительно, реинтеграция сферы инстинкта в сферу сознательной психики косвенно входит в задачу, которую все более действенно решает современная психотерапия. Психотерапия началась с Фрейда, который, как и Кестлер, пессимистически относился к возможности интеграции инстинкта и цивилизации. [[60] Naranjo, op. cit.] Вместе с тем, восстановление понимания (благодаря реинтеграции подавленной сферы) сочеталось с ориентацией на освобождение внутренних побуждений. В результате такого сближения возникло представление о врожденной невинности

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
людей. Вильгельм Рейх и д.г. Лоуренс первыми выступили в поддержку этой точки зрения, которая получила широкое признание в гуманистической психологии.

Интерес к галлюциногенам, объединяющий шаманизм с современной культурой и новаторской психотерапией (несмотря на ортодоксальность и правительственный контроль), свидетельствуют о доверии к глубокой спонтанности психики со стороны лиц, стремящихся к галлюциногенному опыту, и тех, кто оказывает им поддержку. Независимо от утверждения, что врачи и другие специалисты изучали в основном дополнительные возможности использования этих веществ (для использования их мощного целебного потенциала было сделано совсем немного), историки получают возможность по достоинству оценить их вклад в дело разрушения патриархального социального эго за последние десятилетия. Мы не вправе недооценивать их влияние на первооткрывателей контрукультуры, которая, в свою очередь, оказала решающее воздействие на формирование современных течений в нашей культуре. Кроме того, усилию интереса к терапевтической и духовной деятельности способствовали работы авторов, которые (подобно Олдосу Хаксли и Рам Дассу) несколько десятилетий тому назад содействовали переходу на другой уровень понимания здоровья на основе экспериментирования с психическими состояниями, вызванными фармакологическими средствами.

Не случайно представители новой культуры и новых направлений в терапии, как и древние шаманы, проявили интерес к галлюциногенам. Дело не ограничивается восстановлением глубинной спонтанности отчужденного инстинкта. По-моему, важным аспектом гуманистической, экзистенциальной психотерапии является то, что можно назвать верой в «саморегуляцию организма» (по терминологии гештальт-терапии).

Проблема пробуждения инстинктивного начала тесно связана с проблемой спонтанного исцеления и развития, для обозначения которого можно употребить древнеиндийский термин «кундалини». Я понимаю под кундалини не что иное, как пробуждение в человеке свойственных рептилиям способностей, которые по отношению к физическому существованию выполняют функцию инстинктивно-гомеостатического аппарата. Это своеобразный психический «орган» саморегуляции на тонких уровнях психики, или функция управления, благодаря которой человек продвигается по пути развития. Метод кундалини, характерный для шаманизма и тантризма, привлек к себе внимание в наше время, когда ряд психотических и физических опытов был истолкован как «случаи кундалини», и возникли специальные центры для их исследования. [[§§§§]] Этой теме посвятила свою деятельность Американская сеть оказания духовной помощи (созданная Грефами), которая организовала международную конференцию, посвященную методу кундалини. В Сан-Франциско существует клиника, в которой применяется метод кундалини.]

В тантрических текстах кундалини – это энергия, которая располагается в виде спирали в основании туловища и может подняться по оси тела до макушки головы, приводя к полноте переживания божественного начала. Тем не менее, в связи с кундалини возникло множество мифов и домыслов. Не впадая в излишнюю вольность, можно утверждать, что активизация кундалини затрагивает различные уровни, каждый из которых тесно связан с шаманизмом: физический уровень (посредством праны и раскрытия чакр), эмоциональный уровень (экстаз), ментальный уровень (мистическая способность) и собственно духовный уровень, характеризуемый сакральностью и трансцендентностью.

Среди всевозможных характеристик кундалини мне хотелось бы выделить одну особенность, которая непосредственно связана с шаманизмом. Определяя кундалини как «эволюционную силу», Гопи Кришна [[61]Civilization and Its Discontents, by Sigmund Freud, L. and Virginia Woolf at the Hogarth press /etc./, London, 1930.] полагает, что кундалини представляет собой нечто большее, чем источник духовной мотивации. Энергия кундалини непосредственно связана с руководящим принципом, и поэтому процесс дальнейшего развития личности приобретает в значительной степени автономный и спонтанный характер. Поскольку все духовные традиции признают существование внутреннего состояния, благодаря которому человек чувствует, что им руководят высшие силы или существа (например, суфиев определяют как лиц, которыми изнутри руководят такие силы), можно утверждать, что шаманом преимущественно руководит его внутренний руководитель (или руководители). В шаманизме содержится лишь минимум наставлений, касающихся передачи кодифицированных знаний. Характерно, что шаманская практика носит индивидуальный характер, поскольку шаманы применяют уникальные методы

Мне как-то довелось услышать хасидскую притчу о рабби, которого спросили об источнике его знания. Он ответил: «Все, что я знаю, я узнал у своего отца: он никому не подражал, и я никому не подражаю». Таков и шаман. Наряду с тонкой духовной передачей, шаман наследует пример свободы и неповторимости в своем подходе к высшему миру и служению обществу. У каждого шамана существуют свои энергетические объекты, свои притчи и свое вдохновение. Это относится и к новым шаманам, которые (в отличие от терапевтов конкурирующих школ прошлых десятилетий) становятся не только эклектичнее, но и индивидуальнее в своем стиле и содержании «трюков».

Если прежде путешественники и антропологи с благосклонным недоверием относились к утверждениям шаманов, что они всему научились у духов, то в настоящее время феномен наития (свыше) получил широкое признание, сопоставимое с признанием интуиции и мистического опыта. Об этом свидетельствует резкое усиление интереса к парapsихологии. Интересно, что в настоящее время лишь немногие поэты говорят о своем вдохновении как о голосе, прозвучавшем в их ушах, тогда как в области психотерапии один из самых эффективных методов обязан своим появлением вдохновению, сопоставимому с шаманским откровением. «Процесс квадринити», на котором я подробно останавливался, возник не как следствие рефлексии или метода проб и ошибок, а благодаря психическому общению (по меньшей мере, по мнению его автора).

В настоящее время внутреннее или высшее водительство получает широкое признание, которое, в частности, проявляется в появлении многочисленных ясновидцев и терапевтов, полагающих, что их деятельность протекает под водительством сродни шаманскому. [[****]] Когда я просматривал эту главу, в Журнале Американской академии психотерапевтов («Мнения: искусство и наука психотерапии», т.28, №4, Винтер, 1992) как раз появилась статья по данному вопросу («Психотерапевт и шаман»).] В современной американской культуре заметное место заняло «канализирование». Этот термин указывает на происходящее с людьми, восприимчивыми к запредельным для их сознания посланиям, как, например, в случае автоматического письма или процесса, позволившего написать такие книги, как «Сет вещает» и «Курс лекций о чудесах». [[|||||]] Этот объемистый самоучитель обязан своим появлением психологу-экспериментатору, который не верил в существование запредельного явления, составивших его содержание.]

Это явление уходит корнями в глубокую древность, однако бурное его распространение свидетельствует о нарастании общего интереса к нему и склонности многих людей с доверием относиться к тому, что находится за пределами их личности. Есть все основания полагать, что канализирование является одной из особенностей духа нашего времени.

Свое фундаментальное исследование шаманизма Элиаде начинает с обсуждения признания шамана, что вполне справедливо, ибо признание шамана – чрезвычайно важное событие и первый этап собственно шаманского опыта. Характерно, что шаман призывается в самом точном (то есть глубинном и отчасти забытом) значении этого слова, причем это призвание принимает обычно форму острого заболевания. Юнг упоминал архетип «раненого целителя». Этот образ часто встречается в мифологии и фольклоре, но первоначальное его значение связано с реальностью шаманского призыва. Именно в этой связи этот символ встречается во всех культурах на всем протяжении их существования.

В отличие от медицины и психологии, обучение которым (как и другим профессиям в нашей культуре) происходит путем передачи информации и практических занятий, в феномене призыва (наряду с индивидуальной предрасположенностью) ощущается влияние такого фактора, как заразительность. Это утверждение справедливо не только для бурного распространения фрейдизма, но и для расцвета неошаманизма в наши дни. Когда я учился на медицинском факультете Чилийского университета, в Чили еще не существовало учебных заведений, где можно было изучать психологию, в настоящее время на факультетах психологии учится больше студентов, чем на юридических факультетах, которые в прежние годы отличались наибольшей посещаемостью. Во всем мире наблюдается усиление интереса к психологии. На протяжении существования нашей культуры происходит смена эпох, причем дух каждой эпохи находил воплощение в определенной сфере деятельности человека. Так, если в XIX веке этой сферой была биология, оказавшая заметное влияние

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org на культуру, то во времена Галилея приоритет был отдан физике. Сходным образом можно утверждать, что современное «движение за развитие человеческого потенциала» возникло не столько усилиями представителей профессиональных или академических кругов, сколько благодаря изменению коллективного сознания, которое проявилось в терапевтической и духовной областях. Свое конкретное выражение это изменение нашло в повышении одухотворенности психологии.

Благодаря заразительности, новый шаманизм, развитию которого мы оказываем поддержку, вышел за пределы любой профессии, что стало причиной определенных разногласий на стыке разных профессий. В течение некоторого времени психотерапия находилась в монопольном ведении врачей. Затем право на практику в этой области получили психологи, после чего этой привилегии удостоились и социологи. В настоящее время интерес к психотерапии приобрел такой масштаб, что многие стали считать себя психотерапевтами-любителями. Профессионалам приходится даже обращаться в суд, чтобы защитить свою территорию от вторжения непрошеных гостей. В испанском языке есть выражение «В каждом из нас есть что-то от врача, поэта и безумца». В какой-то мере это все равно, что сказать, что в каждом из нас есть что-то от шамана. Ибо шаман – это человек, чьи способности являются последствием его соприкосновения с глубинной сущностью. Иначе говоря, глубинная сущность каждого человека имеет «шаманический» характер.

Болезнь, благодаря которой человек становится шаманом (независимо от формы ее проявления: внешнее событие или погружение во внутреннюю бездну), не является единственным способом нисхождения в ад. Подобно тому, как при нормальном развитии процесса кундалини после подъема телесной энергии по чакрам наступает ее нисхождение, так и при развертывании сознания, которое можно сопоставить с физическими изменениями, после его расширения наступает сужение. Некоторые шаманы перед нисхождением в преисподнюю совершают восхождение на небеса. По этой причине практика кундалини всегда считалась чрезвычайно опасной: без специальной подготовки и компетентного руководства кундалини может оказаться вратами, через которые человек может прийти как к экстазу, так и к агонии (о чем свидетельствует автобиографический очерк Гопи Кришны). Эта практика представляет собой внутреннее очищение и, в определенной степени, внутреннее умирание – дезинтеграцию прежней личности или ее освобождение от обусловленности, сформировавшейся на ранних этапах жизни.

На стадии расширения в шаманском процессе и даже на этапе восхождения кундалини можно говорить о наличии психотического аспекта в широком смысле этого слова: «высокий психоз», мистическое безумие неотделимо от пути и должно быть познано человеком, чтобы выйти за его пределы. В принципе, в образе дон Кихота у Сервантеса воплощено понимание состояния безумия как пути. В отличие от таких писателей, как Сервантес и Гете, понимавших, что высшее безумие является неотъемлемой частью озарения (еще в Средние века было распространено понимание, что безумие неотделимо от святости), наша культура до сих пор далека от того, чтобы окружить психотиков атмосферой понимания, признания и дружеского участия, которое в данной ситуации представляется вполне оправданным. Подход нашей культуры коренным образом отличается от подхода, принятого в шаманских культурах, где с одобрением относились к тем, кто вступал на путь благодаря болезни, и обеспечивали им компетентное руководство. Такие люди получали возможность совершить воображаемое путешествие по миру безумия и проанализировать это безумие, приобретая мудрость и способность исцелять других людей.

Существенное изменение в подходе к психозу можно обнаружить только в новом психологическом направлении. После появления работ Р.Д. Лэнга некоторые специалисты стали рассматривать психоз не только как состояние, подлежащее исцелению, но и как «позитивную дезинтеграцию» (определение принадлежит дабровскому) или регрессию на службе развития, нисхождение в ад, способное совершить очищение. В нашей культуре, в которой статистическая «нормальность» далеко не совпадает с подлинным психическим здоровьем, идея психоза как пути, а не случайного события на пути, остается революционной даже через 20 лет после того, как Институт Эсален пригласил Лэнга в Соединенные Штаты и объединил ряд специалистов, которые в течение месяца обсуждали «ценность психотического опыта».

Современное терпимое отношение к безумию проистекает из более широкой терпимости к измененным состояниям сознания, из новой открытости перед опытом и готовности уступить ему, которые оправдывают употребление термина

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org «дионисийский» для определения нового духа. Уже в конце прошлого столетия Ницше предсказывал «постепенное возрождение дионисийского духа в современном мире». Можно утверждать, что культурная революция 60-х годов носила преимущественно «дионисийский» характер. Эта особенность психодуховной революции (см. С. Кин «Танцующему Богу») [[62]Kundalini, by Gopi Krishna, Shambala, Berkeley, CA, 1971.] Здесь наша новая духовность также подражает шаманизму, поскольку западное христианство, подобно «другим религиям», проникнуто аполлоновым духом в отличие от традиционного шаманизма, где царит дионис.

Мысль о том, что дух нашего времени носит шаманский и дионисийский характер поможет пониманию других его появлений, начиная с интереса к галлюциногенам (разновидность «опьянения» в дионисийском смысле «освобождения от всех условностей») и кончая «освоением» (посредством терапевтического процесса) той разновидности безумия, которая, по мнению Мелани Клейн, лежит в основе невротического слоя нашего сознания.

Мир Диониса – это мир опьянения и (порой безумных) порывов души. Но Дионис есть бог, который рождается и умирает. В Дионисе вхождения в безумие и трансформативный процесс смерти и возрождения объединяются в единый процесс.

Проблема смерти и возрождения – основная проблема христианства, в той или иной форме она присутствует во всех духовных традициях, проявляясь в виде символов, мифов и абстрактных концепций. К таким концепциям относятся, например, фана и Бака в суфизме или Нирвана и Просветления в буддизме. В то же время есть все основания полагать, что существующие в развитых религиях кодификация опыта и возникшие на его основе концептуальные учения уводят нас в сторону от самого опыта. Этим объясняется то удивление, с которым антропологи (особенно Расмудсен, проводивший исследования в среде эскимосов), пытавшиеся понять шаманизм, обнаружили, что те виды опыта, которые мы приписываем историческому Христу и другим аватарам, были вполне квалифицированно описаны их «примитивными» собеседниками.

Теперь обратим внимание на очень важный момент, о котором я еще не говорил. Шаман – это человек, который умер и возродился. Он обладает опытом непосредственного участия в трансформативном процессе, к важнейшим особенностям которого относятся психологическая смерть и духовное возрождение. Однако процесс, который, с одной точки зрения, можно описать как восхождение на небо и нисхождение в ад, с другой точки зрения, воспринимается как путешествие в запредельное, которое (как и в дантовой аллегории) включает расставание с миром и последующее новое рождение в нем. Наряду с опытом восхождения и нисхождения шаман, как отмечает Элиаде, обретает способность посещать небеса и ад, недолго в них оставаясь, и поэтому его называют «владыкой трех миров». Сохраняя способность к экстатическим и иным переживаниям, он воспитывает в себе отрешенность от духовного и земного. Прибегнув к архаичной шаманской метафоре, можно сказать, что он способен перемещаться вверх и вниз по оси мира, останавливаясь в срединной сфере. В эпоху неошаманизма на эту особенность необходимо обратить внимание, поскольку она указывает на существенное различие между шаманом и учеником колдуна.

Следует отметить, что вышеупомянутая особенность шаманского процесса (умирания и возрождения) нашла новое проявление в наше дионисийское время. В этой связи я хотел бы обратить внимание на недавно возникший интерес к опыту предсмертных переживаний.

Многие шаманы начинали свой путь (отнюдь не стремясь найти его) благодаря опыту переживания близости смерти (например, при тяжелом заболевании или при встрече с хищным животным). Многие люди сообщают об опыте трансформативных переживаний, причиной которых послужили автомобильная авария, состояние клинической смерти и другие события. Несколько десятилетий назад Маслоу обнаружил, что пиковые переживания не столь уж редки, как принято было считать, и многие сообщили о случаях

пиковых переживаний, имевших место в их жизни. В настоящее время установлено, что опыт предсмертных переживаний не является редкостью, и многие из тех, кто имел такой опыт, включились в процесс внутренней трансформации.

Для нашего времени характерно проявление интереса к смерти, которое можно
Страница 56

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org назвать «новой танатологией». Здесь имеется в виду стремление оказать помощь тем, кто приближается к своему смертному часу. При этом помочь принимает форму признания прав смерти и духовного руководства. Упомянуть деятельность таких первооткрывателей, как Элизабет Кюблер-Росс. Рам Дасс и его коллеги. Знаменательно, что «Тибетская книга мертвых» стала в Соединенных Штатах карманной книгой. Это явление свидетельствует не только об актуализации представлений о том, что живые способны оказать помощь мертвым, но и том, что «Тибетская книга мертвых» помогает в осмыслении процесса внутреннего умирания и возрождения при жизни. В этой связи следует упомянуть и «Американскую книгу мертвых», которая принадлежит перу И. Дж. Голд. В книге приводится описание различных «бардо» с прямым указанием на применимость приводимых высказываний к данной жизни. Особое внимание в книге уделяется обоснованности традиционных наставлений о необходимости придерживаться своего центра, не поддаваясь страху и привязанности в ситуациях, где царят боль и смятение.

Несколько сходных замечаний можно сделать и о проблеме возрождения. Идея второго рождения имеет первостепенное значение для христианского учения. Тем не менее, в настоящее время гораздо больше людей (верующих и атеистов), чем во времена наших отцов и дедов, почувствовавших наступление нового этапа в их жизни. Интенсификация изменения приводит к интенсификации внутреннего умирания, неотъемлемого от обычной жизни, поскольку мы отказываемся от многих прежних понятий и вещей. Такая интенсификация влечет за собой и усиление интенсивности внутреннего рождения, которое всегда присутствует в нашем восприятии настоящего момента. В целом, мы стали лучше понимать природу процесса психологической смерти и рождения духовного ведения. Психоделические эксперименты и систематические попытки прервать деятельность этого посредством медитативной практики помогли многим ознакомиться с указанным процессом. Кроме того, применение методов повторного рождения и холотропической терапии способствовало признанию правомерности аналогии между биологической и психодуховной сферой («что вверху, то и внизу»).

Проводившиеся на основе галлюциногенов психологические эксперименты со смертью и рождением способствовали возобновлению интереса к этой древней теме. Особое значение имеют исследования д-ра Грофа, который пришел к выводу о параллели между биологическими стадиями рождения и психологической сферой, используя при этом понятие «перинатальных матриц». Уже Фрейд высказал предположение, что так называемые «океанические» переживания (известные мистикам), в какой-то мере являются отзвуком внутриутробной жизни. Однако для Грофа это еще не все: мучительные переживания взрослого, связанные с ощущением вечного проклятия и отчаянием – отзвук той боли, которую, как полагают, испытывает эмбрион, когда начались сокращения в матке, но родовой канал еще не открыт. По мнению Грофа, в это время мы переживаем ощущения ущемленности, замкнутости, подавленности и удушья. С другой стороны, напоминающие о смерти переживания взрослого человека в какой-то мере отражают переживания младенца в момент появления его из утробы, когда казалось бы, что приближается конец его существования.

Около десяти лет назад (под эгидой Института имени Гете в Чили) мне довелось выступить с докладом об «интегративной психологии и новом шаманизме». Я предпочел говорить тогда об «интегративной психологии», так как выступал перед аудиторией, плохо знакомой с «трансперсональной психологией». Теперь в Соединенных Штатах считается нормой говорить о «трансперсональной психологии и новом шаманизме», поскольку трансперсональная психология уже определилась в качестве холистической и получила благодаря усилиям ее представителей признание со стороны академических кругов в качестве воплощения духа нового шаманизма.

Указывая на такую связь между неошаманским *Zeitgeist* (духом нашего времени) и электрическим, синтезириющим, недогматическим духом современной психологии, я намеревался подробнее остановиться на мысли, что новые формы «физических упражнений», которые д-р Томас Ханна назвал «новой соматологией», также являются воплощением нового шаманизма. Это объясняется тем, что специалисты (которые в последние десятилетия прошли подготовку в школах физических упражнений, возникших после появления школы Эльзы Гиндер и дыхательной терапии в Германии в начале века, или использовали методы, разработанные Матиасом Александром в Австралии, Рольферсом, биоэнергетиками и другими специалистами) достигли неверbalной сферы, которая требует редкого сочетания интуиции и понимания тела. Кроме того, специалисты, использующие разные подходы к осмыслению работы сознания на основе тела,

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org признают ценность чисто шаманского опыта работы с энергиями тела, что свидетельствует в пользу вышеприведенных рассуждений о кундалини. Особенно поразителен здесь случай Вильгельма Рейха, которого можно считать первооткрывателем феномена кундалини в наше время.

Говоря о своем докладе о шаманском духе «движения за развитие человеческого потенциала, я открыл для себя, что, подобно тому, как последняя революция в области сознания вызвала новый расцвет фрейдизма (от которого она отпочковалась и благодаря которому получила поддержку), так и новый шаманизм представляет собой ни что иное, как расцвет древнего шаманизма, который неотделим от истоков современной психотерапии. Величайшие новаторы к области психотерапии обладали самыми характерными чертами шамана. Именно такой личностью был Зигмунд Фрейд, которому мы более других обязаны современной психологической ориентации.

Я нередко говорил, что Фрейд был скорее писателем, чем ученым, и поэтому вполне заслуженно получил Нобелевскую премию по литературе. Его можно назвать и пророком, хотя он не верил в существование высшего мира, а лишь указывал на наши недуги. Уверен, что придет время, когда многие наши мысли о Фрейде (как и о Марксе) устареют, и тогда станет очевидным, что главное в нем – не научность, а профетическая личность, воплотившая в себе тот импульс, что он передал нашей культуре благодаря его стремлению к самопознанию.

Фрейда можно считать культурным героем, который обладал огромным мужеством, чтобы признать существование своего невроза и истолковать его, оставаясь при этом невротиком в той же мере, в какой были невротиками его «обычные», нормальные соотечественники (пожалуй, он был здоровее большинства из них). Его мужество заглянуть (подобно шаманам) в бездну послужило зародышем широкого признания существования указанного недуга и психического заболевания, возникшего в постфрейдовский период.

Известно, что в день похорон своего отца Фрейд потерял сознание. Тогда он признался, что, подобно своим пациентам, ненавидел отца, которого, как ему казалось всю жизнь, очень любил. Когда в порыве откровенности Фрейд открыл свою «эдипову ненависть», возник этот феномен, благодаря которому со временем оформилась идея универсального невроза человечества. Ибо если ум Фрейда существенно не отличается от ума его родителей, не означает ли это, что мы, в большинстве своем, разделяем одни и те же превратности судьбы? Через некоторое время идея универсального невроза приобрела доверие во всем мире.

Важным этапом на пути к всеобщему пониманию и признанию послужил, как мне кажется, проведенный Эрихом Фроммом анализ психологии капиталистического общества. Следует напомнить, что после анализа нацизма в «Бегстве от свободы» [[63]] Escape from Freedom, by Erich Fromm, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1941.] Фромм утверждал в «Здоровом обществе» [[64]] The Sane Society, by Erich Fromm, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1955.], что современный американский капитализм ничуть не более здоров, просто его патология имеет менее очевидный характер. Он полагал, что иррациональность, выявляемая при панорамном рассмотрении нашей коллективной жизни, вызывает расширение патологии, которая настолько распространилась (обретя социально структурированный характер), что перестала восприниматься нами на индивидуальном уровне.

Социальная патология и почти универсальность индивидуальной патологии, на которые не обращали внимание во времена Фрейда, получили со временем дальнейшее осмысление наряду с повышением общего уровня психологического понимания. Самым ярким аналитиком безумного мира был, вероятно, Р.Д. Лэнг, в работах которого выявлено абсурдное, катастрофическое состояние обычных человеческих отношений. Лэнг показал, что так называемая любовь нередко является скрытой формой насилия. Кроме того, при внимательном и глубоком рассмотрении выясняется, что манера обращения вполне здоровых и благонамеренных людей с детьми (которые впоследствии становятся шизофрениками) оказывается далеко не тем, чем кажется.

Полагаю, что именно благодаря такому пониманию патологии культуры в целом (Фрейд достиг его одним из первых) некоторые из наиболее просвещенных личностей становились маргиналами. В этом отношении мы напоминаем шаманов прошлого, которые (сознавая безумие людей) покидали пределы культуры. Покинув мир, они достигали столь ценных для других людей состояний, что

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
общество вновь приглашало их вернуться в качестве духовных наставников.

Однако позвольте мне продолжить тему шаманского влияния на «психотерапевтическую традицию». Я употребляю термин «традиция» в широком смысле, чтобы сказать, что, независимо от различия уровня сознания наших современных неофрейдистских терапевтов и великих учителей Востока (по отношению к которым употребляется этот термин), у нас также есть линия передачи учения, которая содержит элемент заразительности (или распространения). Терапевтический процесс включает такой элемент на этапе медитации и в этом отношении покидает пределы собственно профессионального обучения.

При внимательном рассмотрении вышеупомянутого случая мы обнаружим, что посаженное Фрейдом дерево в действительности было посажено не им, поскольку Фрейд заинтересовался психотерапией благодаря интересу к гипнозу, а гипноз, в свою очередь, получил известность в Европе благодаря деятельности другого «современного шамана» – Месмера, который первым в Европе стал использовать транс в лечебных целях. В психологическом отношении Месмер был менее изощренным, чем Милтон Эриксон в наши дни, и тем не менее его можно считать одним из новых шаманов (поскольку он обладал интуицией и в своей работе опирался на использование измененных состояний сознания). Более того, в своей деятельности он был больше шаманом, чем Эриксон, так как обращался к целительным силам организма. Косвенным образом он побуждал пациентов отказаться от характерной для XIX века «социальной принадлежности» и позволить глубинной мудрости психики работать над своими насущными проблемами.

После Месмера интерес к гипнозу резко возрос. Посетив Шарко, Фрейд стал использовать в своей работе транс. Увы, однажды пациентка импульсивно поцеловала его в присутствии третьего лица, чем очень его смущила, и с того дня он отказался применять гипноз, перейдя к ориги нальному методу, который со временем превратился в технику свободных ассоциаций. Если в истории культуры Месмер посадил дерево психотерапии, то Фрейд занимался поливкой и прививкой этого дерева.

Огромное влияние на развитие психотерапии и особенно на гуманистическое движение (в лице неофрейдистских и антифрейдистских представителей) оказал Вильгельм Рейх. К его заслугам следует отнести преодоление ортодоксального понимания репрессии как неизбежной пертурбации сознания, происходящей из несовместимости между цивилизацией и инстинктом. Подобно Норману О.Брауну, Герберту Маркузе [[65]One Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society, by Herbert Marcuse, Beacon Press, Boston, MA, 1964, 1968.] и последующим ученым, Рейх верил в необходимость освобождения импульсов и в первую очередь сексуальности. Как и Фрейд, он оказал влияние не только на психологию, но и на развитие культуры в целом, заняв позицию противника авторитаризма и сторонника сексуальной свободы. В отличие от Месмера и Фрейда, он был новым шаманом и в другом отношении, поскольку сам прошел через психотический опыт.

Некоторые последователи Рейха отрицают или преуменьшают его безумие. Но в этом нет никакой необходимости, так как он служит примером человека, в котором сочетаются гений и безумие. Психотические особенности его характера отнюдь не лишают ценности лучшие из его идей. Напротив, психоз возникает порой как следствие индивидуальной неспособности переварить слишком большой объем истины и оказывается для человека своеобразной платой за его открытость к тому, что другие вынести не в состоянии. Впрочем, в некоторых случаях глубокие восприятия объединяются в смесь истины и ее искажений, являя собой типичный случай симптома шизофрении, именуемого «буквальным пониманием метафоры».

Мессианская претенциозность привела Рейха к тому, что он стал требовать от ученых одобрения идей, которые не входили в его компетенцию. Более того, отсутствие такого одобрения (в частности, отсутствие ответа Эйнштейна на письмо о проблемах времени) было интерпретировано им как правительственный заговор. Он был убежден, что за ним постоянно ведут наблюдение с летающих на его домом самолетов. Сын Рейха рассказывает (в небольшой автобиографической книге), как отец поручил ему закопать его часы, с тем, чтобы они не отправляли окружающую среду антиорганической энергией своих фосфоресцирующих цифр.

Известно, что шаманы проходят психотическую стадию и исцеляются в ситуации

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
культуры, которая оказывает им поддержку. Не известно, исцелился ли бы Рейх после судебного преследования и заключения в тюрьму. Во всяком случае, можно предположить, насколько трудно придти к исцелению в обстановке сложной, лишенной шаманских качеств культуры.

Как пример личности, воплотившей в себе шаманские особенности, можно привести Карла Юнга, который открыл современную транспер-сональную ориентацию в области психотерапии и был духовным наследником Фрейда (несмотря на идеологические разногласия между ними). По причине сдержанности, осторожности и «швейцарской» Юнга эти особенности в значительной мере имеют скрытый характер. Несмотря на спонтанные парапсихологические явления и интерес к самым увлекательным предметам, он казался своим современникам довольно заурядным человеком, и даже революционную деятельность Юнга в области психоанализа можно расценивать как контрреволюционную. Однако справедливо и то, что сдержанность в отношениях с людьми позволяла Юнгу маскировать ту возвышенную сторону своей личности, которая всегда присутствовала в его жизни, как, впрочем, и в жизни других родоначальников психотерапии. Те, кто ближе познакомился с его личной жизнью, скажем, на основе его журнала, знают об отличной осведомленности Юнга в психотической области и могут по достоинству оценить один из его блестящих вкладов в развитие психологии – идею инфляции, возникшую на основе личного опыта. Как и Фрейд, Юнг остро ощущал свою тревогу, проницаемость для бессознательного была той тональностью, которая окрашивала его призвание и способность к исцелению.

Но еще в большей степени, чем упомянутые личности, шаманом был Фриц Перле. Возможно, это связано с тем, что он жил в более позднее время и в культурной атмосфере, более совместимой с шаманским духом.

Мне посчастливилось познакомиться и пребывать в близких отношениях с Фрицем Перлсом еще до того, как он стал знаменитым и на начальном этапе своей жизни в Калифорнии был сравнительно малоизвестен. В то время я работал в Беркли в исследовательском Институте проблем личности при Калифорнийском университете. Однажды я получил необычное приглашение от д-ра Майкла Харнера, с которым недавно познакомился и который работал неподалеку от университета, занимая должность директора университетского музея антропологии. В то время у него гостили Карлос Кастанеда, проходивший начальный этап шаманского ученичества. Харнер предложил нам троим провести совместное совещание в «одном малоизвестном местечке на берегу океана, в четырех часах езды к югу от Сан-Франциско». Малоизвестное местечко называлось Эсаленом, ему суждено стать прототипом сотен Центров развития, которые в последующие годы возникли во всем мире.

Фриц в Эсалене не работал. Он поселился там потому, что считал Эсален лучшим местом для жизни, и поэтому оказался среди присутствующих в аудитории во время нашей работы. Как известно, Фриц не отличался особой покладистостью. Он придерживался рекомендации тщательно пережевывать пищу перед тем, как ее проглотить, но при этом проглатывал только пригодную к усвоению пищу, а остальное выплевывал. На выступлении Элси Пэриш, шаманки из индейского племени Помо, которая была приглашена

на наше совещание доктором Харнером, он прореагировал заносчиво и снисходительно, заявив нам в перерыве между заседаниями: «если она – шаманка, тогда и я – шаман». Он считал совершенно естественным совершать поступки под впечатлением своих видений и привел следующий пример: «Несколько дней назад у меня была встреча с женщиной, которая говорила не умолкая. Не зная, как мне поступить и что сказать, я закрыл глаза и увидел лающую собаку. Тогда я все понял и сказал ей: «Вы напоминаете мне лающую собаку». Она заплакала и сказала: «Мой муж говорил мне то же самое». С этого началось лечение».

Откровенность Фрица произвела на меня сильное впечатление. До сих пор мое знакомство с ним ограничивалось публикациями, и я совершенно не имел представления о нем как о личности. Меня привела в восторг его способность к непосредственному восприятию образов, которые у большинства людей лежат ниже порога восприятия и выявляются только в ходе интенсивных терапевтических или духовных исследований. Вот так и состоялось мое личное знакомство с Фрицем. В своей работе с образами и интуицией Фриц был не только шаманом, но и духовное личностью (я бы назвал его тайным даосом) – и это несмотря на его антирелигиозную позицию. В своих поступках он очень напоминал шаманов, которые выступают в качестве наставников-практиков.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
Более того, духовное и животное начало (однажды он охарактеризовал себя как че

ловека, который на 50 процентов является сыном Божиим, а на 50 процентов – сукиным сыном) сочетались в нем так же, как и у шаманов, которые никогда не отличались лицемерием и в своем добросердечии совершенно не знали морализирования.

Несмотря на усиление интереса общества к шаманизму, до сих пор существует представление, будто стать шаманом можно только покинув пределы нашей культуры и пройдя обучение у эскимосов, индейцев племени навахо, австралийских аборигенов и т.д. Все это прекрасно. Традиционный шаманизм обладает мудростью, и лично меня радует мысль, что передача традиций умирающего шаманства древних культур произойдет прежде, чем современный мир сотрет их с лица земли. Для нашей чрезмерно цивилизованной культуры может оказаться спасительной встреча с людьми, которые не стали жертвой aberrаций своей культуры.

И, тем не менее, упомянутое усиление интереса к этническому шаманству побуждает меня указать на автохтонный аспект западной культуры и подчеркнуть существование нашей собственной традиции, непрерывной линии передачи шаманства, которая со временем получит дальнейшее развитие.

Многие уже приняли идею нового шаманизма. Вероятно, это объясняется тем, что духовность таких людей в большей степени пропитана дионисийством, чем духовность классических религий. Кроме того, называясь шаманом, человек ощущает себя уполномоченным быть шама-

ном. Наверняка такие люди испытывают чувство подъема, оказавшись в возвышенной и загадочной роли шамана, и это чувство может стать источником вдохновения для других людей. Мне бы хотелось лишь напомнить о той дистанции, которая разделяет ученика чародея от настоящего чародея. Шаман – это не только человек, которому знакомы измененные состояния сознания или который воспитал в себе магическое видение мира, но и человек, достигший вершины развития глубинной трансформации.

Теперь, когда интерес к шаманизму достиг высшей точки, целесообразно взглянуть на него как на транскультурный феномен, то есть как на нечто, не связанное с какой-то определенной традицией, а существовавшее пусть и под другими названиями во все это время и во всех культурах.

В связи с транскультурной концепцией шаманизма я хотел бы привести два примера. В 60-х годах я занимался исследованием воздействия на человека напитка, известного под названием Аайахуаска, [[66]]*Hallucinogens and Shamanism, by Claudio Naranjo, edited by Michael J. Harner, Oxford University Press, New York, 1973.*] который использовали в процессе обучения южно-американские шаманы, и сделал поразительное открытие: участники моих экспериментов, которым ничего не было известно о происхождении экспериментальных веществ, имели видения джунглей, кишащих дикими кошками, змеями и хищными птицами. В то время антропологи считали, что передача вызванных аайахуаска видений происходит социальным путем, как влияние определенной культуры на индивида, употребившего «напиток джунглей». Однако проведенные в Чили эксперименты с участием добровольцев возводили мне сделать вывод, что такие видения (характерные для шаманизма) за пределами Амазонки культурным влиянием не обусловлены и в латентном состоянии присутствуют в каждом человеке.

Следующий пример также тесно связан с предметом нашей беседы, поскольку речь в нем идет о художнике. До сих пор мы говорили, главным образом, о терапевтах типа шамана. Теперь я хотел бы вернуться к человеку, о мировоззрении которого упоминал в начале книги.

Я не сомневаюсь, что, став известным, огромное поэтическое наследие Тотилы Альберта займет свое место среди классических произведений. Однако сейчас речь пойдет не о поэтических произведениях, а о том опыте, который ускорил его вступление на путь – об опыте спонтанной инициации, ознаменовавшим окончание первой жизни и начале второй.

За десять лет до упомянутого события он описал свои переживания в стихотворении «Крылатое тело». В этом стихотворении покойные родители задают ему вопрос: «Сможешь ли ты взлететь, сын?», и он отвечает: «О святые

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
голоса! Думаю, что смогу». Далее он вспоминает о том, как его душа
оплакивала родителей, и в душе его царила лишь «тень пустоты», пока боль не
разверзла его тело:

Выверни нутро наружу!
И силой звука извлечены из бездны
Крылья были.

В этом случае телесные ощущения и зрительные галлюцинации, по-видимому, соединились в ощущении, что тело поэта раскололось вдоль спины на две половины и внутреннее превратилось в крылья. Вместе с тем, этот опыт отмечен той же неповторимостью, что и барельеф, в котором поэт пытался его запечатлеть. На страницах этой книги я старался передать уникальность этого опыта в виде диалектики трех принципов: отца, матери и ребенка. Однако справедливо и то, что раскрытие тела и извлечение из него нутра, наряду с полетом и превращением адского в небесное (крылья, распростершиеся из бездны), безусловно являются шаманскими темами. К ним же относится превращение в огромную хищную птицу (на барельефе оно запечатлено в виде кондора, который держит в своих когтях сына).

Благодаря работам таких авторов, как Элиаде, мы познакомились с сибирскими шаманами, которые, исходя из опыта внутреннего посвящения, приобретенного в начале своей шаманской жизни, считают себя потомками предвечного шамана, который похож на орла. И все же я убежден, что Тотила почти ничего не знал о шаманах и уж тем более о сибирских шаманах. Его шаманизм был не заимствованным, но внутренне ему присущим. Понимание Тотилой своего опыта не было связано с какой-то культурной моделью. Подобно сибирским шаманам, он вступает в мир визионерского опыта, который вызвал к жизни глубинное исцеление (поскольку в этом мире произошло объединение его «внутренней троицы»). Утверждение, что орел или кондор являются архетипами, ничего не объясняет, а лишь содержит указание на то, что определенные переживания (и символы, посредством которых вызываются к жизни их физические и ментальные аспекты) не обязаны быть отражением определенной культуры. Напротив, можно считать, что они внутренне присущи развертыванию человеческого опыта и заложены в закономерности нашего потенциального пути. (Я убежден, что разрывание тела по оси служит выражением чисто шаманского явления, для обозначения которого я употреблял традиционный индийский термин кундалини, который нельзя найти ни в словаре шаманов, ни в словаре Тотилы).

Приведенные примеры, надеюсь, помогут понять, что, говоря о новом шаманизме, я имею в виду нечто иное, чем те, у кого этот термин ассоциируется исключительно с бубнами, перьями и тотемными животными. Конечно, получивший у нас распространение шаманизм непосредственно связан с этническими влияниями, но следует учитывать и то, что автохтонный шаманизм возник задолго до примитивного мистицизма и целительства, которые приобрели столь широкое признание. К тому же, шаманизм интересует меня лишь благодаря определенному родству между нарождающимся и архаичным шаманизмом.

В наше время, когда среди многих учеников колдунов распространен «синдром постиллюминативной инфляции», или глубокой регрессии, связанной с последующим этапом инкубации, мне представляется важным учитывать ту роль, которую может сыграть в нашей коллективной трансформации нынешнее поколение новых шаманов, независимо от степени их зрелости.

Тотила Альберт. Возвращение птицы

Эта группа маргинализованных ищущих, является, возможно, носителем некой «безумной мудрости» и образует тот людской ресурс, который сыграет решающую роль в разрешении нашей критической ситуации. Эффективность нашего ответа на существующий кризис, безусловно, зависит не от старых институтов, а от нового ферmenta.

Эта группа маргинализованных ищущих, является, возможно, носителем некой «безумной мудрости» и образует тот людской ресурс, который сыграет решающую роль в разрешении нашей критической ситуации. Эффективность нашего ответа на существующий кризис, безусловно, зависит не от старых институтов, а от нового ферmenta.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
что (как я утверждал) трансформация мира предполагает индивидуальную трансформацию, причем при бурном росте индивидуальных трансформаций решающее значение придается каталитическому влиянию индивидов, которые уже подверглись трансформации или находятся на пути к ней. Всегда существовали мудрецы и взыскующие мудрости. Наше время отличается от прошлых эпох тем, что мы можем овладеть своей ситуацией, сыграть решающую роль в своем развитии, осуществляя внутреннее изменение и вторгаясь в структуру ситуации. Нетрудно представить себе появление групп развития сознания неимущих слоев населения (аналогичных ранее существовавшим группам развития сознания с политической ориентацией), учреждение стипендий для неинтеллектуальных, но глубоко педагогических инициатив, прием на работу местных шаманов, разработку новой психодуховной методологии, поощрение педагогических, терапевтических, наиболее перспективных и крупномасштабных инициатив по созданию руководств по самоусовершенствованию.

Приближаясь к концу книги, мне хотелось бы прибегнуть к пришедшей к нам из древности метафоре, в которой трансформация человека уподобляется трансформации бабочки. Трансформацию коллектива можно уподобить трансформации макробабочки, каждая клеточка которой символизирует человека, миновавшего стадию личинки (после периода внутренних странствий и инкубации).

Однажды мне довелось услышать, как Уиллис Харман сказал, что метаморфоза бабочки в период ее инкубации на стадии куколки связана не только с распадом старых клеточных структур, но и с созданием центральной структуры на основе «имаджинальных клеток», управляющих формированием организма (проект которого хранится в этих клетках). Появление у бабочки имаджинальных клеток предшествует трансформации тела личинки в крылатое тело взрослой особи. Аналогичным образом можно представить себе инициаторов индивидуальной трансформации в виде «имаджинальных клеток», которые будут выполнять функцию трансформативного элемента в процессе превращение нашего личиночного (патриархального) общества в Царство Трех.

Послесловие

Возможно, кому-то покажется странным, что писать послесловие к настоящей книге приходится экономисту. Для этого у меня есть достаточно оснований и знаний, и тем не менее, ответственность за предложение написать настоящее послесловие лежит на Клаудио Наранхо.

Случилось так, что, утрачивая с годами уверенность, я постепенно приобрел понимание некоторых вещей в форме некоего интеллектуального проекта, который отчасти оправдывает то, что останется после моей жизни. Я хотел бы остановиться на проблемах, на которые проливает свет настоящая книга: 1) наш язык и 2) реализация потребности в свободе.

Как существа, пользующиеся сложным языком, мы знаем, каким образом можно описать, а нередко и объяснить явления, события и процессы. С помощью языка мы накопили и упорядочили совокупность наших знаний. На пути развития, которое получило ускорение благодаря научной революции (Бекон, Декарт, Галилей, Ньютон), мы увековечили одну ошибку, которая, как мне кажется, становится в наши дни очевидной. Мы исходили из формулы описание + объяснение = понимание. Однако в действительности понимание представляет собой нечто иное. Описание и объяснение имеют непосредственное отношение к знанию (и эрудиции), соответствующему сфере науки. Понимание же проистекает преимущественно из опыта озарения, которое соответствует сфере мудрости.

Для иллюстрации различия между знанием и пониманием представим себе человека, который исследовал человеческий феномен, известный под названием Любовь, со всех возможных точек зрения: теологической, антропологической, психологической и даже биохимической. В результате мы имеем человека, который все знает о любви, но никогда не сможет понять любовь, если не влюбится сам.

В области знания, как отмечает Клаудио в разделе, посвященном образованию, мы смотрим на мир как на сумму множества проблем. Мы обнаруживаем их и предлагаем для них решения. В области же понимания речь идет не об обнаружении проблем, а о своей включенности в процесс трансформации.

Благодаря установкам сознания типа «Я не имею никакого отношения к окружающей среде», «Я не имею никакого отношения к природе», «Я не имею никакого отношения к социальным проблемам», мы превращаемся в специалистов, которые увековечивают проблемы путем накопления решений. Таким образом, мы претерпеваем парадигматическую метаморфозу, то есть глубинную трансформацию, аналогичную трансформации, которая затрагивает в настоящее время наш мир так, как если бы она была лишь огромной совокупностью многих проблем. На основании этого замечания можно сделать вывод о сущности нашего мегакризиса. В процессе своего развития мы достигли такого состояния, в котором мы обладаем огромным запасом знаний, но очень мало что понимаем. Вряд ли это положение послужило бы причиной для беспокойства, если бы огромные проблемы, с которыми столкнулось человечество, не нуждались в понимании, а требовали одного лишь знания.

И все же почему происходит то, что происходит? Все, что мы знаем, мы знаем потому, что наше знание получило выражение с помощью языка. Все, что мы способны познать, ограничивается рамками языка. С другой стороны, то, что мы понимаем, лежит за пределами языка, потому что относится к глубинным атрибутам вещей, которые, как таковые, не могут быть ни описаны, ни объяснены, хотя и могут быть поняты. Возьмем в качестве примера тривиальный случай: ряд рукописей, написанных разными людьми с разным почерком. Во всех рукописях буква «а» написана по-разному: в одном случае с наклоном вперед, в других - с наклоном назад, некоторые буквы написаны жирно, некоторые - тонко, одни с хвостиком, а другие - без хвостика. При чтении текстов мы опознаем все эти буквы как «а», поскольку все они обладают общим атрибутом - «а-ностью». Мы воспринимаем «а-ность» холистически, то есть понимаем ее, хотя не можем ни описать, ни объяснить ее.

Виттгенштейн сказал об этом так: «Мы должны молчать о том, о чем не можем говорить». Здесь-то и скрыта наша постоянная ошибка: мы все стремимся втиснуть в рамки языка.

Если познанное нами может стимулировать рассуждение, то понятое может превратиться только в некое отношение. Поэтому, с учетом сказанного Виттгенштейном, «не существует этических принципов, существуют только этические установки (attitudes)». Как тривиальная «А-ность», так и трансцендентальная этика являются трудными для понимания атрибутами вещей, которые выходят за пределы языка и поэтому относятся к области молчания.

Познание и понимание. Язык и безмолвие. Самая прекрасная особенность языка, несомненно, заключена в его способности придавать безмолвию смысл. Поэтому одна из мер по реконструкции нашей сущности как живых существ, которые, как заметил Клаудио Наранхо, не только фрагментированы, но и способны к целостности, заключается в обучении удивительной роли «эквилибрист» между языком и безмолвием. Это единственное занятие, которое позволяет нам относить к сфере знания то, что принадлежит знанию, и к сфере понимания то, что относится к пониманию.

И, тем не менее, мы неправильно используем язык даже в тех случаях, когда язык бывает полезен. «У каждого поколения своя проблема», заметил Ортега-и-Гасет. К этим словам можно добавить, что каждое поколение получает образование на основе определенного языка. В Средние века господствовал язык, в основе которого лежала теологическая проблематика, то есть обоснование конечных причин. Наряду с другими проявлениями, это привело к появлению монашеской жизни, великих соборов, нищеты, рыцарства и крестовых походов. Читая труды Дизраэли, Гладстона и Бисмарка, мы узнаем, что XIX век был веком возникновения национальных государств. Наш век попал во власть чар искусственного, экономного языка как носителя образов прогресса, роста, развития и современности.

Нет ничего дурного в получении образования на основе языка, если этот язык соответствует задачам, которые призвано решить данное поколение. В этой связи давайте взглянем, что произошло за последние семьдесят лет. В эпоху великого мирового кризиса, на грани 20-х и 30-х годов, возник язык кейнсианской экономической теории. Этот язык был продуктом кризиса и, тем не менее, был способен истолковать и преодолеть кризис. Таким образом, мы затронули проблему соответствия языка своей исторической задаче. Следующее изменение происходит в 50-х годах, когда возник язык развития. В отличие от предыдущего языка, этот язык не был продуктом кризиса, а возник на основе оптимизма, вызванного впечатляющим экономическим возрождением послевоенной Европы. Это - оптимистический язык, в основе которого лежит предположение,

что наконец-то найден рецепт искоренения нищеты во всем мире. Изменения и трансформации, характеризующие 50-е и 60-е годы, достаточны для того, чтобы привести язык в соответствие с современными историческими задачами. Затем наступили 70-е и 80-е годы, характеризуемые парадигматическим кризисом, который в данный момент представляет для нас огромный интерес. И тут происходит нечто совершенно неожиданное. Новый период, настолько новый, что невозможно найти сопоставимые исторические прецеденты, нового языка не породил. Напротив, еще большую силу приобрел язык, опирающийся на безграничное стремление к росту и экономической экспансии, несмотря на все большую очевидность существования социального, политического и экологического краха. Мы имеем дело с ситуацией несоответствия между языком и историческими задачами. Это – другая причина нашей трезвости по поводу мегакризиса, в котором мы оказались.

Язык, является продуктом культуры и ее производителем. Более того, то, как мы употребляем слова и понятия, оказывает влияние на наше поведение и на наше восприятие. Отсюда следует опасность «катехизического» языка с ориентацией на экономику, примером которого служит язык, получивший в настоящее время распространение у большей части человечества.

Рассмотрим три предпосылки вышеупомянутого «катехизиса»: а) потребление сделает меня свободным; б) чтобы стать свободным, мало быть человеком, надо быть потребителем; в) чем больше я потребляю, тем становлюсь свободнее. Как только эти предпосылки приняты (удивительно, что в современном мире их принимают так много людей), перед верующими является долгожданное чудо: рынок получает онтологическое оправдание! В действительности рынок – это лишь матка, способная рожать потребителей! Все приходит к своему завершению: свобода состоит не в бытии, а в обладании. Мой язык сформировал мой мир. Мой мир – это мой язык. Однако, поскольку мой мир не есть весь мир (ибо весь мир суть то, что есть), спасение остается еще возможным. Клаудио предлагает пути к спасению.

Что именно из сказанного выше, и в какой мере относится к эссе, составившим настоящую книгу? Полагаю, что ответ содержится в первом из эссе, которое произвело на меня наибольшее впечатление. И не только потому, что здесь открылась неизвестная мне ранее сторона Тотилы Альберта, которого я знал с детства, но и потому, что в этом эссе я нашел основу для своих размышлений благодаря мыслям этого трагического скульптора (особенно его идеи о патриархальном, материархальном и филиальном как нераздельной троице).

Тотила Альберт говорит устами Клаудио: «патернальный, материальный и филиальный принципы не зависят от пола и возраста. Функция патернального принципа заключается в оплодотворении, производстве, придании определенной формы дару жизни, начиная с хлеба и кончая искусством; функция материального принципа заключается в восприятии, питании, обучении и передаче жизни целостного существа; филиальные функции заключаются в развитии, учебе, стремлении и обретении свободы». Цель нашей деятельности заключается в установлении энергетического равновесия между полами и элементами нашей троицы. При этом установление женского господства «амазонского» типа, фокусирующегося на патриархальных ценностях, не принесет нам никакой пользы.

Я полагаю, что патриархальное находится в сфере знания и языка, материальное обнаруживается в понимании, а филиальное находит выражение в области свободы. Таким образом, три мои проблемы находят прибежище в «нашей троице» Тотилы Альберта. Если такое объединение правомерно, тогда мои размышления обнаруживают мир, в котором патернальное стало дисгармоничным, материальное лишилось доверия, а филиальное объективизировалось. Такое положение дел вполне оправдывает стремление Клаудио убедить нас в необходимости ускорить переход от патриархальной иерархии сознания к гетерархальной организации, основанной на трех принципах отца, матери и сына.

Предложен проект. И, тем не менее, существует очевидная опасность. Каким образом строить гетерархию изнутри иерархии? Как освободить наши действия от языка, который господствует над нашим окружением? Необходимо, вероятно, сконструировать метабессвязность, чтобы преодолеть бессвязность, приковывающую нас к низу.

Мы не знаем, как делать то, что мы должны делать. И это хорошо. Мы лишены уверенности, и это нам помогает. Нам нужно делать открытия. А тот, кто

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

точно знает, куда направляется, никогда ничего не откроет. Тот, кто точно знает, куда идти, одержим двумя идеями: место отправления и место прибытия. Пространство, заключенное между этими точками, воспринимается им как препятствие, которое необходимо преодолеть в кратчайший срок и с максимальной эффективностью. И, однако же, оказывается, что вся затея нашей жизни, возможность сделать открытие находится в этом пространстве, от которого мы отмахиваемся, как от зануды. Перефразируя слова нашего покойного политического деятеля, можно сказать так: «Определенность ничего не порождает, только неопределенность плодотворна». Но одна неопределенность бесполезна. Необходимо знать, как с ней работать.

Единственное средство, пригодное для тех, кто готов отречься от определенности, заключается в том, чтобы научиться плыть по течению, сохраняя бдительность. Отказавшись от ясной картины вещей, нам необходимо выставить антенны восприятия. Чтобы найти новые ответы, мы должны вновь научиться задавать вопросы.

Очерки Клаудио позволяют отправиться в плодотворное плавание и поставить соответствующие вопросы. Его книга доставляет огромное наслаждение исследователям мира, который им еще предстоит открыть.

Манфред Макс-Нееф

Исполнительный директор

Центра альтернативного развития (Чили)

член Исполнительного Совета Римского Клуба Нобелевская Премия по Экономике (1983 г.)

об авторе

Профессор Фрэнк Баррон (специалист по тестированию личности в Калифорнийском университете) охарактеризовал эрудита как «человека, обладающего по всем показателям способностями на уровне гения». Только человек с широким образованием и кругозором отважится на синтез литературы, религии и духовных традиций. К такому типу людей, несомненно, можно отнести Клаудио Наранхо. С детства увлекаясь поэзией, он защитил диплом врача в Чилийском университете и закончил в Чили музыкальную консерваторию. Он преподавал социальную психологию в Чилийском педагогическом училище и психологию искусства в Чилийском Католическом университете. Он имел постоянную медицинскую практику в университетской клинике и принимал участие в руководстве и деятельности кафедры антропологической медицины на медицинском факультете. Он возглавлял психофармакологические исследования, которые привели к внедрению в клиническую практику психотропных средств (яге, ибогайне, МДА).

Наранхо известен как всесторонний и глубокий исследователь в разных психодуховных областях. Его исследования основаны на личном опыте, который был им приобретен под руководством известных преподавателей. Так, например, он прослушал курс психоанализа в Чилийском институте психоанализа, курс интенсивного самоанализа под руководством терапевта, который был учеником Карен Хорни, и курс гештальт-терапии у Фрица Перлса и доктора Джеймса Симкина. О его эрудиции можно судить на основании ряда книг и исследовательских проектов, которые были успешно завершены во время его работы в качестве заместителя руководителя исследований в Институте проблем личности при Калифорнийском университете в Беркли. Его перу принадлежит книга «Один поиск», в которой он одним из первых использовал психологический подход при рассмотрении традиционных духовных путей разных реалий мира. Этот подход был использован и в «Психологии Медитации», написанной совместно с доктором Робертом Орнстейном, для исследования разных школ и методов медитации. Доктор Наранхо был одним из инициаторов создания оригинального курса обучения «Арика» (который был описан в автобиографической книге доктора Джона Лилли «В центре циклона») и адаптировал методы преподавания на основе эннеграмм (уходящих корнями в эзотерику Ближнего Востока) к требованиям современной психологии и психиатрической практики. В большинстве своем книги, посвященные эннеаграммам, прямо или косвенно связаны с курсами лекций, которые доктор Наранхо читал в Институте САТ, школе Интегративного психодуховного

Доктор Наранхо является членом Римского Клуба в США, членом редакционного совета Журнала гуманистической психологии, почетным членом Совета директоров Института гештальт-психологии в Чили и членом совета Института исследований в области культуры в Лондоне. К числу недавно изданных книг, которые принадлежат перу доктора Наранхо, относятся «Целебное странствие», «Девятиречные типологические структуры», «Гештальттерапия: методы и практика нетеоретического экспериментализма» и «Агония патриархата» (оригинал на испанском языке). Он был приглашенным лектором в Гарварде, Университете штата Иллинойс (в рамках Фулбрайтовской Программы), членом Гугенхаймовского Совета Калифорнийского университета в Беркли, а также преподавал в Институте азиатских исследований, Институте Ньингма и Калифорнийском Университете в Санта Крус.

Стюарт Миллер,
доктор философии.

Библиография

[Во время раскопок на территории современной Турции были обнаружены города, [*] датируемые 6000 годом до нашей эры. В отличие от более поздних патриархальных городов, в них отсутствуют признаки, свидетельствующие о ведении войн на их территории в течение 15 столетий. После этого периода они были уничтожены в результате индо-европейских миграций.] Особенno Катал Гуюк.

[В настоящее время исторический этап, последовавший за вышеуказанным периодом, исследован достаточно полно. Патриархальные индоевропейские завоеватели имели преобладающее влияние на матристические культуры [†] благодаря превосходству, основанному на овладении двумя технологиями: приручением лошадей и железной металлургии. Можно считать, что мужские культуры «железного века» соответствуют второй стадии патриархальной организации общества. Согласно описанию, приведенному в Илиаде, эта стадия по степени концентрации власти – дальнейшее ухудшение по сравнению с патриархатом бронзового века.] Термин заимствован у Джамбутас.

[Спасаясь от надвигающейся войны, Тотила покидает Германию с последним судном и направляется в Чили. В Чили он возвращается к занятиям скульптурой, чтобы заработать средства к существованию. [‡]] З десять лет до этого, во время пребывания Тотилы в Берлина, вокруг него образовался круг почитателей его творчества, которые оказывали ему материальную поддержку после того, как он оставил скульптуру и занялся поэзией.

[Первый стих начинается следующим образом: «Нам больше не нужны правительства и отчизны» (1) [§]. И далее: «Земля дарит нам пропитание и ткет нашу одежду» (2) [**]. Первые две строки (скатые в одну строку) отражают мечту, аналогичную мечте Маркса об идеальном обществе без государственной машины, опирающейся на силу, в котором будут удовлетворены потребности человека. Сходным образом последние две строки напоминают проповедь Иисуса о полевых лилиях и птицах, которым не надо беспокоиться о пище. Они проникнуты оптимизмом в том смысле, что подобно природе, которая выполняет свои функции, не взимая за это платы, интегрированное в природный порядок человечество (в гармонии со своей глубинной сущностью) составит благородное и любящее продолжение природы, так что никто не будет лишен «удовольствия быть полезным». «Нам больше не нужны тюрьмы» (3) [††], – говорит он дальше о скрытом состоянии рабства человека в условиях патриархального уклада в обществе и сознании. «Отец! Нам не нужны таможни и бойни» (4) [‡‡] Упоминание о таможнях равносильно упоминанию о границах: основным аспектом нашей проблемы, по мнению Тотилы, является не только торговля товарами, но и разделение мира на «родины». «Бойни», естественно, указывают на обязательный характер войн, то есть на игнорирование возражений им человека независимо от того, проявляется ли «абсолютный отец», которому мы все служим, в форме старомодного тирана или современного и якобы демократического правительства. В последних двух строках этой строфы Тотила обращается к отцу с просьбой вернуться в виде «бескорыстного божественного советника» (5), каким он был до наступления патриархального умопомешательства. [§§] (1) Wir wollen keine Staaten mehr!

Wir wollen keine Vaterlander!

[Первый стих начинается следующим образом: «Нам больше не нужны правительства и отчизны» (1) [§]. И далее: «Земля дарит нам пропитание и ткет нашу одежду» (2) [**]. Первые две строки (сжатые в одну строку) отражают мечту, аналогичную мечте Маркса об идеальном обществе без государственной машины, опирающейся на силу, в котором будут удовлетворены потребности человека. Сходным образом последние две строки напоминают проповедь Иисуса о полевых лилиях и птицах, которым не надо беспокоиться о пище. Они проникнуты оптимизмом в том смысле, что подобно природе, которая выполняет свои функции, не взимая за это платы, интегрированное в природный порядок человечество (в гармонии со своей глубинной сущностью) составит благородное и любящее продолжение природы, так что никто не будет лишен «удовольствия быть полезным». «Нам больше не нужны тюремы» (3) [††], - говорит он дальше о скрытом состоянии рабства человека в условиях патриархального уклада в обществе и сознании. «Отец! Нам не нужны таможни и бойни» (4) [‡‡] Упоминание о таможнях равносильно упоминанию о границах: основным аспектом нашей проблемы, по мнению Тотилы, является не только торговля товарами, но и разделение мира на «родины». «Бойни», естественно, указывают на обязательный характер войн, то есть на игнорирование возражений им человека независимо от того, проявляется ли «абсолютный отец», которому мы все служим, в форме старомодного тирана или современного и якобы демократического правительства. В последних двух строках этой строфы Тотила обращается к отцу с просьбой вернуться в виде «бескорыстного божественного советника» (5), каким он был до наступления патриархального умопомешательства. [§§] (2) Die Erde reicht den Spaten her

Und webt uns alien die Gewander.

[Первый стих начинается следующим образом: «Нам больше не нужны правительства и отчизны» (1) [§]. И далее: «Земля дарит нам пропитание и ткет нашу одежду» (2) [**]. Первые две строки (сжатые в одну строку) отражают мечту, аналогичную мечте Маркса об идеальном обществе без государственной машины, опирающейся на силу, в котором будут удовлетворены потребности человека. Сходным образом последние две строки напоминают проповедь Иисуса о полевых лилиях и птицах, которым не надо беспокоиться о пище. Они проникнуты оптимизмом в том смысле, что подобно природе, которая выполняет свои функции, не взимая за это платы, интегрированное в природный порядок человечество (в гармонии со своей глубинной сущностью) составит благородное и любящее продолжение природы, так что никто не будет лишен «удовольствия быть полезным». «Нам больше не нужны тюремы» (3) [††], - говорит он дальше о скрытом состоянии рабства человека в условиях патриархального уклада в обществе и сознании. «Отец! Нам не нужны таможни и бойни» (4) [‡‡] Упоминание о таможнях равносильно упоминанию о границах: основным аспектом нашей проблемы, по мнению Тотилы, является не только торговля товарами, но и разделение мира на «родины». «Бойни», естественно, указывают на обязательный характер войн, то есть на игнорирование возражений им человека независимо от того, проявляется ли «абсолютный отец», которому мы все служим, в форме старомодного тирана или современного и якобы демократического правительства. В последних двух строках этой строфы Тотила обращается к отцу с просьбой вернуться в виде «бескорыстного божественного советника» (5), каким он был до наступления патриархального умопомешательства. [§§] (3) wir wollen kein Gefangnis mehr

[Первый стих начинается следующим образом: «Нам больше не нужны правительства и отчизны» (1) [§]. И далее: «Земля дарит нам пропитание и ткет нашу одежду» (2) [**]. Первые две строки (сжатые в одну строку) отражают мечту, аналогичную мечте Маркса об идеальном обществе без государственной машины, опирающейся на силу, в котором будут удовлетворены потребности человека. Сходным образом последние две строки напоминают проповедь Иисуса о полевых лилиях и птицах, которым не надо беспокоиться о пище. Они проникнуты оптимизмом в том смысле, что подобно природе, которая выполняет свои функции, не взимая за это платы, интегрированное в природный порядок человечество (в гармонии со своей глубинной сущностью) составит благородное и любящее продолжение природы, так что никто не будет лишен «удовольствия быть полезным». «Нам больше не нужны тюремы» (3) [††], - говорит он дальше о скрытом состоянии рабства человека в условиях патриархального уклада в обществе и сознании. «Отец! Нам не нужны таможни и бойни» (4) [‡‡] Упоминание о таможнях равносильно упоминанию о границах: основным аспектом нашей проблемы, по мнению Тотилы, является не только

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
торговля товарами, но и разделение мира на «родины». «Бойни», естественно, указывают на обязательный характер войн, то есть на игнорирование возражений им человека независимо от того, проявляется ли «абсолютный отец», которому мы все служим, в форме старомодного тирана или современного и якобы демократического правительства. В последних двух строках этой строфы Тотила обращается к отцу с просьбой вернуться в виде «бескорыстного божественного советника» (5), каким он был до наступления патриархального умопомешательства. [§§] (4) *kien Zuchtzus und kein Schlachthaus, Vater*

[Первый стих начинается следующим образом: «Нам больше не нужны правительства и отчизны» (1) [§]. И далее: «Земля дарит нам пропитание и текет нашу одежду» (2) [**]. Первые две строки (сжатые в одну строку) отражают мечту, аналогичную мечте Маркса об идеальном обществе без государственной машины, опирающейся на силу, в котором будут удовлетворены потребности человека. Сходным образом последние две строки напоминают проповедь Иисуса о полевых лилиях и птицах, которым не надо беспокоиться о пище. Они проникнуты оптимизмом в том смысле, что подобно природе, которая выполняет свои функции, не взимая за это платы, интегрированное в природный порядок человечество (в гармонии со своей глубинной сущностью) составит благородное и любящее продолжение природы, так что никто не будет лишен «удовольствия быть полезным». «Нам больше не нужны тюрьмы» (3) [††], - говорит он дальше о скрытом состоянии рабства человека в условиях патриархального уклада в обществе и сознании. «Отец! Нам не нужны таможни и бойни» (4) [‡‡]. Упоминание о таможнях равносильно упоминанию о границах: основным аспектом нашей проблемы, по мнению Тотилы, является не только торговля товарами, но и разделение мира на «родины». «Бойни», естественно, указывают на обязательный характер войн, то есть на игнорирование возражений им человека независимо от того, проявляется ли «абсолютный отец», которому мы все служим, в форме старомодного тирана или современного и якобы демократического правительства. В последних двух строках этой строфы Тотила обращается к отцу с просьбой вернуться в виде «бескорыстного божественного советника» (5), каким он был до наступления патриархального умопомешательства. [§§] (5) *wir fordern deine Wiederkehr*

Als reinen himmlischen Berater

[Различие во взглядах между Тотилой и политическими анархистами состоит в том, что общество, которое, по его мнению, должно существовать без правительства, нуждается в управлении. Вместе с тем он разделял веру наиболее здравомыслящих анархистов, что свобода личности расцветает в проникнутых любовью проявлениях и совместима с общим благом: «Свобода - это прямой путь, по которому шествуют наши обязанности» (6) [***], - говорит он. И далее, в пятой строфе первого гимна, он восклицает: «долой】 (6) *Die Freiheit ist die rechte Bahn*

Fut der strengen Pfichten laufen

[деньги! долой порабощение женщин и детей! вы хотите навсегда лишить пробуждения грезящего сновидца». (7) [†††]] (7) *Fort mit dem Geld! Fori das Geschaf!*

Mit Sklavenmuttern! Sklavenkindern!

[Роботизированное человечество не подозревает о своем рабстве подобно муравью, который не сознает ограниченности своей свободы. И тем не менее для человека, в котором пробудилось сознание реального состояния общества и человеческих отношений, становится совершенно очевидной рабская подчиненность женских сторон психики и внутреннего ребенка диктату навязанного авторитета. Тотила называл «вырожденным патриархатом» состояние общества, при котором люди придавлены авторитетом (*pater familias*) (отца семейства), папы римского или императора. Он следующим образом заканчивает свой первый гимн, выбранный мною для разбора потому, что он символизирует его творчество в целом: «И тем не менее таков смысл этого сновидения: необходимо по пробуждении воплотить его в жизнь! Земля уже покорена. Так превратим же ее в дом!» (8) [‡‡].] (8) *Das aber ist Sinn im Traum:*

Den Traum Erfullen beim Erwachen!

Erobert ist der Erdenraum

Zur Heimat wollen wir ihn machen!

[критикуя «солярный» [§§§] патриархальный строй, Уилбер в первую очередь обращает внимание на человеческие жертвоприношения. Однако известно, что жертвоприношения – наследие предыдущей эпохи, центрировавшейся на материнском принципе. Он ни слова не упоминает ни о военных жертвоприношениях, ни о таком постоянном жертвоприношении, как бедность – еще об одном проявлении господства сильного над слабым. Это господство началось (как указала Герда Лернер) с порабощения женщин, получило продолжение в виде всеобщего порабощения, а затем приобрело всевозможные формы социального неравенства, которые, по мнению Маркса, внутренне присущи нашему недугу. Стремясь представить коллективную и индивидуальную трансформацию в виде линейной прогрессии (лестницы, ведущей к небесам), Уилбер, как мне кажется, прибегает к излишним упрощениям.] См. теорию развития человечества, выдвинутую Гебсером.

[Символику барельефа можно конкретизировать следующим образом: над крыльями кондора, который несет сына, указывающего вперед, слева помещается мать, указывающая вниз (на землю и сына), а справа – отец, указывающий на небо. Если наше обычное состояние характеризуется инфантильной фиксированностью, благодаря которой мы сохраняем регressive отношение потребности и амбивалентности к родителям нашего детства, [****] тогда потенциально заключенный в нас здоровый ребенок может, опираясь на свою любовь к внутреннему отцу и матери, овладеть качествами отцовской и материнской любви и таким образом объединить в одно целое любовь к небу и любовь к земле, любовь к мудрости и любовь к природе, любовь к божественной трансцендентности и любовь к божественной имманентности.] Для состояния зрелости характерна свобода от влияния воспитания, полученного в детстве.

[Если я не ошибаюсь, придавая особое значение ассиляции буддийского видения европейской культурой (главным образом, на уровне специалистов и первопроходцев в области внутреннего поиска), значит, нам необходимо понять огромную важность сравнительно недавнего события: исход тибетцев из своей страны после китайского вторжения в 1958 году. Из всех народов земного шара тибетцы более других продвинулись в области воспитания сознания. Уже очень давно они закрыли свои границы для остального мира и превратили свою страну в своеобразную оранжерею высшего духовного развития, которое продолжалось вплоть до вторжения китайских коммунистов, принесших с собой геноцид и разрушение храмов. Многим тибетцам пришлось расстаться со своей уединенной жизнью и, подобно семенам некоторых растений, разлетающихся после того, как зрелые плоды лопнут, они отправились в Индию, а затем и в другие страны. Современная тибетская диаспора, как мне кажется, потенциальный дар огромной ценности для тех, кто знает, как извлечь из него пользу, и просвещенные руководители общества поступили бы мудро, приняв это к сведению. [||||] Торговые связи с Китаем для большинства стран важнее, чем судьба тибетцев. Только Индия, Мексика и Непал признали далай-ламу политическим руководителем Тибета.

[Вероятно, мы могли бы сделать нечто подобное: ограничить число преподаваемых в школе "предметов (в действительности большую часть своих познаний мы приобретаем вне стен школы), сократить многое из того, что делается в школе, и привлечь к работе в школах (в том числе в педагогических учебных заведениях) лиц, посвятивших себя своему внутреннему (высшему) развитию в рамках нарастающего практического, терапевтического и духовного движения. [##] В рамках этого широкого движения и необходимо искать людей, способных оказать помощь современному поколению педагогов, причем руководители педагогических заведений могут приглашать их на временную работу, по крайней мере, в связи с подготовкой будущих холистических педагогов Ибо источником жизни может быть только жизнь, а источником зрелости – зрелость.] Наше время оскудения образования является также временем терапевтического и духовного обогащения благодаря появлению на постфрейдовской волне различных течений: «За развитие человеческого потенциала», «Гуманистическая психология», «Трансперсональная психология» и «Революция сознания».

[Проблема пробуждения инстинктивного начала тесно связана с проблемой спонтанного исцеления и развития, для обозначения которого можно употребить древнеиндийский термин «кундалини». Я понимаю под кундалини не что иное, как пробуждение в человеке свойственных рептилиям способностей, которые по отношению к физическому существованию выполняют функцию инстинктивно-гомеостатического аппарата. Это своеобразный психический «орган» саморегуляции на тонких уровнях психики, или функция управления,

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org благодаря которой человек продвигается по пути развития. Метод кундалини, характерный для шаманизма и тантризма, привлек к себе внимание в наше время, когда ряд психотических и физических опытов был истолкован как «случай кундалини», и возникли специальные центры для их исследования. [§§§§] Этой теме посвятила свою деятельность Американская сеть оказания духовной помощи (созданная Грефами), которая организовала международную конференцию, посвященную методу кундалини. В Сан-Франциско существует клиника, в которой применяется метод кундалини.

[В настоящее время внутреннее или высшее водительство получает широкое признание, которое, в частности, проявляется в появлении многочисленных ясновидцев и терапевтов, полагающих, что их деятельность протекает под водительством сродни шаманскому. [****] В современной американской культуре заметное место заняло «канализирование». Этот термин указывает на происходящее с людьми, восприимчивыми к запредельным для их сознания посланиям, как, например, в случае автоматического письма или процесса, позволившего написать такие книги, как «Сет вещает» и «Курс лекций о чудесах». [|||||] Когда я просматривал эту главу, в Журнале Американской академии психотерапевтов («Мнения: искусство и наука психотерапии», т.28, №4, Винтер, 1992) как раз появилась статья по данному вопросу («Психотерапевт и шаман»).

[В настоящее время внутреннее или высшее водительство получает широкое признание, которое, в частности, проявляется в появлении многочисленных ясновидцев и терапевтов, полагающих, что их деятельность протекает под водительством сродни шаманскому. [****] В современной американской культуре заметное место заняло «канализирование». Этот термин указывает на происходящее с людьми, восприимчивыми к запредельным для их сознания посланиям, как, например, в случае автоматического письма или процесса, позволившего написать такие книги, как «Сет вещает» и «Курс лекций о чудесах». [|||||] Этот объемистый самоучитель обязан своим появлением психологу-экспериментатору, который не верил в существование запредельного и явлений, составивших его содержание.

[чойгъям Трунгпа [1]]shambala / The Sacred Path of the warrior, by Chogyam Trungpa, Shambala, CO, 1984.

[На протяжении всей книги проявление упомянутой тройственности рассматривается с разных точек зрения. Так, например, в первой и третьей главах исследуется тройственность «отец», «мать» и «ребенок», причем в первой главе выделяется социально-культурная сфера, а в третьей – внутренняя психодинамическая сфера и семья. После рассмотрения целостности человека как равновесия суб-персоналий, членов семьи и культурных ценностей, соотнесенных с мужским, женским и детским принципами, во второй главе целостность рассматривается как сбалансированное взаимодействие интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер. Рассмотрение во второй главе четверичности тела, чувств, интеллекта и духа не противоречит троичности, поскольку, рассматривая их, я понимаю дух как то, что объединяет и трансцендирует физическую аффективную и ментальную сферы. (Соотношение трех и четырех можно понимать в свете метафоры трех букв, которые составляют четверичное имя Бога (Тетраграмматон) в Ветхом Завете, или как соотношение трехстороннего основания тетраэдра и его вершины. Эта тема рассматривается и в четвертой главе, посвященной неошаманизму, где особое внимание уделяется триединству мозга человека. (На основе термина Маклина «триединый мозг» я получил термин «триединое общество») [2].]The Triune Brain in Evolution, by Paul D. MacLean, Plenum Press, New York, 1990.

[В своем монументальном исследовании истории Арнольд Тойнби полвека назад показал [3], что цивилизации являются коллективными организациями, которые рождаются и умирают. Он на примерах' продемонстрировал, как одни из них погибают в результате поглощения другими. Несмотря на то, что нам известен этот исторический феномен рождения и смерти цивилизаций, мы не вправе утверждать, что мы знаем хотя бы одну возрожденную цивилизацию. Европейский Ренессанс, который более других примеров заслуживает этого названия, есть новое начало (начало трансформации, в которой мы продолжаем участвовать), а вовсе не смерть и возрождение определенной культуры. Иудео-христианская и греко-римская культуры считаются соответственно отцом и матерью нашего западного мира. Точно так же можно утверждать, что во времена Ренессанса из этих двух потоков возник плод, который не только интегрировал их, но и

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
появил индивидуальность, сознаваемую нами как наша собственная.]A Study of History, by Arnold J. Toynbee, Oxford University Press, London, 1935, 1961.

[Я должен выразить свою благодарность Ассоциации холистического здоровья и образования за приглашение продолжить свои размышления об образовании после издания «Одного поиска». [4] После конференции, проведенной Ассоциацией в 1981 году в Санта-Барбаре, меня все больше беспокоила актуальность реформы образования, и я стремился оказать влияние на практику образования как на местном, так и на международном уровне. Поэтому во второй главе книги, посвященной холистическому образованию, развивается тема, заявленная в первой главе (посвященной отживающей патриархальной ментальности). Сходным образом в третьей главе (в которой рассматривается процесс квадринити) развивается тема ресурсов образования, к которой я стремился привлечь внимание, когда писал о педагогике любви. Несколько лет назад в предисловии к работе Роберта Хоффмана «Никто не виноват» [5] я писал, что чувствую себя своего рода Иоанном Крестителем его работы (которая называлась тогда Процесс Фишера-Хоффмана). Мне довелось первым заняться прикладным аспектом его идей о групповой терапии и разрабатывать интенсивную форму процесса – нечто вроде стержня метода, известного во многих странах мира. Надеюсь, что эта книга привлечет внимание школ к применению этого метода при обучении подростков.]The One Quest, by Claudio Naranjo, Viking Press, New York, 1972.

[Я должен выразить свою благодарность Ассоциации холистического здоровья и образования за приглашение продолжить свои размышления об образовании после издания «Одного поиска». [4] После конференции, проведенной Ассоциацией в 1981 году в Санта-Барбаре, меня все больше беспокоила актуальность реформы образования, и я стремился оказать влияние на практику образования как на местном, так и на международном уровне. Поэтому во второй главе книги, посвященной холистическому образованию, развивается тема, заявленная в первой главе (посвященной отживающей патриархальной ментальности). Сходным образом в третьей главе (в которой рассматривается процесс квадринити) развивается тема ресурсов образования, к которой я стремился привлечь внимание, когда писал о педагогике любви. Несколько лет назад в предисловии к работе Роберта Хоффмана «Никто не виноват» [5] я писал, что чувствую себя своего рода Иоанном Крестителем его работы (которая называлась тогда Процесс Фишера-Хоффмана). Мне довелось первым заняться прикладным аспектом его идей о групповой терапии и разрабатывать интенсивную форму процесса – нечто вроде стержня метода, известного во многих странах мира. Надеюсь, что эта книга привлечет внимание школ к применению этого метода при обучении подростков.]No One is to Blame: Getting a Loving Divorce from Mom and Dad, by Robert Hoffman, Science and Behavior Books, Inc., Palo Alto, CA, 1979.

[Несмотря на то, что в последние годы появился ряд книг, посвященных нашей «поворотной точке» (если воспользоваться удачным выражением Капры [6]), настоящее собрание эссе выделяет не интеллектуальные, а эмоциональные факторы трансформации людей и содержит немало нового и стимулирующего к действию материала. Поэтому я с удовольствием даю разрешение на издание этой книги.]The Turning Point: Science and the Rising Culture, by Fritjof Capra, Simon and Schuster, New York, 1982.

[Герда Лернер [7]]The Creation of the Patriarchy, by Gerda Lerner, Oxford University Press, London, 1986.

[Норман О.Браун [8]]Apocalypse And/Or Metamorphosis, by Norman O. Brown, University of California Press, CA, 1991.

[Фритьоф Капра [9]] Capra, op. cit.

[Мери Дейли [10]] Naranjo, op. cit.

[Я писал под впечатлением того, что происходило вокруг меня. За несколько лет до этого я приехал в Калифорнию и обнаружил там подъем, для обозначения которого впоследствии стали употреблять выражения: «революция сознания», «Новый Век», «движение за развитие человеческого потенциала» и т.д. В то время проблема рождения или возрождения культуры занимала меня больше, чем проблема смерти культуры (хотя последняя проблема приобрела зримые очертания после издания «Заката Европы» Шпенглера [11]).]The Decline of the West, by Oswald Spengler, Modern Library, New York, 1965.

[Самым замечательным для человека, приехавшего в Калифорнию в начале 60-х

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

годов, была своеобразная революция – «тихая революция» – прекратившая бунт против вещей. Революция была настолько глубокой, что некоторые ценности оказались преданы забвению; она носила скорее внутренний, чем внешний характер и вместе с тем отличалась такой радикальностью, что Теодор Рошак [12] вполне заслуженно охарактеризовал ее как возникновение «контркультуры». Она свела вместе людей, которые, покинув пределы традиционного разделения на правых и левых, обратили внимание на «свои личные проблемы». Они стали куда менее предвзято относиться к проблемам и вопросам, которые считались ранее заслуживающими внимания как в области общепринятых институтов, так и в сфере идеологий. После отказа от шаблонных ответов, которые с легкостью принимались ими в процессе так называемого «обучения», оставленные без ответов вопросы вновь возродились. Я имею в виду не интеллектуальные вопросы, а то невыразимое, что лежит в основе большинства вопросов: экзистенциальное стремление, поиск. Я бы сказал, что мы входим в эпоху поиска. В настоящее время происходит ренессанс, сердцевину которого образуют психология и новые религии подобно тому, как сердцевину итальянского ренессанса составляло искусство.]*The Making of a Counter Culture; Reflections on the Technocratic Society and its Youthful Opposition*, by Theodore Roszak, Doubleday 6, Garden City, NY, 1969.

[По моему мнению, Римский клуб первым затронул проблему кризиса. По крайней мере, он первым внес существенный вклад в дело осознания на мировом уровне надвигающейся опасности, связанной со всем тем, что называлось прогрессом. В США было опубликовано сообщение «Пределы роста», [13] в котором нас предупреждали о том, что человечество вымрет подобно динозаврам, если не прекратится дальнейший рост населения. Далее говорилось, что развитие промышленности, которое до сих пор рассматривалось как прогресс, приводит к неожиданному и разрушительному загрязнению окружающей среды, а также к истощению непроизводимых природных ресурсов.]*The Limits to Growth*, by Donella H. Meadows, et al., Univers Books, New York, 1972.

[Кризис принял разнообразные формы. В 1965 году, размышляя о мире 2000 года, известные футурологи Кан и Винер [14] еще не упоминают о проблемах экологии и загрязнения окружающей среды. Во время переработки этой главы в Бразилии закончилась конференция по экологии, на которой присутствовали представители более 140 стран, 76 глав государств, а также многочисленных неправительственных организаций. История многосторонней дипломатии не знает подобного случая.]*The Year 2000*, by Herman Kahn and Anthony J. Wiener, Macmillan, New York, 1967.

[Таким образом, для нынешнего состояния человечества характерно нечто похожее на безумие. Последние десять лет в людях чувствуется чрезвычайная беспокойность. Эту тему повсюду обсуждают и ставят самые разные диагнозы. Многие авторы (Габриэль Марсель, Барбара Гарсон [15] и другие) считают технократическую форму проявления величайшим злом. Теодор Рошак предпочитал называть ее «технократическим тоталитаризмом». В своей книге «Краткий путеводитель по будущему» [16] Уиллис Гарман связывает все это с ментальностью промышленного человека. Он попытался показать, что, помимо технологий и современной капиталистической экономики, мы создали образ жизни, связанный с определенной ментальностью, которая, несмотря на свои благие намерения, в конечном счете несет ответственность за все трудноразрешимые последствия. В сравнительно недавно изданном «Поворотном пункте» [17] Капра придает большее значение нашему одностороннему рационализму и механистическому подходу к себе и миру, нежели индустриализму и связанному с ним образу жизни.]*The Electronic Sweatshop: How Computers are Transforming the Office of the Future into the Factory of the Past*, by Barbara Garson, Simon and Schuster, New York, 1988.

[Таким образом, для нынешнего состояния человечества характерно нечто похожее на безумие. Последние десять лет в людях чувствуется чрезвычайная беспокойность. Эту тему повсюду обсуждают и ставят самые разные диагнозы. Многие авторы (Габриэль Марсель, Барбара Гарсон [15] и другие) считают технократическую форму проявления величайшим злом. Теодор Рошак предпочитал называть ее «технократическим тоталитаризмом». В своей книге «Краткий путеводитель по будущему» [16] Уиллис Гарман связывает все это с ментальностью промышленного человека. Он попытался показать, что, помимо технологий и современной капиталистической экономики, мы создали образ жизни, связанный с определенной ментальностью, которая, несмотря на свои благие намерения, в конечном счете несет ответственность за все трудноразрешимые последствия. В сравнительно недавно изданном «Поворотном пункте» [17] Капра придает большее значение нашему одностороннему

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
рационализму и механистическому подходу к себе и миру, нежели
индустриализму и связанному с ним образу жизни.]An Incomplete Guide to the
Future, by Willis Harman, San Francisco Book Co. Inc., San Francisco, CA,
1976.

[Таким образом, для нынешнего состояния человечества характерно нечто похожее на безумие. Последние десять лет в людях чувствуется чрезвычайная беспокойство. Эту тему повсюду обсуждают и ставят самые разные диагнозы. Многие авторы (Габриэль Марсель, Барбара Гарсон [15] и другие) считают технократическую форму проявления величайшим злом. Теодор Рошак предпочитал называть ее «технократическим тоталитаризмом». В своей книге «Краткий путеводитель по будущему» [16] Уиллис Гарман связывает все это с ментальностью промышленного человека. Он попытался показать, что, помимо технологий и современной капиталистической экономики, мы создали образ жизни, связанный с определенной ментальностью, которая, несмотря на свои благие намерения, в конечном счете несет ответственность за все трудноразрешимые последствия. В сравнительно недавно изданном «Поворотном пункте» [17] Капра придает большее значение нашему одностороннему рационализму и механистическому подходу к себе и миру, нежели индустриализму и связанному с ним образу жизни.] Сарга, op. cit.

[Тема патриархата была введена в рассмотрение более века назад Иоганном Якобом Баухофеном (1815–1887), [18] швейцарским историком права, чья работа по материнскому праву оказала влияние на антропологов, феминистское движение, Ницше, Энгельса и других.]Myth, Religion, and Mother Right: Selected Writings, by Johann Jakob Bachofen, Princeton/Bollingen Paperback, 1973 (Original German Publication, 1926). Bollingen Series LXXXIV, Princeton University, Princeton, NJ.

[Антропология (в первую очередь работы Малиновского и Маргарет Мид) познакомили нас с живыми непатриархальными обществами. Вместе с тем, неизвестно, сколько мы можем узнать о нашей предыстории благодаря этим обществам. В 1927 году была издана монументальная работа Роберта Брифо «Матери» [19] – замечательное обобщение результатов исследований о народах, центрирующихся на материнском принципе, которые были получены еще до того, как специалисты утратили к данной теме интерес. Работа была написана как противодействие господствовавшей в то время точке зрения, согласно которой патриархальный уклад семьи считался проявлением естественного закона. Ученый справился с этой задачей. Благодаря ему центр исследований в области антропологии переместился с проблемы материнского правления (проблема наследования) через проблему матери к следующему вопросу: проживает или не проживает после заключения брака жена в доме мужа (патрилокия или матрилокия). Ему же мы обязаны мыслью о том, что первоначально брак представлял собой договор, согласно которому мужчине одной группы разрешалось вступать в половую связь со всеми женщинами другой группы, но запрещалось это с женщинами из своей собственной группы.]The Mothers, by Robert Briffault, abridged with introduction by Gordon Rattray Taylor, George Allen and Unwin, Ltd., London, 1927, 1959.

[Более впечатляющим, чем антропологические свидетельства, является подтверждение мнения Баухофена археологическими находками на Ближнем Востоке и в доарийской Европе. Это имеет особую важность в связи с сельскохозяйственной революцией в эпоху неолита и позднего палеолита. При раскопках были обнаружены буквально тысячи женских фигурок (их иногда называют Венерами), изображающих полных, беременных женщин с едва обозначенными ногами и руками. Они почти целиком состоят из чрева, и даже голова у них кажется не более, чем треугольником. Наводя на мысль об иконах, они, как полагают, косвенно указывают на созидающую мощь природы. Места находок разбросаны по всей Европе, что свидетельствует о широком распространении религиозного отношения к женскому божеству. Это – творческое, созидающее божество, связанное с плодородием. Мария Джамбутас посвятила много времени его исследованиям. [20]]The Language of the Goddess, by Marija Gimbutas, Harper and Row, New York, 1989.

[И все же термин «патриархат» получил наибольшую известность вовсе не в специальных областях археологии и этнологии, а в его тесной связи с женским движением. Первоначально это слово имело значение «главный или заклятый враг», но впоследствии стало употребляться исключительно для обозначения врага женщин. Так, например, в 1970 году Ева Фиджес написала книгу «Патриархальные отношения», [21] в которой выносится обвинительный приговор мужской несправедливости. В какой-то мере это политическая книга, поскольку

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
в ней проводится сравнение между мужским шовинизмом и антисемитизмом и
защищаются интересы угнетенных и эксплуатируемых.]*Patriarchal Attitudes*, by
Eva Figes, Fawcett Premier Book Fawcett World Library, New Jork, 1971.

[Со временем, однако, феминистки пришли к выводу, что в главном враге женщин следует видеть еще и врага детей, а поскольку все мы были детьми, то и врага человечества. Так, в «Гинекологии» [22] Мери Дэйли я нашел ссылку на книгу франсуазы Дюбоне «Феминизм или смерть», [23] в которой автор вводит в обращение слово «экофеминизм» и уверяет, что «под угрозу поставлена судьба человечества и всей планеты, и никакая «революция», осуществляемая под руководством мужчин, не в состоянии устраниить ужасы перенаселения и уничтожения природных ресурсов». далее, в своем эссе, посвященном «Метаэтике радикального феминизма», она замечает: «Я разделяю основную предпосылку, но придерживаюсь иного подхода и расставляю иные акценты. Уделяя внимание всем видам загрязнения в фал-лотехническом обществе, я рассматриваю в этой книге, главным образом, загрязнение ума, духа и тела, вызываемое патриархальным мифом и языком на всех уровнях: от грамматических стилей до типов волшебства, от религиозного мифа до неприличных анекдотов, от церковных гимнов с почитанием «реального присутствия» Христа до коммерческой вкрадчивости в рекламах кока-колы как «настоящем лакомстве», от догматических доктрин о «Господе Боге» до поддельных рецептов пирогов для домохозяек, от рекламы, воздействующей на подсознание, до «высокого» искусства. Фаллический миф и язык порождают, узаконивают и маскируют материальное загрязнение, угрожает уничтожением всему живому на этой планете.].*Gynecology: The Metatheatics of Radical Feminism*, by Mary Daly, Beacon Press, Boston, MA, 1978/1990.

[Со временем, однако, феминистки пришли к выводу, что в главном враге женщин следует видеть еще и врага детей, а поскольку все мы были детьми, то и врага человечества. Так, в «Гинекологии» [22] Мери Дэйли я нашел ссылку на книгу франсуазы Дюбоне «Феминизм или смерть», [23] в которой автор вводит в обращение слово «экофеминизм» и уверяет, что «под угрозу поставлена судьба человечества и всей планеты, и никакая «революция», осуществляемая под руководством мужчин, не в состоянии устраниить ужасы перенаселения и уничтожения природных ресурсов». далее, в своем эссе, посвященном «Метаэтике радикального феминизма», она замечает: «Я разделяю основную предпосылку, но придерживаюсь иного подхода и расставляю иные акценты. Уделяя внимание всем видам загрязнения в фал-лотехническом обществе, я рассматриваю в этой книге, главным образом, загрязнение ума, духа и тела, вызываемое патриархальным мифом и языком на всех уровнях: от грамматических стилей до типов волшебства, от религиозного мифа до неприличных анекдотов, от церковных гимнов с почитанием «реального присутствия» Христа до коммерческой вкрадчивости в рекламах кока-колы как «настоящем лакомстве», от догматических доктрин о «Господе Боге» до поддельных рецептов пирогов для домохозяек, от рекламы, воздействующей на подсознание, до «высокого» искусства. Фаллический миф и язык порождают, узаконивают и маскируют материальное загрязнение, угрожает уничтожением всему живому на этой планете.].*Le Feminisme ou la Mort*, by Francoise d'Eubonne (in Mary Daly, p.9).

[Рут Эйслер в «Чаше и клинке» [24] более определенно указала на патриархат как на главную проблему человечества. Резюмируя основные результаты специальных исследований, Эйслер напоминает нам, что патриархальный образ жизни, отнюдь не присущий человечеству, представляет собой падение из «райя» допатриархального состояния в эпоху неолита. Она утверждает, что говорить о патриархальном укладе, значит говорить об обществе, основанном на господстве, и что такое общество, основанное на господстве мужского начала (санкционированного силой), является центральной aberrацией нашей культуры. Благодаря важности даже этой одной мысли работа Эйслер «Чаша и клинок» имеет гораздо большее значение, чем обычная популяризация антропологических и исторических исследований. Возможно, эта ее мысль вполне оправдывает утверждение Эшли Монтею, что ни одну книгу он не рекомендовал бы так, как эту, и она «достойна стать самой важной работой со временем появления «Происхождения видов» Дарвина»].*The Chalice and the Blade: Our History, Our Future*, by Riane T.Eisler, Harper and Row, San Francisco, CA, 1987.

[Я склоняюсь к мысли, что мнение об ухудшении общества после допатриархального, эгалитарного рая связано с идеализацией матрической эпохи, сопоставимой с идеализацией патриархального уклада, которую недавно предложил нам Кен Уилбер в книге «Восстань из Эдема». [25] Оптимальное представление об эпохе неолита можно получить на основе сведений о

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org современных матрилинеальных обществах. Наблюдения за этими обществами не позволяют утверждать, что перед нами – эпоха расцвета человечества. На память приходят слова Эриха Фромма об этой стадии развития человечества: «кровосмесительный союз с землей».]Up From Eden: A Transpersonal View of Human Evolution, by Ken Wilber, first edition, Anchor Press/Doubleday, Garden City, NY, 1981.

[Специалисты в области социальной философии обычно подчеркивают эволюционный аспект перехода от матриархального к патриархальному укладу. Вместе с тем необходимо признать существование и эволюционного аспекта – падение, избыточную патологию, вырождение. Джозеф Кемпбелл, например, предложил понимать указанную патологию как «мифическую инфляцию». [26] Это выражение было введено им при обсуждении проблемы египетских царей, уносявших с собой в могилу членов своей семьи и слуг (предшественник более позднего обычая самосожжения вдовы над трупом своего мужа). Из письменных свидетельств о духовной жизни известно, что патологическая претенциозность возникает на определенном уровне незрелости как препятствие на пути духовного опыта. Аналогичным образом можно предположить, что наряду с важнейшим прорывом в сознании совершаются преступления во имя такого прорыва. Поэтому Уилбер имел право воспевать победу Зевса над Тифоном – независимость человеческого духа от природы – трансцендентность вопреки матери Природе, космическую индифферентность наперекор Эросу, высшую отрешенность Аполлона после капитуляции диониса.]The Masks of God: Oriental Mythology, by Joseph Campbell, Viking Press, New York, 1962.

[Вместо приглашения к восстановлению прошлого партнерства между полами Тотила предлагает (используя удачное выражение Сальвадора Паникера²⁷ [27]) ретропрогрессивное решение проблемы: ретропрогрессивное в смысле реинтеграции условий и ценностей допатриархальных эпох, и прогрессивное в том смысле, что мы до сих пор не знали гармонии между вышеупомянутыми тремя элементами – ни в эпоху матриархата, ни в варварскую эпоху анималистического индивидуализма, в которую мы вступили, когда наши предки выработали взгляды на общество, соответствующие суровой борьбе за выживание в ледниковый период. Далекий от того, чтобы призывать к возвращению к обществу, основанному на материнском принципе, или к состоянию потерянного рая, Тотила предлагает нам сделать нечто совершенно иное: построить общество, которого у нас не было за всю нашу историю последовательных дисбалансов (каждый из которых являлся функциональной реакцией на травматические условия жизни на этой планете).]Retropgressive Essays, by Salvador Paniker, Editorial Kairos, 1987.

[Современные мыслители, начиная с теологов (Мэттью Фокс) и кончая феминистками (Барбара Мор [28]), уже предложили такую интерпретацию нашей последней революции. В частности, упоминая об экологической проблеме (и предлагая ее в качестве парадигмы современной, ретропрогрессивной ориентации), Сальвадор Паникер²⁴ [29] отмечает, что в этом случае мы наблюдаем возрождение матери и духа неолита. В одном эссе он говорит следующее:]The Great Cosmic Mother: Rediscovering the Religion of the Earth, by Monica Sjoo and Barbara Mor, Harper and Row, San Francisco, CA, 1987.

[Современные мыслители, начиная с теологов (Мэттью Фокс) и кончая феминистками (Барбара Мор [28]), уже предложили такую интерпретацию нашей последней революции. В частности, упоминая об экологической проблеме (и предлагая ее в качестве парадигмы современной, ретропрогрессивной ориентации), Сальвадор Паникер²⁴ [29] отмечает, что в этом случае мы наблюдаем возрождение матери и духа неолита. В одном эссе он говорит следующее:] Paniker, op. cit.

[На начальном этапе, я полагаю, женское движение было поглощено соперничеством за мужские прерогативы, которые в неясном виде содержали «неверную оценку женщин» (термин принадлежит Кэрол Таврис [30]). Благодаря такому подходу, патриархальные стандарты оставались бесспорными при заниженной оценке функций (или качеств), связанных с женским началом. В условиях эгалитаризма, который требовал во всем единобразия, само существование половых различий оказывалось под запретом. Теперь нам известно, что нервные системы мужчины и женщины отличаются друг от друга не в меньшей степени, чем их тела. Уже при рождении женщины (с точки зрения статистики) характеризуются большей зависимостью и меньшей агрессивностью, тогда как для мужчин характерна высокая степень специализации полушарий головного мозга (более развитый у женщин корpus callosum обеспечивает

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org лучшую координацию полушиарий). В связи с этими особенностями очень важно, чтобы женщины не были исключены из процесса принятий решений по важным для всех нас вопросам. К счастью, неофеминизм правильно оценивает различия и ориентируется на взаимодополняемость и улучшение качества общения между представителями противоположного пола (см. увлекательную книгу Деборы Теннен «Вы просто не понимаете».31 [31] Вместе с тем необходимо остерегаться абсолютизации различий. Утверждение Тотилы о том, что принципы Отца, Матери и Ребенка не зависят от пола и возраста, напоминают нам, что, независимо от своей общей соотнесенности, они могут быть по-разному связаны на индивидуальном уровне. Каждого из нас необходимо оценивать по его конкретному комплексу характерных черт. Наша задача заключается не только в выравнивании силового равновесия между полами, но и в гуманизации внутренних элементов.]*The Mismeasure of Woman: Why Women are Not the Better Sex, the Inferior Sex, or the Opposite Sex*, by Carol Tavris, Touchstone Books (Simon and Schuster), New York, 1993.

[На начальном этапе, я полагаю, женское движение было поглощено соперничеством за мужские прерогативы, которые в неясном виде содержали «неверную оценку женщин» (термин принадлежит Кэрол Таврис [30]). Благодаря такому подходу, патриархальные стандарты оставались бесспорными при заниженной оценке функций (или качеств), связанных с женским началом. В условиях эгалитаризма, который требовал во всем единообразия, само существование половых различий оказывалось под запретом. Теперь нам известно, что нервные системы мужчины и женщины отличаются друг от друга не в меньшей степени, чем их тела. Уже при рождении женщины (с точки зрения статистики) характеризуются большей зависимостью и меньшей агрессивностью, тогда как для мужчин характерна высокая степень специализации полушиарий головного мозга (более развитый у женщин *corpus callosum* обеспечивает лучшую координацию полушиарий). В связи с этими особенностями очень важно, чтобы женщины не были исключены из процесса принятий решений по важным для всех нас вопросам. К счастью, неофеминизм правильно оценивает различия и ориентируется на взаимодополняемость и улучшение качества общения между представителями противоположного пола (см. увлекательную книгу Деборы Теннен «Вы просто не понимаете».31 [31] Вместе с тем необходимо остерегаться абсолютизации различий. Утверждение Тотилы о том, что принципы Отца, Матери и Ребенка не зависят от пола и возраста, напоминают нам, что, независимо от своей общей соотнесенности, они могут быть по-разному связаны на индивидуальном уровне. Каждого из нас необходимо оценивать по его конкретному комплексу характерных черт. Наша задача заключается не только в выравнивании силового равновесия между полами, но и в гуманизации внутренних элементов.]*You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*, by Deborah Tannen, Ph.D., Ballantine, New York, 1990).

[В своем первом прологе к «Андроклу и льву» [32] (с подзаголовком «Почему бы не дать христианству возможность?») Бернанд Шоу заметил, что «Предложение Христа считать любовь основной нормой кажется нам вполне приемлемым после двадцати веков, на протяжении которых предполагаемое христианство проводило политику в духе Вараввы». далее он пишет:]*Androcles and the Lion: An Old Fable Renovated*, by Bernard Shaw, Penguin Books, Baltimore, MD, 1957.

[Нортроп [33] полагает, что один из важнейших этапов нашей эпохи заключается в объединении ценностей Востока и Запада и интеграции Северного и Южного полушиарий. Приход буддизма на Запад, как мне кажется, следует рассматривать в свете первого утверждения. Духовные отцы христианской церкви признали ценность буддийской медитации как дополнения к традиционным видам духовной практики. Точно так же психотерапевты признали огромную важность буддийского метода как дополнения к интерперсональной психологии. Благодаря резонансу с современным научным языком этот духовный нетеистический подход может оказаться не только бесценным источником вдохновения, но и мостом между иудео-христианским и греко-римским наследиями.]*The Meeting of the East and West: An Inquiry Concerning World Understanding*, by F.S.C.Northrop, Collier Books, New York, 1974 (1946).

[В связи с этим мне кажется уместным привести здесь анализ современной ситуации, сделанный Уиллисом Харманом в его новой книге «Глобальное изменение сознания». [34] Рассматривая проблему безработицы, он отмечает, что она будет продолжать расти, но это не должно нас беспокоить, ибо у нас есть все основания полагать, что в век информации и роботизации, в который мы вступаем, большая часть работы, связанной с добыванием средств к существованию, может быть выполнена за людей. Раствущая незанятость способна

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org привести к недомоганиям тех, кто не знает, как ей воспользоваться, и потому Харман полагает, что свободное время в будущем даст нам бесценную возможность вернуться к жизни, сфокусированной на реализации высших ценностей и развития сознания. В связи с этим необходимо упомянуть и Джозефа Пипера, [35] по мнению которого принудительный досуг стал насущной потребностью в технократическом мире. Разумеется, нам необходимы пища и кровь, но нам необходим и досуг как таковой, ибо он обладает очень важным достоинством – возвращает нам способность к самоанализу и духовности.]*Global Mind Change*, by Willis Harman, Knowledge Systems, Inc., Indianapolis, IN. 1988.

[В связи с этим мне кажется уместным привести здесь анализ современной ситуации, сделанный Уиллисом Харманом в его новой книге «Глобальное изменение сознания». [34] Рассматривая проблему безработицы, он отмечает, что она будет продолжать расти, но это не должно нас беспокоить, ибо у нас есть все основания полагать, что в век информации и роботизации, в который мы вступаем, большая часть работы, связанной с добыванием средств к существованию, может быть выполнена за людей. Растущая незанятость способна привести к недомоганиям тех, кто не знает, как ей воспользоваться, и потому Харман полагает, что свободное время в будущем даст нам бесценную возможность вернуться к жизни, сфокусированной на реализации высших ценностей и развития сознания. В связи с этим необходимо упомянуть и Джозефа Пипера, [35] по мнению которого принудительный досуг стал насущной потребностью в технократическом мире. Разумеется, нам необходимы пища и кровь, но нам необходим и досуг как таковой, ибо он обладает очень важным достоинством – возвращает нам способность к самоанализу и духовности.]*Leisure, The Basis of Culture*, by Joseph Pieper (Alexander Dru's translation), New American Library, New York, 1963.

[Надеюсь, что у читателей не возникло впечатления, что я исчерпал свою тему. Напротив, я предлагаю им выявить дополнительные следствия вышеуказанной идеи, возводя мосты понимания между видимой поверхностью нашего комплекса проблем и указанной здесь коренной проблемой патриархального уклада, а также между идеалом триединого общества и средствами, которыми мы располагаем, как, например, методы разрешения конфликтных ситуаций (см. «Великий поворот» [36]), которые в настоящее время применяются в «образовании ради мира», или политические возможности системной терапии семей. Мне хотелось бы отметить, что при составлении планов и размышлении о том, каким станет мир, следует иметь в виду, что мир, конечно же, будет отличаться от наших замыслов. Иными словами, куда важнее, чем наши мысли и интуиции, – необходимость открыть себя для зарождающейся творческой способности. Чтобы пояснить эту мысль, воспользуемся двумя библейскими образами. Вавилонская башня – символ Нимрода – олицетворяет всепобеждающее стремление человека осуществить «титаническое» строительство от основания до крыши, от известного к неизвестному. В Апокалипсисе имеется другой, противоположный по смыслу образ. Святой Иоанн Богослов описывает, как после переломной катастрофы с неба на землю нисходит святой город Иерусалим в форме куба. Идея святого города в виде куба, образ кристаллической по своей точности и божественной организации]*The Great Turning*, by Craig Schindler and Gary Lapid, Bear and Company Publishing, Santa Fe, NM, 111989.

[Александр Кинг и Берtrand Шнейдер [37]]*La Primera Revolution Mundial*, by Alexander King and Bertrand Schneider, Plaza and Janes Editores, S.A., Barcelona, Spain, 1991.

[Г. Дж. Уэллс [38]]*H.G.Wells in Toward a Psychology of Sustainability*, by Roger Walsh, Revision Journal, Fall 1991.

[В связи с переходом в Америке от «революции сознания» 60-х годов к неоконсерватизму 80-х годов идеи претворения в жизнь системы всестороннего и комплексного образования могут показаться роскошью. Обходя вопрос об образовании, Янкелевич в своей изданной книге «Новые правила»³⁴ [39] отмечает, что мировая ситуация и положение человека становятся настолько нелегкими, что нам просто не остается времени на проявление и развитие своих возможностей. На период существования движения за развитие человеческого потенциала, он полагает, надо смотреть как на эфемерный отголосок преходящего изобилия.]*New Rules: Searching for Self-Fulfillment in a World Turned Upside Down*, by Daniel Yankelovich, Random House, New York, 1981.

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org

[Необходимо осторегаться такой точки зрения, ибо она означает возвращение к непримиримой позиции, в значительной мере способствовавшей возникновению современных проблем. Благодаря актуальности общечеловеческих проблем, новый подход к образованию становится не роскошью, а насущной необходимостью. В своем докладе Римскому клубу «Обучение без границ» [40] Боткин и другие сообщают: «После десяти лет обсуждения глобальных проблем в дискуссиях наметился определенный сдвиг. Большинство участников многочисленных конференций по глобальному имитационному моделированию осознало, что в диалогах недостает критического элемента. Озабоченность материальной стороной мировых проблем ограничила эффективность и масштаб дискуссий. В настоящее время необходимо вновь поставить в центр мировых проблем человека. Это означает, что нам следует выйти за пределы глобальных проблем, касающихся физического аспекта системы жизнеобеспечения, и признать первостепенное значение собственно человеческого аспекта».]*No Limits to Learning: Bridging the Human Gap, by James W. Botkin, Mahdi Elmandjra and Mircca Maletza, Pergamon Press, New York, 1979.*

[После пространных рассуждений о том, что прошла пора воплотить в жизнь систему комплексного образования, я хотел бы поделиться своими мыслями о будущих формах образования. В связи с этим упомяну эссе Олдоса Хаксли «О воспитании Амфибiana». [41] Мои наблюдения и предложения – дальнейшее, развитие замечаний, высказанных Хаксли около сорока лет назад.]*«On the Education of an Amphibian», in Tomorrow, and Tomorrow, and other essays, by Aldous Huxley, New York, 1956.*

[Существуют новые возможности, которые могут быть использованы в области образования для воспитания познавательных навыков. К ним относятся: упражнения с использованием всестороннего подхода к вопросу (метод Дебоно), обучение методам анализа предпосылок (см., например, работы Аберкромби [42] и Мэйфилда, [43] диалектическое мышление, неверbalное развитие общих умственных способностей (метод Фейерштейна) и т.д.) Вместе с тем, мне хотелось бы остановиться на двух старых дисциплинах, о которых мы не должны забывать. Речь идет о математике и музыке. Математика играет исключительно важную роль в воспитании способности рассуждать, и в прошлом педагоги прекрасно это понимали. Если мы стремимся установить равновесие между правым и левым полушарием, не следует отказываться от математики как устаревшей, не связанной с практикой дисциплины, хотя наша субкультура (в которой преобладает правое полушарие мозга) тяготеет, по-видимому, именно к этому. Теперь перейдем к музыке. Все творческие проявления можно рассматривать как средства для развития интуиции, и музыка выделяется среди них так же, как математика выделяется среди наук. По отношению к интуитивному полушарию мозга она выполняет ту же функцию, что математика по отношению к рассудочному полушарию. Здесь есть чему поучиться у венгров, которые под руководством Золтана Кодая около двух десятилетий назад выступили инициаторами музыкального образования и, используя сравнительный анализ, выявили благотворное влияние музыки на развитие интеллектуальных способностей детей. В этой области также имеются определенные возможности, которые можно использовать в наших школах, на пример, система Орфа и ритмика далькрозе.]*Anatomy of Thinking, by Abercrombie.*

[Существуют новые возможности, которые могут быть использованы в области образования для воспитания познавательных навыков. К ним относятся: упражнения с использованием всестороннего подхода к вопросу (метод Дебоно), обучение методам анализа предпосылок (см., например, работы Аберкромби [42] и Мэйфилда, [43] диалектическое мышление, невербальное развитие общих умственных способностей (метод Фейерштейна) и т.д.) Вместе с тем, мне хотелось бы остановиться на двух старых дисциплинах, о которых мы не должны забывать. Речь идет о математике и музыке. Математика играет исключительно важную роль в воспитании способности рассуждать, и в прошлом педагоги прекрасно это понимали. Если мы стремимся установить равновесие между правым и левым полушарием, не следует отказываться от математики как устаревшей, не связанной с практикой дисциплины, хотя наша субкультура (в которой преобладает правое полушарие мозга) тяготеет, по-видимому, именно к этому. Теперь перейдем к музыке. Все творческие проявления можно рассматривать как средства для развития интуиции, и музыка выделяется среди них так же, как математика выделяется среди наук. По отношению к интуитивному полушарию мозга она выполняет ту же функцию, что математика по отношению к рассудочному полушарию. Здесь есть чему поучиться у венгров, которые под руководством Золтана Кодая около двух десятилетий назад выступили инициаторами музыкального образования и, используя сравнительный анализ, выявили благотворное влияние музыки на развитие интеллектуальных

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
способностей детей. В этой области также имеются определенные возможности, которые можно использовать в наших школах, на пример, система Орфа и ритмика далькорзе.]Thinking for Yourself: Developing Critical Thinking Skills Through Writing, by Marlys Mayfield, Wadsworth Publishing Company, Belmont, CA. 1991.

[Я подчеркиваю не только нецелесообразность существующей системы образования, но и крайнюю необходимость проведения реформы. Причина того, что мы живем в кризисную эпоху, - наша неудача в области воспитания человеческих отношений, на которую мы совершенно не обращали внимания после ряда лет, в течение которых применительно к нашей макропроблеме употреблялось выражение «проблематичный мир», соучредитель Римского клуба Александр Кинг в своей недавно изданной книге «Первая мировая революция» [44] употребил придуманный им термин «резолютика». В своих предложениях о выходе из кризиса важную роль, наряду с техникой, он отводит образованию. Он полагает, что перед системой образования должны стоять следующие цели:] King and Schneider, op. cit.

[Ямблико [45]]Vida Pitagorica, by Jamblico, Etnos S/A, 1991.

[Гурджиев Г.И. [46]]Gurdjieff: Making a New World, by John G.Bennett, Turnstone Books, London, 1976.

[Элис Миллер [47]]For Your Own Good: Hidden Cruelty in Child-Rearing and the Roots of Violence, by Alice Miller, Farrar, Strauss, Giroux, New York, 1983.

[В предисловии к книге Боба Хоффмана «Никто не виноват (получение полюбовного развода с мамой и папой)» [48] я писал: «Рад думать, что мне удалось в какой-то мере приобрести хорошую карму, выступив здесь в роли Иоанна Крестителя». Я упомянул об открытии пути для человека, который может много предложить, и о том, что я «окрестил» его работу «процессом фишера-Хоффмана». Образ Иоанна Крестителя кажется здесь уместным в связи с иудео-христианским духом книги Хоффмана.] Hoffman, op. cit.

[По моему мнению, более плодотворно рассматривать обе полноправные стратегии - традиционную и современную - не как несовместимые, а как взаимодополняющие. Иными словами, оба терапевтических подхода можно объединить в единое целое. Катарсис ни в коей мере не препятствует стремлению изменить свое поведение к лучшему. Напротив, намеренное культивирование добродетели может привести к подавлению «недобродетельной» эмоциональности, если ее не дополнять снятием напряжения существующей (неидеальной) эмоциональной жизни. В связи с этим уместно привести следующее замечание Элис Миллер: [49]] Miller, op. cit.

[«В деятельности Фрейда, - пишут в своей книге «Язык психоанализа» [50] Лапланш и Понта-Лис, - принцип отождествления постепенно приобретает важнейшее значение, благодаря которому он становится не просто одним из психических механизмов, а операцией, посредством которой конституируется субъект» (разрядка автора).]The Language of Psychoanalysis, by J. Laplanche and J.B.Pontalis (Donald Nicholson-Smith translation), W.W.Norton and Co., Inc., New York, 1973 (1967).

[Стивен Ларсен [51]]The Shaman's Doorway: Opening Imagination to Power and Myth, by Stephen Larsen, Station Hill Press, Barrytown, NY, 1988.

[Норман О.Браун [52]] Brown, op. cit.

[Ограниченнность подхода к решению проблем, который по-прежнему носит сугубо практический и сосредоточенный на симптомах характер, отчетливо продемонстрирована в докладе Генерального Секретаря ООН в 1973 году: «При своем возникновении острые проблемы принимают форму коммерческих, финансовых и денежных диспропорций, возникающих в отдельных странах или группах стран. Более глубокий анализ показывает, что существующие в одной сфере проблемы данной страны или группы стран тесно связаны с сопутствующими ей проблемами, которые существуют в других сферах. Анализ показывает также, что адекватность общих решений зависит от проведения согласованных мероприятий в нескольких областях с общим учетом интересов всех стран. Проблема, которая, как может показаться, присуща только одной сфере, нередко свидетельствует о наличии самого широкого и чреватого серьезными последствиями напряжения в международной экономической системе в

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
целом». [53] United Nations Conference on Trade and Development
Interdependence of problems of trade, development, finance and the
international monetary system; report by the Secretary-General, Geneva,
UNCTAD, 6 July 1973, TD/B//459, para.1-3.

[В связи с существованием множества взаимосвязей между проблемами и их взаимодействий возникает гидроподобный феномен. Подобно тому, как у мифологической гидры отрастают после отсечения головы, так и наши проблемы стремятся к возобновлению всякий раз, когда мы пытаемся покончить с ними, не учитывая их взаимосвязей, ибо «не существует в отдельности таких, как демографический кризис, кризис урбанизации, экологический кризис, кризис вооружений, нефтяной кризис, кризис ресурсов, водяной кризис, почвенный кризис, рыбный кризис, технологический кризис, торговый кризис. Каждый из них оказывает воздействие на другие, и при всей целесообразности последовательного рассмотрения каждого из них в отдельности ни один кризис невозможно разрешить, не учитывая все остальные». [54] Jon Tinker. «The Green Revolution is Over». New Scientist, 7 November 1974, pp.388-393.

[Как отметил Римский клуб, уже один тот факт, что из-за сложности системы взаимодействия проблем «никакие сочетания технических, экономических и законодательных мер и средств не способны привести к существенному улучшению» [55] нашей ситуации, свидетельствует о необходимости применения не только междисциплинарных подходов. Считаю чрезвычайно важной ту точку зрения, согласно которой наши проблемы обязаны своим появлением не только человеку, но и задержке в его развитии (то есть игнорированию психодуховного развития на уровне человека).] Commentary by The Club of Rome Executive Committee on The Limits to Growth. Universe Books, New York, 1973, p. 193.

[«Если связанные с проблемами трудности и опасности возрастают в геометрической прогрессии, то объем знания и число специалистов, способных решать эти проблемы, возрастают в арифметической прогрессии», – говорит Егескел Дор в своих «Пролегоменах к политологии». [56] Целлариус и Платт отмечают: «В настоящее время принимается множество мер по решению этих проблем. Эти меры, однако, нередко приводят в соответствие с существующими институциональными моделями и политической или коммерческой целесообразностью, тогда как к принятию других, не менее и даже более важных, еще и не приступали. Более того, количество проблем, их сложность и взаимодействия настолько перегружают механизмы, предназначенные для их решения, что возникают совершенно обоснованные опасения, что эти механизмы выйдут из строя в критический момент и усугубят несчастья». [57] AAAS symposium, Boston, 1969.

[«Если связанные с проблемами трудности и опасности возрастают в геометрической прогрессии, то объем знания и число специалистов, способных решать эти проблемы, возрастают в арифметической прогрессии», – говорит Егескел Дор в своих «Пролегоменах к политологии». [56] Целлариус и Платт отмечают: «В настоящее время принимается множество мер по решению этих проблем. Эти меры, однако, нередко приводят в соответствие с существующими институциональными моделями и политической или коммерческой целесообразностью, тогда как к принятию других, не менее и даже более важных, еще и не приступали. Более того, количество проблем, их сложность и взаимодействия настолько перегружают механизмы, предназначенные для их решения, что возникают совершенно обоснованные опасения, что эти механизмы выйдут из строя в критический момент и усугубят несчастья». [57] R.A. Cellarius and Joh Piatt, Councils of Urgent Studies, Science, 25 August 1972, pp. 670-676.

[Кан и Винер отмечают, что «мир становится настолько сложным и изменяется настолько быстро, а необходимость прогнозирования проблем становится настолько важной, что у нас возникает искушение принести в жертву демократические политические процессы (иначе такие процессы окажутся нам не по средствам)». [58] H.Kahn and J.Wiener. «Faustian powers and human choices». In W.R.Ewald, Jr. (Ed). Environment and Change. Indiana University Press, Bloomington, 1968.

[К тому времени я с большим интересом прочитал книгу Элиаде о шаманизме (она была издана на испанском языке раньше, чем на английском, и до сих пор остается самой значительной работой по данной теме). [59] Мое уважение к работе Элиаде помогло мне убедиться в своей правоте, когда я стал считать себя шаманом в полном смысле этого слова. Вместе с тем, называясь шаманом,

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org
я осознал нечто шаманское в своих склонностях и в образе мыслей. Благодаря самоанализу я понял также, что термин «шаман» вполне можно применять к моим знакомым.] Le Chamanisme et les Techniques Archaiques de L'Extase, by Mircea Eliade, Payot, Paris, 1951.

[Одна из самых примечательных особенностей истории цивилизации состоит в том, что цивилизация ополчилась на инстинкт. Фрейд, а впоследствии Тойнби, считали это противоборство непреодолимой трагедией. Кестлер вместе с Тойнби утверждал, что между нашей инстинктивной способностью (унаследованной от предков-пресмыкающихся) и более поздним результатом развития нервной системы, который составляет основу мышления и стремления к установлению контроля разума над жизнью, возник разрыв, приведший к утрате инстинктивных способностей здорового животного. Однако и древний, и новый шаманизм (рождение которого происходит на наших глазах) свидетельствуют о том, что этот разрыв имеет функциональный и обратимый характер. «Внутреннее животное» можно реинтегрировать в психику сознания, и тогда мы достигнем полного и реального развития трех указанных способностей. Даже соглашаясь с утверждением об утрате человеком инстинктивной способности здорового животного по причине господства разума и о наличии разрыва между сферами инстинкта и разума, мы не должны разделять пессимистичеки относился к указанному разрыву вовсе не является непреложным биологическим фактом. Вполне достаточно воспринимать его как некий дисбаланс, поддерживаемый на протяжении всего развития общества и культуры. Действительно, реинтеграция сферы инстинкта в сферу сознательной психики косвенно входит в задачу, которую все более действенно решает современная психотерапия. Психотерапия началась с Фрейда, который, как и Кестлер, пессимистически относился к возможности интеграции инстинкта и цивилизации. [60] Вместе с тем, восстановление понимания (благодаря реинтеграции подавленной сферы) сочеталось с ориентацией на освобождение внутренних побуждений. В результате такого сближения возникло представление о врожденной невинности людей. Вильгельм Рейх и д.г. Лоуренс первыми выступили в поддержку этой точки зрения, которая получила широкое признание в гуманистической психологии.] Naranjo, op. cit.

[Среди всевозможных характеристик кундалини мне хотелось бы выделить одну особенность, которая непосредственно связана с шаманизмом. Определяя кундалини как «эволюционную силу», Гопи Кришна [61] полагает, что кундалини представляет собой нечто большее, чем источник духовной мотивации. Энергия кундалини непосредственно связана с руководящим принципом, и поэтому процесс дальнейшего развития личности приобретает в значительной степени автономный и спонтанный характер. Поскольку все духовные традиции признают существование внутреннего состояния, благодаря которому человек чувствует, что им руководят высшие силы или существа (например, суфиев определяют как лиц, которыми изнутри руководят такие силы), можно утверждать, что шаманом преимущественно руководит его внутренний руководитель (или руководители). В шаманизме содержится лишь минимум наставлений, касающихся передачи кодифицированных знаний. Характерно, что шаманская практика носит индивидуальный характер, поскольку шаманы применяют уникальные методы руководства другими людьми.] Civilization and Its Discontents, by Sigmund Freud, L. and Virginia Woolf at the Hogarth press /etc./, London, 1930.

[Современное терпимое отношение к безумию проистекает из более широкой терпимости к измененным состояниям сознания, из новой открытости перед опытом и готовности уступить ему, которые оправдывают употребление термина «дионасийский» для определения нового духа. Уже в конце прошлого столетия Ницше предсказывал «постепенное возрождение дионасийского духа в современном мире». Можно утверждать, что культурная революция 60-х годов носила преимущественно «дионасийский» характер. Эта особенность психохудожественной революции (см. С. Кин «Танцующему Богу») [62] Здесь наша новая духовность также подражает шаманизму, поскольку западное христианство, подобно «другим религиям», проникнуто аполлоновым духом в отличие от традиционного шаманизма, где царит дионас.] Kundalini, by Gopi Krishna, Shambala, Berkeley, CA, 1971.

[Важным этапом на пути к всеобщему пониманию и признанию послужил, как мне кажется, проведенный Эрихом Фроммом анализ психологии капиталистического общества. Следует напомнить, что после анализа нацизма в «Бегстве от свободы» [63] Фромм утверждал в «Здоровом обществе» [64], что современный американский капитализм ничуть не более здоров, просто его патология имеет менее очевидный характер. Он полагал, что иррациональность, выявляемая при панорамном рассмотрении нашей коллективной жизни, вызывает расширение

Агония Патриархата. Клаудио Наранхо filosoff.org патологии, которая настолько распространилась (обретя социально структурированный характер), что перестала восприниматься нами на индивидуальном уровне.]*Escape from Freedom*, by Erich Fromm, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1941.

[Важным этапом на пути к всеобщему пониманию и признанию послужил, как мне кажется, проведенный Эрихом Фроммом анализ психологии капиталистического общества. Следует напомнить, что после анализа нацизма в «Бегстве от свободы» [63] Фромм утверждал в «Здоровом обществе» [64], что современный американский капитализм ничуть не более здоров, просто его патология имеет менее очевидный характер. Он полагал, что иррациональность, выявляемая при панорамном рассмотрении нашей коллективной жизни, вызывает расширение патологии, которая настолько распространилась (обретя социально структурированный характер), что перестала восприниматься нами на индивидуальном уровне.]*The Sane Society*, by Erich Fromm, Holt, Rinehart and Winston, New York, 1955.

[Огромное влияние на развитие психотерапии и особенно на гуманистическое движение (в лице неофрейдистских и антифрейдистских представителей) оказал Вильгельм Рейх. К его заслугам следует отнести преодоление ортодоксального понимания репрессии как неизбежной пертурбации сознания, проистекающей из несовместимости между цивилизацией и инстинктом. Подобно Норману О.Брауну, Герберту Маркузе [65] и последующим ученым, Рейх верил в необходимость освобождения импульсов и в первую очередь сексуальности. Как и Фрейд, он оказал влияние не только на психологию, но и на развитие культуры в целом, заняв позицию противника авторитаризма и сторонника сексуальной свободы. В отличие от Месмера и Фрейда, он был новым шаманом и в другом отношении, поскольку сам прошел через психотический опыт.]*One Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*, by Herbert Marcuse, Beacon Press, Boston, MA, 1964, 1968.

[В связи с транскультурной концепцией шаманизма я хотел бы привести два примера. В 60-х годах я занимался исследованием воздействия на человека напитка, известного под названием Айахуаска, [66] который использовали в процессе обучения южно-американские шаманы, и сделал поразительное открытие: участники моих экспериментов, которым ничего не было известно о происхождении экспериментальных веществ, имели видения джунглей, кишащих дикими кошками, змеями и хищными птицами. В то время антропологи считали, что передача вызванных айахуаска видений происходит социальным путем, как влияние определенной культуры на индивида, употребившего «напиток джунглей». Однако проведенные в Чили эксперименты с участием добровольцев возводили мне сделать вывод, что такие видения (характерные для шаманизма) за пределами Амазонки культурным влиянием не обусловлены и в латентном состоянии присутствуют в каждом человеке.]*Hallucinogens and Shamanism*, by Claudio Naranjo, edited by Michael J. Harner, Oxford University Press, New York, 1973.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!